
«Предопределение»
в лермонтовском «Фаталисте»*

© Т. А. КОШЕМЧУК,
доктор филологических наук

В статье анализируется проблема предопределения, как она дана в главе «Фаталист» лермонтовского романа «Герой нашего времени». Проблема дается не в привычной дуальности веры в судьбу или неверия, но как целый спектр различных представлений о судьбе, проверяемых в лермонтовском тексте: судьба в мусульманском варианте, в христианском понимании, в простонародном представлении, в духе древних мифологических верований, с позиции здравого смысла и современного критического сознания, исходя из глубокого опыта жизни. Композиционная основа этих многообразных вариаций темы судьбы – поединок двух основных типов отношений с судьбой – в двух экспериментах, Вулича и Печорина.

Ключевые слова: фатализм, предопределение, эксперимент, судьба, грех, свобода.

---

* Окончание. Начало см. «Русская речь». 2016. № 4.

The article deals with the problem of predestination in the last part of the Lermontov's novel in chapter «Fatalist». The problem is taken not in the traditional dualism of the belief in fate or negation of it, but as a spectrum of different ideas about fate: Moslem, Christian, traditional people's beliefs, blind fate of old mythology, modern critical point of view, life experience. All these variants are organized in the composition of the text round the struggle of two types of relations with the fate – in the experiments of Vulich and Pechorin.

Key words: fatalism, predestination, experiment, fate, sin, freedom.

Вопрос, стоящий перед Лермонтовым в его 25 лет, – предопределение – одна из сложнейших религиозно-философских проблем, которую стремятся разрешить различные традиции и не достигают успеха. Причем внутри и христианской, и мусульманской культуры, к которым обращается герой, можно обнаружить многообразие ответов, если вспомнить острые богословские споры об этой проблеме. В поле зрения Печорина и античная мысль, древняя астрология. И вряд ли та или иная религиозная или философская традиция в XIX столетии могла быть воспринята Лермонтовым как дающая окончательный и исчерпывающий ответ, в полной мере удовлетворяющий ищущий истину человеческий разум. Не случайно, и опять же в различных традициях, внутри христианства и мусульманства, проблема в итоге воспринимается как превосходящая человеческое понимание.

Что касается западной философии, «метафизики», «метафизических прений», Печорин говорит о том с иронией... Важнейший источник лермонтовской мысли – личное созерцание жизни, индивидуальный опыт наблюдений, мысли и чувства, прочная опора здесь не в предшествующем, но собственное Я, личный опыт. И в поле возникающих в результате возможных многообразных ответов, различных ракурсов проблемы разворачивается лермонтовская – столь молодая еще и столь дерзко берущаяся за сложнейшие задачи – мысль, своя, индивидуальная, и уже предопределенная к раннему обрыву.

Перечислим основные вариации темы судьбы в сгущеннейшем тексте «Фаталиста».

Прежде всего, простое и жесткое предопределение в понимании Вулича. Оно непосредственно связано с мусульманским поверьем о написанной на небесах судьбе: «Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников; каждый рассказывал разные необыкновенные случаи pro или contra». Герои бытового/народного сознания подтверждают или опровергают тезис опытно, случаями из жизни, которые всегда недостоверны, но воздействуют на чувства. Эксперимент Вулича на их фоне проверяет: своеволие в смерти – или ее предопределенность во времени. Итог говорит как будто в пользу

последнего. И недоумение Печорина связано не с сомнением в предопределении, но с его пониманием, со *странностью* вуличевского жесткого предопределения, до бессмысленности скрупулезного в своем предписании умереть в точно означенный миг: *спасает от верной смерти за полчаса до смерти*.

Иное понимание предопределения намечено в новелле как христианский взгляд на судьбу, как божественное предопределение (или предвидение, провидение – эти разные идеи не разграничиваются в новелле), и суть дела связывается с проблемой греха, ответственности и воздаяния, об этом говорит Лермонтов в отточенном философском вопрошании от лица одного из присутствующих, безмянного героя из хора (народного) простодушных собеседников: «...сказал кто-то...». «И если точно есть предопределение, то зачем нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчет в наших поступках?». Если есть предопределение, то воля и рассудок излишни, и мы не ответственны за свои поступки – так следовало бы полагать в духе мусульманского и вуличевского понимания.

Европейское христианское сознание исходит из предварительной констатации: нам *даны* воля и разум – ценности безусловные, европейский человек не может мыслить себя вне их, и, далее, воспитанный в христианской традиции человек утверждает как данность и свою ответственность. Приведенные слова у Лермонтова произносятся после объединяющего: «мусульманское поверье о предопределении находит и среди христиан многих поклонников...». Проблемой является именно сопряжение, а не растяжка этих жизненных реалий в простую дуальность: *воля, разум и ответственность*, с одной стороны, с другой – *предопределение*. Эта связь обозначена в народно-христианском суждении, восполняющем противопоставленное – *грехом*: « – Побойся Бога. Ведь ты ... честный христианин; ну, уж коли грех твой попал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!». Неминуемая судьба казака-убийцы здесь понята как воля Бога, явная именно для христианина, с его знанием греха и ответственности за грех, который *попугал*. По смыслу высказывания, судьба преступника, неизбежная участь, ничего не поделаешь, раз уж согрешил, – сдаться, добровольно принять и понести наказание.

Так для Печорина – Автора – читателя – указан круг основных реалий жизни, названных, но не развернутых, и понимание может продуктивно разворачиваться с учетом их всех, включая и полярности, в сложнейшем единстве предопределения, греха и возмездия, свободы и ответственности.

Астрология древних и присущий ей фатализм, а также античное представление о роке и о тщетной героической борьбе человека с судьбой – эти идеи учитываются в размышлениях Печорина о *людях*

премудрых, думавших, «что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!..». Современный человек с его скепсисом, таковым Печорин считает и себя, противопоставлен этому мироощущению: «А мы, их жалкие потомки...», не способные к *жертвам на благо человечества, скитаемся по земле*, не имея, как они, «...даже того неопределенного, хотя и истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или судьбою...». Печорин, несмотря на его иронию, понимает силу этой *смешной* позиции древних, утверждающей непосредственную, интимную связь человека, всех событий его жизни, с целым космосом: *все небо с бесчисленными светилами* участвует в его жизни. Для *современного человека* это лишь *зablуждение*, но этот современный человек оказывается в слабой и бесплодной для жизни (он отдает себе в этом точный отчет) мыслительной ситуации.

Так в одном из пунктов мыслительного круга этой новеллы дается Лермонтовым это противопоставление, еще одна дуальность: определяющее участие неба в жизни человека – его отрицание; впрочем, здесь размышления Печорина не отличаются серьезностью, в них очевидна нарочитая ирония человека, не устаивающего подвергнуть мысль глубокому и ответственному рассмотрению – да и вообще лучше смотреть не на небо, а под ноги... – и услужливый аргумент: иначе можно споткнуться об... убитую свинью. Итак, еще одна мнимая дуальность: либо наивная воодушевляющая вера в небесное предопределение, либо бесплодный скепсис – снимается другой дуальностью, заостренной в тоне небрежной шутки: или отвлеченные рассуждения о судьбе – или внимание к действительности. Но в круге авторского целого и здесь просматривается как возможность некая искомая цельность – связь человека с небом, участие небес в его жизни – и трезвый человеческий, лишь на себя полагающийся и все проверяющий разум, охват и небесного и земного.

Судьба человека рассматривается как естественный ход событий, вполне объяснимый с точки зрения здравого смысла и трезвого народного/бытового суждения. Осечка? – «Впрочем, эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны или не довольно крепко прижмешь пальцем...». Вулич убит пьяным казаком? – это случай, но еще не рок, казак, может быть, не остановился бы, если б Вулич вдруг не сказал: «Кого ты, братец, ищешь?» – «Тебя!» Мудрый Максим Максимыч снова комментитрует: «Черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!..».

В круге мыслей новеллы есть и абсолютный, опытно данный фатализм в словах Печорина: «Ведь хуже смерти ничего не случится – а смерти не минуешь!».

С абсолютным предопределением связана и обыденная/народная, глубоко укорененная вера в то, что жизнь человека не есть случайность,

но она законосообразна и индивидуальна: *своей судьбы не минуешь*. Эта бессознательная убежденность в предопределенности не только смерти, но и человеческой жизни, у каждого – *своей*, дается в ряде эпизодов новеллы и в сознании фактически всех героев «Фаталиста», кроме казака-убийцы (ему не дано голоса), и проявлена она прежде всего как бытовой, речевой фатализм, утверждающий *судьбу* в привычных оборотах речи. Использование подобных выражений присуще Печорину: он говорит о тех, кого Вуличу «...судьба дала ему в товарищи». Но и с иронией: «...видно, было написано на небесах, что в эту ночь я не выплюсь». Далее, тот же речевой фатализм в словах казаков к убийце Вулича: «...нечего делать: своей судьбы не минуешь!». Наконец, Максим Максимыч: «Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...» – еще один речевой симптом неосознанного фатализма.

Народное восприятие судьбы с более глубокими нравственными, духовными оттенками ощутимо в часто произносимых словах *своей судьбы не минуешь* и *на роду написано* с печально-смиренной добавкой: *нечего делать...* Об этой черте русского народного сознания писал В.О. Ключевский в статье «Грусть. Памяти М.Ю. Лермонтова» как о «нравственном правиле, преданности судьбе, то есть воле Божией» с оттенком грусти, которая есть «художественное выражение» стиха: *да будет воля Твоя* [1. С. 264–265]. В этой непосредственно-наивной народной вере в судьбу божественное предопределение, лично обращенное к каждому, соединяется с ответственностью за вольно совершенное: « – ...уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать...» – и это вносит в конце новеллы нравственный смысл в предопределенность человеческой жизни. В том же ключе, но с характерным для всей новеллы сниженно-ироническом звучанием, не дающим мысли Автора сбиться в проповеднический тон (от чего не уберется далее русская литература), звучит еще одна реплика: « – Эй, тетка! – сказал есаул старухе, – поговори сыну, авось тебя послушает... Ведь это только Бога гневить». Здесь прямое осуждение упорства в грехе снижается бесцеремонным *эй, тетка* и – комизмом следующей реплики, ставящей рядом с Богом и Его гневом – недовольство *господ*: «Да посмотри, вот и господа уж два часа дожидаются».

Но характерно, что эта позиция – мудрость наивно-простодушного христианства дана в новелле и последней: Максим Максимович «примолвил, несколько подумав: – Да, жаль беднягу... Черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...». В этих словах, замыкающих всю историю, – несколько идей, точно выверенных Автором: сначала – жалость, она прозвучала и в печоринских словах о Вуличе: «я предсказал невольно *бедному* его судьбу»; потом указание, с точки зрения здравого смысла, на ошибку, роковой промах Вулича – и *черт дернул*, тут не обошлось

без темного импульса и в душе безумного убийцы, и в странном неразумии Вулича. Наконец, итоговое: *впрочем, видно, судьба...* Но предопределение *штука довольно мудреная* для Максима Максимыча – эта печоринская шутка снимает серьезность итога.

Есть в новелле и ничем не снятое, вне всякой иронии, опытно данное предопределение, обнаруживаемое в глубоких наблюдениях над жизнью, остро-критическом сознании и внимательном, холодном, созерцающем взгляде Печорина. То есть созерцаемое в опыте жизни предопределение, возможность прочесть предназначенное. Оно не просто есть, но человек может его понять, угадать по точным, визуально наблюдаемым признакам, причем читать эти симптомы могут разные люди, обладающие жизненной мудростью и опытностью. Об этом говорит Печорин, внимательно наблюдая за Вуличем в ходе эксперимента: «...я читал печать смерти на бледном лице его. Я замечал, и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться. – Вы нынче умрете! – сказал я ему». Здесь и обнаружилось недоумение Печорина, обозначенное в начале статьи, – после осечки: дан симптом близкой смерти, он Печориным прочитывается со всей определенностью, но – подтверждения не последовало, *странное* предопределение (дважды звучит это слово применительно к ситуации) явно дало о себе знать – и обмануло, – так казалось в тот момент.

Да, ангел смерти заглянул в глаза Вуличу, и Печорин, чуткий свидетель, тонко чувствует произошедшее. Высказанное печоринское недоумение вызвало *странную* же реакцию Вулича, обнаружившую его страх смерти (на что обратил внимание Г.А. Мейер, см.: [1. С. 895]). Но и нечто иное: «Этот же человек, который так недавно метил себе преспокойно в лоб, теперь вдруг вспыхнул и смутился. – Однако же довольно! – сказал он, вставая, пари наше кончилось, и теперь ваши замечания, мне кажется, неуместны... – Он взял шапку и ушел. Это мне показалось странным – и недаром!..».

Действительно, у Вулича была причина для смущения: Печорин *неуместными* словами подтвердил его предчувствие, возможность близкой минуты смерти, не предотвращенной, не снятой, как оказалось теперь, отчаянным деянием... Вулич уходит в этом встревоженном состоянии смущения – навстречу случаю, сведшему его с обезумевшим казаком, и его неточная, ошибочная реакция на случай (зачем же *ночью с пьяным разговаривать*) не без подсказки темной силы (*черт дернул*) приводит к смерти – предрешенной ли? Казалось бы, сцеплением обстоятельств предопределение ведет человека к заданной точке. И в ней мог ли Вулич одолеть судьбу, в случае *не-захваченности* смущением и страхом мог ли он *не* остановить пьяного казака, если бы реакция его была

точной и здравой? Этот оклик – значительный симптом. Автор подчеркивает: казак «...может быть, прошел бы мимо, не заметив его, если б Вулич, вдруг остановясь, не сказал: “Кого ты, братец, ищешь” – “Тебя!” – отвечал казак, ударив его шашкой».

Предсмертные слова Вулича сказали о том, что он не мог отделаться и в свои последние минуты от смятения, вызванного печоринской реакцией: «...он был уже при последнем издыхании и сказал только два слова: “Он прав!” Я один понимал темное значение этих слов: они относились ко мне». И здесь Печорин не шутит, куда там! Он совершенно серьезен – перед этим стечением судеб, в котором он оказался соучастником и угадчиком. И здесь вновь подтверждение, самое глубокое в новелле, того, что названо нами опытным фатализмом: жизнь учит чуткого к ней человека слышать голос неотвратимого или созревающего будущего, знать этот предупреждающий об опасности голос в своей душе, *точно* понимать его.

Серьезности этого, данного в опыте жизни, печоринского фатализма противостоит его же принцип сомнения и проверки всего, особенно в том, что касается объяснения, теоретической оценки произошедшего в жизни. Печорин напрямую подвергает сомнению – не само предопределение, а напрашивающийся вывод из собственного переживания, утверждая в итоге сомнение как нечто самое несомненное: «Но кто знает наверное, убежден ли он в чем или нет?.. и как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!..»; «... имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не веритьяся слепо...»; «...я люблю сомневаться во всем...». Наконец: «Происшествие этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатление и раздражило мои нервы; не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил: доказательство было разительно, и я, несмотря на то, что посмеялся над нашими предками и их услужливой астрологией, попал невольно в их колею, но я остановил себя вовремя...». После «да» на вопрос Вулича, *верит* ли он теперь, после его эксперимента, предопределению, Печорин наедине с собой подтверждает: *твердо верил* тому, чему тут же и посмеялся. Но в вере, как в чувстве, как и в выводах рассудка, Печорин не склонен отдаваться их течению, он останавливает себя – и смотрит под ноги. Он внимательно созерцает жизнь, дает ей высказаться, слушает ее язык. В отличие от Вулича. Его *твердая вера*, основанная на личном опыте наблюдения, и его *сомнение во всем* здесь сходятся и неполны друг без друга. Вопреки стараниям филологов выбрать одну из полярностей в качестве однозначного ответа.

Наконец, еще один и едва ли не самый темный и трагический лик предопределения – древний фатализм, отголосок мифологических верований, предопределение как иррациональная, темная, бессмысленная

судьба: два зарубленных кровавых тела в темной станице, труп Вулича и туша свиньи... Об этом «дьявольском параллелизме» писал Г.А. Мейер: «метафизическая авантюра, предпринятая Вуличем, пробуждает разгневанный Рок» [1. С. 896], здесь не без морализаторства: свинья – «греховный символ вуличевской попытки заглянуть в запредельное» [Там же. С. 897].

Да, будто темный и мстительный рок, *разбуженный экспериментом, обрушивается на него*, как... пьяный казак с шашкой... не разбирающий ничего на своем пути, – этот образ судьбы, ее бессмысленного действия дан у Лермонтова в жесткости оскорбительного сопоставления, для такой судьбы равно: что свинья, что яркая и сложная человеческая жизнь. И не только *странно* это предопределение, но отвратительно: ведет к смерти, оскорбительно свиноподобной. Как будто ничто не снимает в новелле этого жесткого оттенка: безжалостного издевательства свирепой судьбы. И какая странная логика: Вулич будто доказывает не-всесильность смерти: она не может коснуться человека, если его час не пришел. Но эта пристыженная на миг судьба-смерть отыгрывается: уравнивает в смерти со свиньей, так же случайно попавшейся под пьяную руку. И сам этот эксперимент Вулича – предстает в этом свете как... нечестивый, да ведь и раньше стоило сказать: в эксперименте Вулича изначально звучала эта нота – недолжности... Как будто в строе бытия нарушено нечто этим деянием, этим любопытствующим приравнованием жизни к карточной игре – и напряженные кармические нити натянуты и дрожат... и в сложных связях жизни совершается резкий слом...

Но все же реакция рока, если это *разбуженный рок*, непомерно глумлива! Заслужен ли этот финал, эта оценка его жизненной позиции – как «свинство», Вуличем, с его старанием *иметь вид существа особенного*, дерзко обращаящегося с судьбой, с его пристрастием ко всему роковому? ...Возможно, мы ошутим здесь некую логику судьбы Вулича, а в его отношении к жизни, не знающей свободы, и к предопределению-счетоводу почувствуем нечто дочеловеческое, животное... или вынуждены будем признаться: логика эта неразгадываема, если мы смотрим только на эту, текущую в этом отрывке жизнь, и глубже где-то, в предшествующем, сокрыто, быть может, то, что дало бы понимание этой жизни, ее закономерностей, – но туда не дерзает смотреть печоринская и авторская мысль. Читателю стоит в любом случае остановиться при искушении морализаторской оценки. И эта туша зарубленной свиньи, о которую *едва не споткнулся* Печорин, – это безобразия в действии предопределения, кажется, ничем в новелле не снято...

Последнее в круге версий и в самом романе Лермонтова: предопределение и свобода. Да, возможны иные, чем у Вулича, отношения с судьбой, и Печорин, выше всего ценящий свободу, разрешает этот эффект

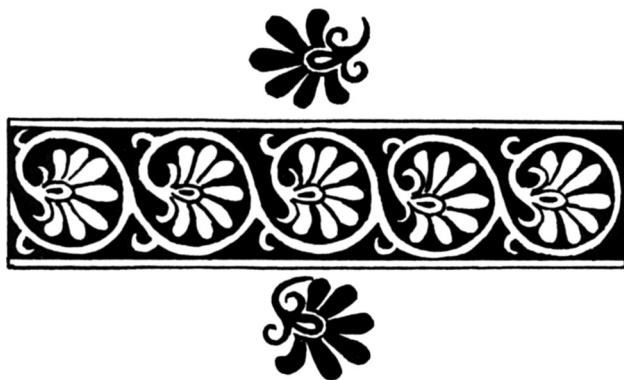
павшего тяжким грузом оскорбительного предопределения: человек как игрушка рока, подобного шашке безумца. Стремительно развертывается второй сюжет: пьяного казака, убийцу Вулича, отказывающегося сдаться, убедить нельзя, при захвате он может еще кого-то *положить*... Выказано и предложение *пристрелить* его через щель – на глазах у его матери-старухи. И Печорин – из свободно принятого решения: *я вздумал*... – начинает свой эксперимент, поединок с судьбой, однако полный смысла, спасительный, разумный: он, не говоря этого, по сути, спасает убийцу от смерти без осознания содеянного и без покаяния, спасает других казаков – от риска смерти в прямой попытке захвата, мать казака – от отчаяния. Себя – от оскорбительности той судьбы, которая так бесстыдно кажет свой безумный лик. Без всяких патетических и высоких слов он говорит свое, облегченное: «...подобно Вуличу, я вздумал испытать судьбу».

Провидение не алгебра, – говорил Пушкин. Это сложное единство Лермонтов и обрисовывает в своей мастерски построенной новелле, в рамках изящной словесности, нигде не выходящей в трактат, и тема ее в как будто спонтанно сменяющихся вариациях звучит без явного нарастания, не устремляясь к конечной высокой кульминации или к разрешению. Здесь лишь начало, исполненное драматизма жизненное поле, и писатель играет многими гранями в многозначности центральной проблемы, из круга которых открываются пути для дальнейших проникновений, пути, к которым мог бы он обратиться далее. Если бы не *вечно печальная дуэль*...

Литература

1. Лермонтов М.Ю.: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., 2002. Далее указ. только стр.

*Санкт-Петербургский
государственный университет*

«Жил на свете таракан...»

Стилистические особенности басни из «Бесов» Ф.М. Достоевского

© А. Б. КРИНИЦЫН,
кандидат филологических наук

Комплексный анализ басни «Жил на свете таракан...» позволяет выявить удивительные единство и взаимосвязанность тем и идей во всем позднем творчестве Достоевского и теснейшую связь комического, драматического и философского аспектов в его творчестве.

Шуточная и пародийная басня Лебядкина должна отвечать, по претензии ее автора, на экзистенциальные вопросы о смысле бытия человека в мироздании – на вопрошание «Почему?», обращенное к Творцу Вселенной. Это практически единственный случай обращения Достоевского к жанрам и стилю русской поэзии XVIII века. В итоге мы имеем интересный стилистический феномен двойного пародирования, поскольку травестируется жанр басни, сам по себе являющийся пародией на высокие жанры и соединяющий в себе игровым образом противоположные стилистические элементы. Это подчеркивается тем, что сам Лебядкин комически сопоставляет себя с Державиным. Под образом «таракана от детства» капитан Лебядкин подразумевает самого себя,

с двумя характеристическими доминантами: «трагической» судьбой и «шутовской» линией поведения.

Ключевые слова: басня, Державин, Достоевский, «Бесы», ода «Бог», пародия, травестия, шут, поэзия XVIII века.

Captain Lebjadkin's fable «Once upon a time there was a cockroach...» as a genre and ideological experiment (Dostoevsky's «The Devils»)

A comprehensive analysis of the fable «Once upon a time there was a cockroach...» helps identify a striking unity and interconnection of themes and ideas of Dostoevsky's later works, as well as close links between the comic, dramatic and philosophical aspects of his literary heritage.

The comic and parody fable is to (as its author pretends) deal with existential issues about the meaning of human life in the universe – a question «Why» directed at the Creator. This is the only instance when Dostoevsky turns to genres and stylistics of the Russian poetry of the 18th century. As a result, we are faced with an interesting phenomenon of a double parody, for what is being parodied is the genre of a fable which is in itself a parody of «higher» genres, playfully combining opposite stylistic elements. This is stressed by Lebjadkin comparing himself with Derzhavin. By «a cockroach from his childhood» Lebjadkin implies himself, with two dominating characteristic features: tragic fate and comic behavior.

Key words: fable, Derzhavin, Dostoevsky, «the Devils», ode «God», parody, travesty, a jester, poetry of the 18th century.

Все стихи в текстах романов Достоевского, цитируемые (ода «К радости» Шиллера, баллада «Жил на свете рыцарь бедный...» Пушкина), самосочиненные героями или даже только задуманные к сочинению (как поэма о великом инквизиторе или Видение Христа на Балтийском море в пересказе Версилова), выражают в символической форме центральные идеи писателя или являются своеобразным ключом к пониманию образа героя. В полной мере это относится также к комическим стихотворениям. Рассмотрим символический смысл шуточного и пародийного стихотворения «поэта-дилетанта» капитана Лебядкина «Жил на свете таракан...», вызывающего особый интерес уже тем, что это практически единственный случай обращения Достоевского к жанрам и стилю русской поэзии XVIII века.

Лебядкин – шут, привносящий всюду, где он только ни появляется, карнавальную атмосферу, в понимании М.М. Бахтина. Его речи в точности соответствуют «карнавальной природе мениппеи» и «сократического диалога» с их «вольным мезальянсом мыслей и образов» [1] и, таким образом, позволяют выразить глубокие философские мысли в травестийной форме. Одновременно страсть Лебядкина к Лизе Тушиной (являясь рудиментом первоначального сюжетного проекта

романа – о капитане Каргузове, «маленьком человеке», влюбленном в недоступную светскую красавицу) делает его смехотворным, «невозможным» соперником Ставрогину. Поэтому весь его образ строится на сочетании высокого и низкого стилистических регистров, как пародийное искажение героя-идеолога «пятикнижия». «Поэзия Лебядкина есть искажение поэзии, но лишь в том же смысле и в той же мере, как сам он есть трагическое искажение человеческого образа. Несоответствие формы и содержания в поэзии Лебядкина по существу трагично, хотя по внешности пародийно. (...) Трагикомизм Лебядкина – в том, что у него высокое содержание невольно облекается в низкую форму» – справедливо отмечал В. Ходасевич в своей статье о поэзии Игната Лебядкина. Именно Ходасевич обратил внимание на специфическую художественность и глубину поэзии незадачливого капитана, однако, к сожалению, именно басня о таракане осталась в его эссе вне рассмотрения [2].

Басня «Жил на свете таракан...» должна отвечать, по претензии ее автора, на экзистенциальные вопросы о смысле бытия человека в мироздании – на вопрошание «Почему?», обращенное к Творцу Вселенной: «...это маленькое словечко “почему” разлито во всей вселенной с самого первого дня мироздания, сударыня, и вся природа ежеминутно кричит своему творцу: “почему?” и вот уже семь тысяч лет не получает ответа. (...) *Ответ на дне этой басни, огненными литерами!*» [3. Т. 10. С. 140–141. Курсив здесь и далее наш. – А.К.]. Читает свой «шедевр» капитан в салоне Варвары Петровны Ставругиной, интригуя ее и всех собравшихся возможным раскрытием страшной тайны (состоящей в том, что его сестра тайно повенчана со Ставругиным) и в то же время его «страшно кружит» от присутствия Лизаветы Тушиной, которой он уже слал письма с признаниями в любви и «высокопоэтическими» виршами («О, как мила она, / Елизавета Тушина, / (...) Тогда брачных и законных наслаждений желаю / И вслед ей, вместе с матерью, слезу посылаю») [Там же. С. 106]. Впервые попав в «великосветский» салон, он испытывает «сильную в себе неуверенность, а вместе с тем наглость и какую-то беспрерывную раздражительность» [Там же. С. 137]. Таким образом, к чтению басни его побуждают одновременно сознание собственного ничтожества и преисполненность своей значительностью.

Сам образ таракана в стакане позаимствован Достоевским из стихотворения И. Мятлева «Фантастическая высказка». Обратим внимание, что в стихотворении Мятлева речь идет о несчастной тайной любви, при крайнем самоуничижении лирического героя: «Таракан / Как в стакан / Попадет – / Пропадет, / На стекло – / Тяжело – / Не вползет. / Так и я: / Жизнь моя / Отцвела, / Отбыла; / Я пленен, / Я влюблен, / Но в кого?» [4]. Текст действительно соответствует сюжету влюбленности Лебядкина в Лизу Тушину, перед которой он и читает это стихотворение. Легкий, танцующий ритм Мятлева и его водевильный тон

меняются у Достоевского на высокопарность и нравоучительность басни XVIII века, крайне неуклюже выраженной. В результате философские смыслы сопрягаются в басне с психологическим очерком и разработкой любовной линии.

Обратимся подробнее к ее содержанию. Уже первая строка: «Жил на свете таракан...» – вступает в противоречие с басенной традицией, ибо басня представляет собой рассказ о частном происшествии, анекдот, и зачин у нее всегда «ситуативный»: «Однажды...», «Раз...» («Однажды лебедь, рак и щука...») или же вводящий читателя сразу в центр событий: («Вороне где-то Бог послал кусочек сыру»; «Волк ночью... попал на парню»).

У басни Лебядкина начало «экзистенциальное»: «Жил...», типичное скорее для сказок. Вариант данного зачина актуализировал Гоголь в «Шинели»: «Итак, в одном департаменте служил один чиновник...». Этот момент представляется нам весьма характерным, так как капитан Лебядкин представляет собой своеобразное развитие типа «маленького человека», обреченность на ничтожество которого знаменует строка «Таракан от детства...». Она акцентирует мотив проклятия рождения, изначальной несправедливости, совершенной над существом, обреченным на ничтожество самой природой. «Маленький человек» у Достоевского из-за развитой способности рефлексировать мучительно переживает свою неполноценность и эволюционирует в «подпольного героя», характеризующего себя как «усиленно сознающую мышь». Изначально онтологически ущемленными объявляют себя многие, слишком многие герои Достоевского, наделенные «подпольными чертами». В этом признается герой рассказа «Сон смешного человека»: «Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим...» [Т. 25. С. 104]; Подпольный парадоксалист: «Я человек большой... Я злой человек. Непривлекательный я человек» [Т. 5. С. 99]; Мармеладов: «В нищете я первый сам готов оскорблять себя» [Т. 6. С. 13]. Это и есть первое «Почему?», с которым обращаются к Творцу его взыскующие справедливости *твари*. «Эмоциональная сфера “философской басни” – рефлексия существа, которое даже в богоборческом бунте не смеет представить себя иначе, как “тараканом”», – справедливо отмечает И.Л. Альми [5].

Образ таракана аллегорически описывает «подпольный» тип («таракан от детства»), ибо капитан Лебядкин подразумевает под ним самого себя, с двумя характеристическими доминантами: «трагической» судьбой и «шутовской» линией поведения. Не случайно Лебядкин, с его «идиотской ухмылкой», уподобляется шуту в «Короле Лире», так же служащему драматизации действия [6].

Далее таракан попадает в *стакан, полный мухоедства*, – то есть в земной мир, где каждый ненавидит другого. «Ибо все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от

другого отдаляется, прячется и что имеет прячет, и кончает тем, что сам от людей отталкивается и сам людей от себя отталкивает», – так определяет сию всеобщую противоестественную вражду Михаил, «таинственный посетитель» Зосимы [Т. 14. С. 275].

Отметим, что насекомые в образном ряду Достоевского встречаются довольно часто: это и сравнение человека с «зловредной вошью» в устах Раскольникова, и «мушка, жужжащая в солнечном луче», которой завидует умирающий Ипполит [Т. 8. С. 343]; и пауки по углам деревенской бани, и паук, ползущий по стене, которому, как и всему живому, радуется обретший истину Кириллов; и «сладострастное» насекомое из оды «К радости» Шиллера, с которым сравнивает себя Дмитрий Карамазов. Обратим внимание, что эти образы далеко не всегда имеют отрицательную коннотацию, но практически всякий раз символизируют уничтожение. Да и сам капитан Лебядкин в письме к Лизе сравнивал себя с инфузорией: «Может ли солнце рассердиться на инфузорию, если та сочинит ему из капли воды, где их множество..?» [Т. 10. С. 106]. Капля воды в данном случае вполне тождественна по аллегорическому значению стакану с мухами и тараканом.

С лингвистической точки зрения, словосочетание *таракан от детства* недопустимо, во-первых, потому, что к существительному применяются временные отношения, возможные только при предикате, во-вторых, потому, что при управлении неправильно употреблен предлог (*от детства* вместо *с детства*). Очевидно, неумелый сочинитель «пожертвовал» правильностью речи ради соблюдения поэтического размера (который он, однако, все равно нарушит в следующем же катрене, в последней строчке: «К Юпитеру закричали»). Слово *мухоедство* само по себе образовано правильно, по аналогии с *людоедством*, но помещено в словосочетание с совершенно невозможным управлением: *стакан, полный мухоедства*. Сочетание в первом же четверостишии двух грубейших языковых ошибок отсылает к языку ребенка и резко контрастирует с установкой на объявление истины, написанной «огненными литерами». Кстати, метаформа «на дне басни» коррелирует с образом стакана из самого стихотворения. Стилистический контраст начала басни с пафосом ее авторской презентации делается невыносимым до оксюморонности.

В дальнейшем язык басни выравнивается, а стиль максимально приближается к высокому (благодаря глаголу «возроптали» и упоминанию Юпитера). В следующем катрене повествуется о «бунте» в стакане: «... Место занял таракан, / Мухи возроптали, / Полон очень наш стакан, / К Юпитеру закричали».

Обыгрывание совмещения в одном контексте олимпийских богов и жалких козляков дополняется сочетанием низкого и высокого стиля («мухоедство» versus «возроптали»). Это отражение самой сущности

сознания маленького человека, а в дальнейшей проекции – природы человека вообще. Посему Достоевским востребован высокий жанр, который он может найти либо в Библии, либо в поэзии XVIII века. Подобный стилистический оксюморон уже использовался в исповеди Мармеладова, когда последний доходил в своих сетованиях до Страшного суда:

«Думаешь ли ты, продавец, что этот полуштоф твой мне в сласть пошел? Скорби, скорби искал я на дне его, скорби и слез, и вкусил, и обрел; а пожалеет нас тот, кто всех пожалел и кто всех и вся понимал, он единый, он и судия. Приидет в тот день и спросит <...> И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и нам: “Выходите, скажет, и вы! Выходите *пьяненькие*, выходите *слабенькие*, выходите *соромники!* <...> *Свиньи* вы! образа звериного и печати его; но приидите и вы!”» [Т. 6. С. 21].

Один-единственный таракан, выделяющийся среди множества мух своею несхожестью, – комическое отображение возможного деления человечества на два разряда, существующее в сознании подпольного героя. Ситуация настолько неприятна обеим сторонам, что предполагает неизбежность возмущения: либо со стороны «исключительного» героя (как в случае Раскольникова), либо со стороны стесненной, ненавидящей всякую исключительность толпы (таракана ненавидят именно за непохожесть: вряд ли занятое им место было настолько критичным), как это предполагает сюжет «Бесов» и сценарий восстания Петруши Верховенского. Но «подпольный» таракан, мучающийся собственным ничтожеством, это конечно, еще не герой-идеолог, способный «посметь решиться» [Т. 5. С. 318] на сверхпоступок, а потому сюжет развивается как «восстание масс».

Глагол *возроптали*, употребленный Лебядкиным, – самое «возвышенное» по стилю место басни. Твари взбунтовались против Творца, в чем состоит их вина и глупость. Данный сюжет восходит к эзоповой басне о лягушках, просивших себе царя, переложенной впоследствии множеством баснописцев, включая Лафонтена и Крылова. Одновременно в контексте творчества самого Достоевского мухи, предъявляющие претензии к Создателю, тождественны «слабосильным бунтовщикам» – людям, которых столь жалел и одновременно столь презирал Великий инквизитор (то, что «Братья Карамазовы» были написаны позже «Бесов», не должно нас смущать: Достоевский признавался, что замысел поэмы о Великом инквизиторе он имел готовым уже давно; к тому же поэма напрямую соотносится по своему содержанию с изложенной в «Бесах» теорией Шигалева). Знаменательно, что в переложении Крылова и Лафонтена после царя-чурбана приходит царь-аист (у Эзопа – морская змея), насильственно устанавливая «порядок» среди лягушек, которые тем самым наказаны Юпитером за свой «рпот». В точно такой

же роли видит себя Великий инквизитор, когда он сжигает еретиков, чтобы усмирить «слабосильных бунтовщиков» ради их же блага. И карающая фигура незамедлительно появляется в басне: «Но пока у них шел крик, / Подошел Никифор, / ла-го-роднейший старик...». У басни предполагалось продолжение: «Тут у меня еще не dokonчено, но все равно, словами! – трещал капитан, – Никифор берет стакан и, несмотря на крик, выплескивает в лохань всю комедию, и мух и таракана, что давно надо было сделать» [Т. 10. С. 141–142].

Заметим, что «благороднейшим стариком» выглядит внешне в поэме Ивана и Великий инквизитор: «Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых еще светится как огненная искорка блеск» [Т. 14. С. 227]. Имя Никифор означает «победоносный», что может отражать претензию на мессианскую роль, но мы не можем с уверенностью сказать, что Достоевский «просчитывал» смысл имени настолько основательно.

Во всяком случае, Никифор выполняет функции Бога и оказывается, несмотря на «благородство» имени, Его «темным» двойником, ввергающим «мир» в апокалипсис. Сам Лебядкин указывает, что Никифор «изображает природу», и действительно, сетования на жестокую природу мы найдем во многих текстах Достоевского (законы природы для Подпольного парадоксалиста представляются «каменной стеной» смертности, обрекающей его на уничтожение, тот же символ «Мейеровой стены» выбирает для законов природы Ипполит в «Идиоте»). Но, с другой стороны, эпитет «благороднейший» Лебядкин применяет и к себе как сочинителю басни: «Сударыня, один мой приятель – *бла-го-роднейшее* лицо, – написал одну басню Крылова, под названием Таракан, – могу я прочесть ее?» [Т. 10. С. 141]. То есть одновременно он отождествляет себя и с великим, и с ничтожным существом.

Ходасевич, описывая любовное послание Лебядкина к Лизе, проникательно замечает упоение «сочинителя» недостижимостью и величием своего идеала по сравнению с собственной малостью: «Державин говорит, что Бог изображает себя в нем, “как солнце в малой капле вод”». Реминисцируя из державинской оды, которая, как мы уже видели, ему очень знакома, Лебядкин в письме своем определяет расстояние между собой и Лизой как нечто еще более огромное: ее называет он солнцем, себя же не отражением, а инфузорией, сочиняющей солнцу “из капли воды, где их множество, если в микроскоп”. Можно сказать с уверенностью, что любовь, как сначала ненависть, возникает в Лебядкине не из чего другого, как из представления о неизмеримом расстоянии, отделяющем его от Лизаветы Николаевны. Созерцание и непрерывное переживание этого расстояния и составляют величайшую муку и величайшее счастье его любви» [Там же. С. 202]. В данном случае при чтении басни Лебядкин оба предела созерцает в самом себе: он упоен собой

как гениальным сочинителем (он «самодовольно заходил по комнате») и раздавлен своей неловкостью и бедностью.

В последующей главе Лебядкин прямо озвучит напрашивающуюся державинскую цитату: «...я раб, я червь, но не Бог, тем только и отличаюсь от Державина» [Там же. С. 213]. Таким образом, во всем остальном он считает себя Державину подобным, в том числе и в поэтическом гении. Не потому ли он предполагает себя на роль *не Бога*, но «благороднейшего старика» Никифора – разрушителя Вселенной? Это смелое, на первый взгляд, предположение подкрепляется тем, что Лебядкин связан с Верховенским и нигилистами, долго вращался в их среде и пропагандировал их идеи, и потому в травестийной форме транслирует идеи Шигалева и Петра Степановича о необходимости разрушения нынешнего миропорядка ради достижения всеобщего равенства, включая необходимость «мухоедства». Вспомним их рассуждения:

Верховенский: «Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное равенство. (...) Полное послушание, полная безличность, но раз в тридцать лет Шигалев пускает и судорогу, и *все вдруг начинают поедать друг друга...*» [Там же. С. 322–323].

Шигалев: «– А я бы вместо рая, – вскричал Лямшин, – взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, и *взорвал их на воздух*, а оставил бы только кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому. (...) – И может быть это было бы самым лучшим разрешением задачи! – горячо оборотился Шигалев к Лямшину; – вы конечно и не знаете, *какую глубокую вещь* удалось вам сказать...» [Там же. С. 312–313].

Лебядкин, мучительно переживая несправедливость неравенства между людьми, поскольку ему досталась роль ничтожества (кстати, этим мучится и сам Петруша, равно как и все остальные «нигилисты»), придумывает решить вопрос еще более радикальным, нежели сам Шигалев, способом: всеобщим уничтожением, доводя идеи «бесов» до логического конца. Одновременно он мыслит для себя роль не только уничтожаемого, но и уничтожителя (Никифора), тем самым уподобляя себя Ставрогину: именно последнего готовит Верховенский на роль уничтожителя России, ввиду его «необыкновенной способности к преступлению» [Там же. С. 201]. Лебядкин долго «состоял» в шутах у Ставрогина в Петербурге, а ныне «соперничает» с ним за Лизу.

В контексте того, что на дне басни должен был быть, по первоначальному заявлению Лебядкину, ответ «огненными литерерами» на вопрос «Почему?», обращенный к Творцу, то можно понять ее финал так, что истина явится при опустошении стакана, на его дне, при очищении его от мух. То есть, либо конечный смысл мироздания явится лишь при его уничтожении, либо уничтожение само по себе является его конечным смыслом.

Итак, на протяжении восьми строк басни и прозаического ее окончания мы можем выделить как минимум четыре самостоятельных, прямо не взаимосвязанных идейно-сюжетных мотива: обреченность с детства на осознание своего ничтожества подпольного героя; его непримиримая вражда с миром; ропот на Творца «слабосильных бунтовщиков»; конец света.

Подытоживает все заключительная фраза «Таракан не ропщет!», особо акцентированная двукратным повтором, которая представляет героя трагической фигурой, со смирением приемлющей незаслуженное страдание и гибель.

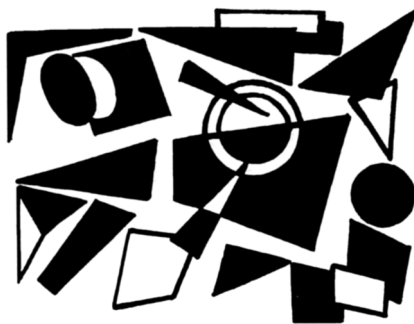
В итоге мы имеем интересный стилистический феномен двойного пародирования. Во-первых, басня сама по себе является пародией на высокие жанры, соединяя в себе игровым образом противоположные стилистические элементы (вспомним, к примеру, басню И. Крылова «Осел и соловей», сочетающую классическую идиллию и сатиру), благодаря тому, что место высоких героев занимают животные. Отсюда становится возможна высокая лексика, наподобие *возроптать*. Во-вторых, произведение Лебядкина, в свою очередь, оказывается пародией на басню XVIII века.

Проведенный анализ позволяет выявить удивительное единство и взаимосвязанность тем и идей, связь комического, драматического и философского аспектов во всем позднем творчестве Достоевского.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского // Собр. соч. М., 2002. Т. 6. С. 149.
2. Ходасевич В.Ф. Собр. соч. В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 200–201.
3. Достоевский Ф.М. Полн. Собр. соч. В 30 т. Л., 1972–1990. Далее указ. только том и стр.
4. Мятлев И. Стихотворения. Л.: «Советский писатель», 1937. С. 32.
5. Альми И.Л. Роль стихотворной вставки в системе идеологического романа Достоевского // Статьи о поэзии и прозе. Кн. 2. Владимир, 1999. С. 185.
6. Новиков В.Л. Книга о пародии. М., 1989. С. 223; Криницин А.Б. Шекспировские мотивы в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М., 2001. С. 356–370.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Окказионализмы в очерках В.В. Маяковского

© А.Ю. АСТАФЬЕВ,
кандидат филологических наук

В статье рассматривается экспрессивность новообразований в очерках В. Маяковского. Особо выделяется реализация оценочности с помощью таких слов.

Ключевые слова: лексические новации, окказионализмы, аффиксация, экспрессия, гиперболичность, контекст, номинации, слова-символы.

This article is devoted to expressivity of new growths in V. Mayakovsky's sketches. The realization of various doses of estimation by means of such words is especially allocated.

Key words: lexical innovations, nonce words, affixation, expression, hyperbolic, context, nominations, word symbols.

Проза Владимира Маяковского представлена рядом очерков периода творческой зрелости автора. Общее количество окказионализмов, относящихся к разным частям речи, обнаруженных нами в очерках 1925–26 годов, достаточно велико – более 140. Если появление новообразований в его поэзии определяется ритмикой стиха и рифмой, то в прозе решающим остается желание привлечь внимание и возможность оттенить те или иные значения нового слова средствами словообразования.

Прежде всего обратимся к существенным со значением размера: «Куда ты прешь со своей *ананасиной*...» [Т. 4. С. 402. Курсив здесь и далее наш. – А.А.]; «К моменту спуска полил дождь, никогда не виданный мною тропический *дождина*» [Там же. С. 403].

Некая гиперболичность представляемого чаще иронично осмысливается, чем содержит элементы восхваления: «Загорается, конечно, не весь тридцативерстный *Бродвейшце* (здесь не скажешь: заходите, мы соседи, оба на Бродвее)...» [Там же. С. 436]. *Бродвейшце* в паре с узуальным Бродвеем указывает не только на большую протяженность улицы, но и на разобщенность проживающих там людей (что видно из контекста). Образ чего-то огромного, давящего представлен с помощью суффикса *-ищ*, что может быть отнесено и к словоформе *газетишца*: «Деловой день (опускаю детали) – все, начиная с Палаты депутатов, с крупнейших *газетищ*, кончая последней консьержкой, стараются над добычей золота... из разных подозрительных бумажек...» [Т. 3. С. 389].

Окказионализмы со значением лица еще более отрицательно окрашены: «Несмышленные *американыши*» [Т. 4. С. 445]; «орудуют несколько *коктейльчиков*» [Там же. С. 448]; «маскарадный съезд *кланцев*» (имеется в виду Ку-Клукс-Клан. – А.А.) [Там же. С. 456]. Здесь даже без привлечения расширенного контекста явно выражен элемент негативной оценки.

Интересно образование *сотюремники*: «Сынки чикагских миллионеров убивают детей ... и “ненормальные” живут заведующими тюремных библиотек, восхищая *сотюремников* изящными философскими сочинениями» [Там же]. От синонимичного *сокамерники* окказионализм отличается большая степень свободы (в пределах не камеры, а тюрьмы). Это подчеркивает социальное неравенство, существующее и в тюрьмах.

Заметим, что большинство окказионализмов со значением лица представлено в форме множественного числа, что усиливает типичность и иронию: *лефовцы*, *есенинцы* [Т. 5. С. 479]; *талмудисты* [Там же. С. 498]; *марокканцелюбцы* [Т. 3. С. 451] и т.п. Однако встречаются примеры и в форме единственного числа: *чикагец* [Т. 4. С. 460]; *фордовец* [Там же. С. 468] и т.п. В прозе Маяковского не обнаружено примеров, реализующих возвеличивание изображаемого с помощью суффикса *-ец*, в то время как в поэмах такие номинации есть, например, *пролетариа-товодоец* (о В.И. Ленине) и др.

Отрицательное отношение к изображаемому может выражаться и с помощью суффикса *-чик / -щик*-. «200 хозяев и *хозяйчиков* конкурировали, дрались и расхищали нефть...» [Т. 5. С. 460]. Образование *драмщик* выражает максимальное неодобрение по отношению к лицу: «Кокто – бывший дадаист, поэт, прозаик, теоретик, пайщик “Эспри нуво”, критик, *драмщик*...» [Т. 3. С. 409]. *Драмщик* – синоним к слову *драматург*, замена узуальной лексемы на окказиональную продиктована желанием принизить значимость творчества Жана Кокто. Образование *драмщик* удачно перекликается благодаря суффиксу *-щик* со словом *пайщик*, подчеркивая слишком разностороннюю деятельность Кокто.

Немногочисленны, но показательны имена существительные с суффиксами *-ость*, *-ств* со значением состояния. Они тоньше отражают восприятие автором американской жизни: «Дворик усажен всякой цветущей *тропичностью*» [Т. 4. С. 413]; «Начинает становиться модной всякая *туземность*» [Там же. С. 460]; «Вообще в *спортменство* Америки я не верю» [Там же. С. 440]. Заметьте: не *тропические растения*, а безликая *тропичность*; не *участие в соревнованиях*, а типизированное *спортменство* и т.д.

Окказионализм *среднест* с суф. *-ест* говорит о том, что Маяковский-новатор осознавал усредненный уровень восприятия своей поэзии: «Надо принять во внимание *среднест* читателя» [Т. 5. С. 496].

Образования с уменьшительными суффиксами *-ишк*, *-ек* / *-ик* выражают отношение к литературному творчеству, к поискам единственного *звучика*: «не хватает какого-то сложка, *звучика*» [Там же. С. 484].

Образования со значением незначительности в примерах: «расслабленный интеллигентский *язычишко*» [Там же. С. 469]; «фельетонный *стлѣк*» [Там же. С. 481].

Особой образностью обладают сложные окказионализмы. Они могут отражать нереальные черты, фантастичность изображаемого, как, например, словоформа *людодусь*: «*Людодусь* – существо с тысячевёрстой шеей: ему виднее!» [Т. 3. С. 385]. Автор поддерживает образность этого слова повторами и даже образует от него притяжательное прилагательное *людодусьи* качества. В поэме «Пятый Интернационал» он пишет: «Какой я к этому времени / даже определить не берусь. / Человек не человек, / а так - / *людодусь*» [Там же. С. 60]. Сложение слова *дусь* с основой *люд* посредством интерфикса позволяет добиться не только краткости новообразования, но и изобразительной «емкости».

Аналогичный способ словообразования может содействовать уничижительному оттенку значения окказионализма: «В 1912 году одесские поэты вызолотили для рекламы нос кассирше, продававшей билеты на *стиховечер*» [Т. 4. С. 459]. Литературное мероприятие пренебрежительно именуется *стиховечером*. Для усиления эффекта рядом помещается пафосное *вызолотили*. Нарочитое снижение может проявляться и опосредованно. Так, вновь образованное *человекоптица* (синоним слову *аэроплан*) само по себе не может считаться уничижительным, однако в контексте иронично обозначается как *длинненькая летательная игрушка* [Т. 3. С. 406].

А вот окказионализмы, образованные из двух целых слов, могут восприниматься как слова-символы, причем узнаваемость привычного образа они не нарушают, а лишь содействуют выделению нужных черт: «Замахнулась кулаком с факелом американская *баба-свобода*, прикрывшая задом тюрьму острова Слез» [Т. 4. С. 471]. Величие знаменитой статуи Свободы разрушается не только компонентом *баба* и

названием, написанным со строчной буквы, но и общим грубоватым тоном контекста, в который специально вводятся сниженные слова *зад* и *замахнулась*.

По сути, дважды окказионально сочетание *полупиво-полуводка*: «Его перегоняют в *полупиво-полуводку* – “пулке”, спаивая голодных индейцев» [Там же. С. 408]. Во-первых, соединение двух указанных слов для узуального словообразования не характерно. Во-вторых, префикс *полу-* добавляет указанным лексемам признак неполноценности. Значит, такой «продукт» рассматривается автором как объект осмеяния (ср. с образованиями из поэм: *полупохабщина*, *полумысль* и т.п.).

Изучение около сорока окказионализмов имен существительных позволяет сделать вывод о том, что чаще они наделены негативной оценочностью. Так автор стремится оттенить особенности и противоречия чуждого ему капиталистического образа жизни, передать разнообразие литературной жизни своего времени, отразить постоянную напряженность своего творческого поиска: «Даже готовя спешную *агитвесть*, надо ее, например, переписывать с черновика вечером, а не утром» [Т. 5. С. 484].

Литература

Маяковский В.В. Собр. соч. В 8 т. М., 1968. Указ. том и стр.

Серпухов

«Работая до потери задних ног».

Фразеологическая контаминация у М.А. Булгакова

© О. С. ШЕМОНАЕВА,
кандидат филологических наук

В статье идет речь о таком стилистическом приеме преобразования устойчивых оборотов, как фразеологическая контаминация. Автором устанавливаются и описываются разновидности данного приема, активно используемые М.А. Булгаковым.

Ключевые слова: фразеологическая контаминация, фразеологизмы в текстах М.А. Булгакова, авторские стилистические приемы преобразования фразеологизмов.

The article deals with such stylistic technique of stable expressions transformation as phraseological contamination. The author determines and describes this technique's versions which are used by М.А. Bulgakov.

Key words: phraseological contamination, idioms in the texts by М.А. Bulgakov, author stylistic techniques of idioms transformation.

Контаминация наблюдается на различных уровнях структуры языка: синтаксическом, морфологическом, лексическом, фразеологическом. Данный прием представляет собой объединение, смешение, скрещивание двух или более фразеологизмов в одном обороте.

Фразеологическая контаминация может носить как узуальный, так и опциональный характер. Г.Н. Абреимова приводит примеры узуальной контаминации: *иметь полное право* = *иметь право* + *полное право*, *холодный пот прошибает* = *холодный пот* + *пот прошибает* [1. С. 70–71]. В текстах Булгакова, где фразеологизмы представляют богатый арсенал изобразительно-выразительных средств, также встречаются примеры с узуальной контаминацией: «А вот глянул я вчера на них, и, *даю вам слово чести*, – в первый раз дрогнуло мое сердце» [2. Дни Турбиных. Т. 3. С. 622. Курсив здесь и далее наш. – О.М.]. Сравним: *дать слово* + *слово чести* = *дать вам слово чести*. Или: «И вы мне *дали честное слово*, что пьесу в исправленном виде доставите пятнадцатого» [Жизнь господина де Мольера. Т. 4. С. 520]. Ср.: *дать слово* + *честное слово*.

Рассмотрим разновидности фразеологической контаминации в текстах Булгакова.

Слияние отдельных компонентов двух фразеологических единиц.

Чистый тип, то есть не сопровождающийся комбинациями индивидуально-авторских преобразований: «Не получая огненного пайка и работая до потери задних ног, означенные эфиопы находились в состоянии томном и даже граничащем с глухим неудовольствием» [Багровый остров. Т. 1. С. 446]. Ср.: *до потери пульса (сознания) + без задних ног*. В семантике совмещенных выражений есть нечто общее: оба фразеологизма указывают на крайний предел физического томления. Эфиопов заставляют выполнять самую тяжелую работу, с ними обращаются, как с животными. Этим непосильным, каторжным трудом на каменоломне они доведены практически до звероподобного состояния. Следовательно, контаминированная единица имеет значение «кто-либо доведен до крайней степени усталости, отчего лишен возможности двигаться».

«При этом лучше всех, глубже и мертвеннее молчал зеленоватый Коротков. На двадцать первой секунде *молчание лопнуло*» [Дьяволиада. Т. 1. С. 396]. Ср.: *терпение лопнуло + хранить молчание*. Коротков пришел в ужас оттого, что увидел приказ Кальсонера о своем увольнении, на определенное время он потерял дар речи, но когда пришел в себя, то начал внезапно громко возмущаться: «Как? Как? – прозвенел два раза Коротков совершенно как разбитый о каблук альпийский бокал...». Молчание лопнуло, подобно хрустальному бокалу, – резко, громко, неожиданно. В контексте фразеологизм употребляется в значении «неожиданно, громко, резко начать говорить».

Примеров контаминации близких по семантике выражений у Булгакова найдется немало: «– И пострадаю, – вскричал Харюзин, – только *мозги морочите! Околесицу порете!* Двигатель для вентилятора поставить не можете» [Электрическая лекция. Т. 1. С. 382]. В первом случае контаминации подверглись семантически близкие выражения *пудрить мозги и морочить голову*, во втором – *нести околесицу и пороть ерунду, чушь*, которые также близки по значению. «Встретил Персиков со стороны Птахи самое *теплое внимание*» [Роковые яйца. Т. 2. С. 129]. Ср.: *теплый прием + уделять внимание*. «Ну, вперед! Лучше сразу *развязать гордиев узел...*» [Иван Васильевич. Т. 5. С. 144]. Ср.: *разрубить / разрубить гордиев узел + развязывать / развязать узел*.

Контаминация фразеологических единиц порой преследует юмористические цели. В комедии «Иван Васильевич» Милославский просит наряженного под царя управдома Буншу ответить что-нибудь иностранному послу, однако горе-царь знает лишь несколько революционных слов: «Ну, говори хоть революционные, а то ты ведь никаких слов не произносишь... *Как рыба на троне!*» [Иван Васильевич. Т. 5. С. 174]. Ср.: *молчать как рыба + сидеть (восседать) как на троне*. Действительно, Бунша выглядит очень глупо: он строит из себя царя, пытается быть более значимым, но при этом не реагирует на внешние сигналы,

не отвечает на вопросы, за него всегда говорит Милославский. Контаминированная фразеологическая единица употребляется Милославским в значении «глупо выглядеть».

Слияние может сопровождаться различными модификациями компонентного состава:

– переходом утвердительной формы высказывания в отрицательную: «Никто *не вышел в расход*, и нашлись в следующий же вечер» [Белая гвардия. Т. 3. С. 238]. Ср.: *выходить в тираж + выводить/ вывести (пускать/ пустить) в расход*. Отрицательная частица *не* ведет к семантическим изменениям, оборот приобретает значение «никто не умер, все остались живы»;

– расширением компонентного состава фразеологической единицы: «Студзинский *метнул на него черные упорные глаза*» [Белая гвардия. Т. 5. С. 139]. Ср.: *метать искры (молнии) + сверкать/ сверкнуть глазами*. «Самосвистов работал не покладая рук и *впутал в общую кашу* и путешествие по сундукам, и дело о подложных счетах за развозды...» [Похождение Чичикова. Т. 1. С. 172]. Ср.: *попадать / попасть в историю* (замена *попадать* на *впутать*) + *заварить кашу*;

– комбинацией приемов преобразования: «Кажется, *умом он от природы не обижен*, а ежели теперь он поглупел, так его драть надобно» [Александр Пушкин. Т. 5. С. 221]. Ср.: *тронуться умом + богом обиженный*. Контаминация сочетается с такими типами модификации, как расширение компонентного состава, переход в утвердительную форму высказывания, морфологическое преобразование компонента *обиженный*, который в контексте употреблен в краткой форме.

Важная разновидность контаминации – слияние одного целого фразеологизма с компонентом (компонентами) другого.

Чистый тип: Булгаков стремится соединить воедино фразеологизмы со схожей семантикой: «... стукнул в зубы какого-то профработника так, что тот *залился слезами, как дитя...*» [На чем сидят люди. Т. 2. С. 354]. Ср.: *заливаться / залиться <горькими> слезами + плакать как дитя*. Преобразованный оборот употребляется в значении «безутешно плакать от обиды и боли».

Пример второй: «Культурные люди *стали на точку зрения следствия...*» [Мастер и Маргарита. Т. 6. С. 482]. Ср.: *стать на сторону + точка зрения*. При всей нелепости звучания авторского новообразования, оборот используется в значении «придерживаться с кем-либо определенного взгляда на происходящие события».

В либретто оперы «Рашель» соединяются такие фразеологизмы, как *в долгу как в шелку + как в клетке*: «Не забывай, что ты *в долгу, как в клетке!* Ты хочешь познакомиться с тюрьмой?» [Рашель. Т. 5. С. 534]. Значение преобразованной единицы эксплицируется в следующем предложении, где акцент падает на слово *тюрьма*. Контаминированная фразеологическая единица употребляется в значении «невозвращенные долги могут привести к тюремному заключению».

Слияние этого типа может сопровождаться модификациями компонентного состава. Такая разновидность контаминации встречается у Булгакова реже, чем предыдущие: «Имя? Павел. Отчество? Иванович. Фамилия? Чичиков. Звание? Гоголевский персонаж. Чем занимался до революции? Скупкой мёртвых душ. Отношение к воинской повинности? *Ни то, ни сё, ни черт знает что*» [Похождения Чичикова. Т. 1. С. 170]. Ср.: *ни то, ни сё, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан + черт знает что*. Контаминация сопровождается переходом утвердительной формы высказывания в отрицательную второго фразеологизма. Значение оборота в контексте – «не понятно, неизвестно какое». Автор использует фразеологизмы в качестве однородных членов, тем самым сближая их по смыслу. «В девять, когда черный строй *смёл перед собой и уважаемого доктора, и вообще всё к черту*, в городе за рекой, в собственной квартире доктора Бакалейникова был обычный мир в вещах и смятение в душах» [В ночь на 3-е число. Т. 1. С. 184]. Ср.: *смести с лица земли + к черту*. Происходит замена компонентов *с лица земли* на *перед собой*, а также расширение структуры за счет включения *и уважаемого доктора, и вообще всё*.

В пьесе «Дни Турбиных» Мышлаевский обращается к сторожу Максиму, который пытается запретить его солдатам ломать парты и жечь их: «Ну, *катись отсюда*, старик, *колбасой к чертовой матери!*» [Дни Турбиных. Т. 3. С. 646]. Булгаков соединяет два оборота: поговорку *катись колбаской по Малой Спасской* и фразеологизм *к чертовой матери*. Контаминация сопровождается также такими модификациями, как дистантным расположением компонентом и морфемным преобразованием именного компонента первого оборота – *колбаской* – *колбасой*.

Слияние фразеологической единицы с общим (общими) компонентом (компонентами). Данная разновидность контаминации представлена ограниченным количеством примеров. В двух рассмотренных случаях автором объединяются в один оборот тождественные, близкие по смыслу фразеологические единицы: «Может быть, ты еще хуже окажешься. Все вы *на один лад и покрой*» [Белая гвардии. Т. 3. С. 339]. Ср.: *на один лад + на один покрой*. «– А сейчас хорошо на Клязьме, – подзудила присутствующих Штурман Жорж, зная, что дачный литераторский посёлок Перельгино на Клязьме – *общее больное место...*» [Мастер и Маргарита. Т. 6. С. 174]. Ср.: *общее место + больное место*. Из контекста ясно, что тема, касающаяся дачного поселка Перельгино, для литераторов является головной болью: ведь из желающих получить землю выстроилась очередь, но только единицам повезет. Подобные обстоятельства вызывают не только конкуренцию, но и зависть между литераторами.

Полное слияние двух фразеологических единиц целиком. В рассказе «Киев-город» повествуется о разнице между киевлянами и москвичами: «Москвичи – *зубастые, напористые, летающие, спешащие,*

американизированные. Киевляне – тихие, медленные и без всякой американизации. <...> Киев такая тихая заводь теперь, темп жизни так не похож на московский, что киевлянам всё это непонятно. Хозрасчет лезет в тихую заводь из всех щелей, управляющий домом угрожает ремонтом парового отопления и носится с каким-то листом, в котором написано “смета в золотом исчислении”» [Киев-город. Т. 1. С. 289]. Ср.: лезть из всех щелей + тихая заводь. Понятие *хозрасчет* для киевлян практически экзотическое, ведь они значительно беднее москвичей – «какое тут золотое исчисление...» (Киев-город). Поэтому все разговоры о деньгах нарушают мир и покой в жизни бедного и провинциального Киева.

Сложные, комбинаторные случаи контаминации, порой сопровождающиеся разнообразными трансформациями: «Послали на биржу труда. Оттуда командировали: на место Петрушки – плюшкинского Прошку, на место Селифана – Григория Доезжай-не-Доедешь. А дело тем временем кипело дальше!» [Похождения Чичикова. Т. 1. С. 171]. В целях передачи динамики повествования автором соединяются три оборота: *дело идет + тем временем + работа кипит*. Второе устойчивое сочетание выступает в роли расширителя структуры контаминированного оборота *дело кипит*, одновременно являясь его составляющей. «Но истинная причина, конечно, не в этом. *Всему приходит час*. Впрочем, не будем распространяться на эту тему» [Театральный роман. Т. 5. С. 426]. Сочетаются компоненты трех фразеологических единиц: *всему свое время + пришла (пришла) время (пора) + пробил час*. Оборот употребляется в значении «не следует торопить события; каждое дело должно совершаться своевременно, когда назрела в нем необходимость».

Фразеологическая контаминация – это интересный стилистический прием преобразования устойчивых сочетаний, сопровождающийся сдвигами в семантике оборотов и широко используемый Булгаковым в своих художественных текстах.

Литература

1. *Абреимова Г.Н.* К вопросу о фразеологической контаминации в русском языке // Вестник Елецкого гос. ун-та им. И.А. Бунина. Вып. 3: Филология. Елец. 2004. С. 70–71.
2. *Булгаков М.А.* Собрание сочинений. В 8 т. / Вступ. ст. и коммент. В. Петелина. М., 2004. Далее указ. название произведения, том и стр.

Государственный гуманитарно-
технологический университет
Орехово-Зуево

Родной берег
В ПОЭЗИИ
Роберта Рождественского

© П. Л. ЧУЙКОВ

Статья представляет собой лингвопоэтический анализ нескольких стихотворений Роберта Рождественского, созданных им на протяжении всего творческого пути. Предметом изучения является образ «родного берега» поэта. Берег в данном случае рассматривается не только как край земли у воды или часть суши. Мы пытаемся философски осмыслить, что и кого подразумевал автор под этим словом.

Ключевые слова: Рождественский, стихотворение, поэт, образ, «родной берег», Родина.

The article presents a linguistic poetic analysis of several poems by Robert Rozhdestvensky, created during the whole career. Object of study is the image of the «native shore» of the poet. Shore in this case regarded not only as the land near the water or part of the land. We are trying to philosophically understand what the author meant by that word.

Key words: Rozhdestvensky, poem, poet, image, «native shore», Homeland.

Роберт Иванович Рождественский (1932–1994) – поэт-шестидесятник, входивший в «великолепную пятерку» собиравших стадионы поэтов, таких, как Вознесенский, Евтушенко, Окуджава, Ахмадулина, публицист, переводчик и автор многих стихотворений, ставших любимыми песнями («Город детства», «Огромное небо», «Где-то далеко», «Ноктюрн», «Эхо любви», «Только тебе...» и др.). Композитор Оскар Фельцман вспоминал, что содружество с поэтом открыло перед ним новые философские горизонты. Таким глубоким, можно сказать, философским звучанием наполнен у Рождественского образ *родного берега* в знаменитом стихотворении «Где-то далеко...», ставшем песней из «Семнадцати мгновений весны».

Образ *родного берега* в различных вариантах появляется во многих стихотворениях, написанных Рождественским начиная с 50-х годов XX века.

Так, в стихотворении «Возвращение» он описывает свои впечатления о вновь увиденном после четырнадцати часов полета: «...упасть в траву, / услышать, как растет она. <...> / Ослепнуть вдруг / от грянувшего пенья птиц» [1. С. 41]. Важно то, что, снова встретившись с родным городом, автор делает открытие: «Как мог я думать, / будто понял / жизнь?...» [С. 42].

В данном случае перед нами не просто пейзаж. Природа родных мест заставляет поэта взглянуть на мир по-иному: *услышать*, как растет трава, *ослепнуть* от пения птиц.

И вдруг понять,
что через полчаса –
то,
чем ты жив:
твой город.
Твой порог.
Твоя судьба –
начало
будущих дорог [С. 42].

Автор с нетерпением ждет встречи с Москвой, с любимой, стремится «К Москве. / К тебе...» [С. 42].

Образ *родного берега* неразрывно связан с мотивом странствий. Отсюда и часто встречающаяся тема дороги. Например, о том, что судьба поэта – «начало будущих дорог», говорит еще одно раннее стихотворение – «Выбор»: «... но если есть выбор, / то я выбираю – дорогу!» [С. 12].

В произведении «Оттуда» в роли *родного берега* для поэта выступает его семья – жена и дочь:

Ты
 тоже
     материк!
 Разбуженная глубь...
 Я вечный твой
                     должник.
 Я вечный твой
 Колумб [С. 122].

Образ Колумба вызывает ассоциации с открытием новых берегов. Как и в «Возвращении», поэт снова открывает для себя в отношениях с любимой что-то ранее неизвестное:

И вновь открыть
 тебя.
 Открыть –
     как умереть.
 Блуждать
     без сна и компаса
 в краях
 твоей земли...
 И никогда
     не кончатся
 открытия мои [С. 122].

В другом стихотворении *родной берег* – это уже целая планета, автор так и назвал его – «Планета друзей»:

Она появляется –
 чудо мое зоревое,
 глаза
     застилает.
 Величием дышит безмолвным.
 Она проплывает
     в густом голубом ореоле [С. 127].

Эта *земная, добрая* планета ассоциируется у него с чем-то исключительно хорошим, спасительным: «Ночная река / источает целебный холод. / Проходит лето. / Проходят ссоры. / Беды проходят» [С. 128].

Тема дороги и поиска *родного берега* прослеживается также в стихотворении «Кочевники», посвященном Ч. Чимиду:

Я знал давно,
 я чувствовал,
                     что корни
 мои –
 вот в этой
     пепельной земле... [С. 142].

Неизбежность странствий, желание путешествовать для него – в крови: «Я сын дороги. / Самый верный сын...» [С. 143].

Автор путешествует не только в пространстве, но и во времени: в прошлом он оставил дорогие для своего сердца воспоминания, о чем говорит-ся в стихотворении 60-х годов «Взял билет до станции Первая любовь»:

Там, на этой станции,
вершина была.
 Теплая вершина.
 До самых звезд. <...>
 Встал я у подножия
Первой любви.
 Пусть не поднимусь уже –
 так посмотрю [С. 172].

Это стихотворение отличается от предыдущих тем, что в нем звучит разочарование автора от встречи с чем-то родным и близким для него:

И летел из прошлого
поезд слепой.
 Будто в долгий обморок,
 в метели нырял...
 Есть такая станция –
 Первая любовь.
 Там темно и холодно.
 Я проверял [С. 173].

Поэт увидел совсем не то, что жило в его памяти: «Ах, как замело всё! / Как замело!...».

В стихотворении «Где-то далеко...», положенном на музыку Микаэла Таривердиева (оно еще называется «Песня о далекой Родине»), Рождественский тоже проводит подобное сравнение с памятью, занесенной снегом:

Где-то далеко, в памяти моей,
 Сейчас, как в детстве, тепло,
 Хоть память укрыта
 Такими большими снегами [2. С. 45].

Светлые воспоминания о том, что было когда-то, греют душу поэта. Прошлое прекрасно, но его «замело всё», оно укрыто «большими снегами».

В этом стихотворении лирический герой просит самую малость:

Берег мой, берег ласковый,
 Ах, до тебя, родной, доплыть бы,
 Доплыть бы хотя б когда-нибудь.

Память рисует любимые картины родного края:

Где-то далеко, где-то далеко
Идут грибные дожди.
Прямо у реки, в маленьком саду
Созрели вишни, склоняясь до земли.

Герою только «доплыть бы», словно прикоснуться, – и ничего больше.

Поэту лишь бы увидеть «краешком, тонкой линией» свой родной и ласковый берег. Поэтому он просит:

Грусть моя, ты покинь меня!
Облаком, сизым облаком
Ты полети к родному дому.

И продолжает: «Берег мой, покажись вдали...».

Сам автор словно и есть эта грусть, которая хотела бы увидеть «краешком, тонкой линией» родную землю. Грусть как бы заполнила всего человека, его мир, душу и сознание. С одной стороны, он хочет туда, где «идут грибные дожди» и «созрели вишни, склоняясь до земли», а с другой – понимает, что это непреодолимо далеко и уже укрыто «большими снегами». *Родной берег* в данном стихотворении – это что-то живущее в памяти поэта, недостижимое и не способное к повторению, как первая любовь.

Герой хочет забыться от душевной боли: «Ты, гроза, напои меня / Допьяна, да не до смерти».

Из стихотворения 70-х годов «Вернуться б к той черте, где я был мной» следует, что родной берег для Рождественского – это та черта, за которой он может быть самим собой:

Где все впервые:
светлый дождь грибной,
который по кустарнику бежит.
И жить легко.
И очень надо

жить! [С. 280].

Снова автор представляет себе грибной дождь и снова память «укрыта снегами»: «Вернуться б к той черте, / где я был мной. <...> / А где она? / Какими вьюгами заметена?» [С. 281].

На *родном берегу* автор всегда будет услышан и не останется в одиночестве. Из стихотворения «Человеку надо мало» мы узнаем, что для этого необходимо, «...чтоб искал / и находил. <...> / Чтоб жила на свете / мама. <...> / Лишь бы кто-то дома / ждал» [С. 310–311].

Но поэт не ограничивает свой мир друзьями и родными, он постоянно чувствует связь со всеми людьми: «Утром свежую газету – / с Человечеством родство» [С. 310].

В стихотворении «Прилет» мы вновь встречаемся с Москвой, как с «родным берегом» автора. Свои чувства поэт описывает так: «Настроение – / словно тебя спасли. / Состояние – / будто впервые влюбился» [С. 326].

Рождественский даже удивляется надписи «Москва»: «Будто это / может быть / не Москвою» [С. 327].

В стихотворении 80-х годов «Помогите мне, стихи!» автор мечтает «выплыть» на берег, вновь обрести свой голос:

Помогите мне
остаться
до конца
самим собой.
Выплыть.
Встать на берегу,
снова
голос
обретая.
Помогите...
И тогда я
сам
кому-то помогу [С. 405–406].

Важно отметить, что это бесспорно автобиографическое стихотворение, связанное с теми изменениями, которые начали происходить в стране со второй половины 80-х годов.

Рассматривая образ «родного берега» в поэзии Рождественского, мы не можем не сказать о том, как важны были для автора чувства и переживания других людей, в том числе и тех, которые были разлучены со своей Родиной. Поэтому обратимся к стихотворению «Кладбище под Парижем», о судьбе русских эмигрантов, умерших на чужбине, вдали от своего *родного берега*: «Не стало и Родины. / Сердца не стало. / А память / была...» [С. 409].

Родина для этих людей была сердцем и душой. Поэтому автор легко представляет себе, о чем мечтали те, кто похоронен на Сан-Женевьев-де-буа:

Как они после –
забытые,
бывшие, –
все проклиная и нынче, и впредь,
рвались взглянуть на нее –
победившую,
пусть –
непонятную,
пусть –
непростившую,
землю родимую!
И –
умереть...

Здесь можно заметить переключку с стихотворением «Где-то далеко...», где герой, также находящийся на чужбине, просит: «Берег мой, покажись вдали, <...> / Ах, до тебя, родной, доплыть бы» [С. 45].

В стихотворении «Кладбище под Парижем» говорится о людях, которые мечтали *хотя бы взглянуть* на родимую землю. У лирического героя стихотворения «Где-то далеко...» память была «укрыта снегами», но в ней было «как в детстве тепло». У русских изгнанников тоже осталась только память. Но их надежды на встречу со своим *родным берегом* умерли вместе с ними: «Здесь похоронены / сны и молитвы. / Слезы и доблесть» [2. С. 408].

Хотя до последнего часа их не покидала мечта вернуться на Родину:

Как же хотелось им
в Первопрестольную
въехать
однажды
на белом коне!..

Отметим еще одну очень важную переключку со стихотворением «Где-то далеко...». В нем поэт пишет: «Я все гляжу куда-то в небо, / Как будто ищу ответа...».

И в финале «Кладбища под Парижем» взгляд Рождественского устремлен вверх:

Полдень.
Березовый отсвет покоя.
В небе –
                    российские купола.
И облака,
будто белые кони,
мчатся
                    над Сан-Женевьев-де-буа [2. С. 410].

Может быть, автор думает о том, что боль тех, кто покоится в этом месте под Парижем, в виде облаков долетает до родного дома. И облака – это белые кони, которые примчались сюда за теми, кому они верно служили раньше, чтобы они хотя бы теперь могли вернуться на Родину. Ведь у Рождественского так часто встречается неопределенная временная семантика: «Доплыть бы хотя б когда-нибудь».

Отсюда и уступительный оттенок значения. Представители белой эмиграции ведь так «...рвались взглянуть на нее – / победившую, / пусть – непонятную, / пусть – / непростившую, / землю родимую!».

Рождественский остро ощущал родство со всем человечеством, ему не были безразличны страдания других людей, разлученных со своей Родиной.

Свой берег он называет судьбой, чудом, вершиной до самых звезд, сердцем, родимой землей, на которой «жить легко и очень надо жить».

Стихи и песни Рождественского – это тоже берег, *родной, ласковый* и спасительный для любителей его прекрасной поэзии.

Литература

1. *Рождественский Р.* Фотография поэта. Сборник стихотворений. М., 1998. Далее указ. только стр.
2. Песни на стихи Р. Рождественского М., 1982.

*Московский педагогический
государственный университет*

Какого цвета *кипень* у художников слова

© М. А. БОБУНОВА,
доктор филологических наук

Статья посвящена слову *кипень* в русском языке. В ней анализируется толкование данной лексемы в разных словарях и на примере художественной прозы Е.И. Носова выявляется авторский подход к употреблению указанного наименования.

Ключевые слова: словарь, лексема, толкование, авторское употребление.

The article describes the word *kipen'* (*kipen*) in the Russian language. It examines the interpretation of this lexeme in various dictionaries and on the example of artistic prose E.I. Nosov reveals the author's approach to the use of the specified name.

Key words: vocabulary, lexeme, interpretation, the author's use.

В русском обыденном языковом сознании слово *кипень* ассоциируется с белым цветом, что подтверждают материалы разных лексикографических справочников. Так, в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой находим следующее определение: «*белая пена* на поверхности воды (при кипении или бурном волнении)» [1. Курсив слова *белый* наш. – М.Б.]. Такая же дефиниция у существительного *кипень* в «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова [2], похожие – в словаре С.И. Ожегова – «*белая пена от кипения*» [3] и С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – «*белая пена, появляющаяся при кипении*» [4].

Заметим, что в первом толковом словаре советской эпохи слово *кипень* было дано с пометой «областное» и представлено как многозначное наименование, где первое значение «кипятков», а второе – «*белая пена от кипения*» [5]. В «Словаре современного русского литературного языка» порядок значений меняется, а пометы сопровождают лишь одно значение: «1. *Белая пена*, появляющаяся на поверхности жидкости при кипении или бурном волнении. 2. *Устар. и обл.* Кипящая вода, кипяток» [6]. Подобная информация приводится и в новом продолжающемся издании академического словаря. «1. *Белая пена* на поверхности воды (появляющаяся при ее бурном движении, бурлении). 2. *Устар. и обл.* Кипящая вода, кипяток» [7].

В лингвистике существует разное понимание термина *толкование*. Нам близок широкий подход, когда в состав понятия *толкование* включается не только словарная дефиниция, но и другие «элементы словарной статьи, которые связаны непосредственно с раскрытием значений и оттенков» [8]. В данном случае это лексико-стилистические пометы, иллюстративный материал, специальные условные знаки и др.

Практически во всех анализируемых нами словарях с помощью помет отражается возможность образного употребления данного существительного, например: *поэт., преим. в сравнениях* [5]; <> *в сравн.* Белый, как *кипень* [2]; *перен.* [4]. В «Большом толковом словаре русского языка» помета дается после условного обозначения «вертикальная черта», говорящего о заметном сдвиге в семантике (символическое, образное и т.п. употребление слова): | *трад.-поэт.* [2].

Особую ценность для исследователя имеет зона иллюстраций, позволяющая лучше осмыслить значение лексемы и проследить за ее сочетаемостью. Существует мнение, что иллюстративный материал имеет даже большую ценность, чем дефиниция, поскольку «говорит сам за себя», в то время как словарное определение может быть неудачным или даже ошибочным [9].

Например, в словарях под ред. Д.Н. Ушакова и А.П. Евгеньевой иллюстрации имеют вид цитат: «*Плечи полные, белые, как молочный кипень*. Достоевский. *Как кипень облака*. Ахматова» [5]; «*Видно было, как*

белел около моря кипень редкостного по силе прибора. Сергеев-Ценский, Синопский бой. За кормой – стелется широкий, кипучий след с кипенью и глухой чернотой. Сафонов, Путешествие в чужую жизнь. – А за кормой, над пучиной, чайки летают, белые как кипень. Гладков, Вольница» [1]. В однотомных словарях С.И. Ожегова, С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, «Большом толковом словаре русского языка» зона иллюстраций представлена речениями: «Как к. облака» [3]; «К. цветущей черемухи (перен.)» [4]; «Яблоневая к. садов. Черемуховая к.» [2]. Обратим внимание на то, что в разных редакциях большого академического словаря цитатам, иллюстрирующим образное употребление толкуемого слова, предшествует знак «звездочка», например: «* Тонкие ветви [деревьев], осыпанные белой кипенью пахучих лепестков, отражались в спокойном широком разливе. Закрутка. Плавуц. станица» [6]; «Спустились в молочную кипень облаков. Коптяева. Окно в мир» [7].

Как видим, и в дефинициях существительного *кипень*, и в примерах, включенных в толковые словари, неизменно делается акцент на белом цвете. Та же картина наблюдается и в других справочниках, например в словаре В.И. Даля и разных диалектных словарях: «Белая пена от кипения, накипь, или от волнения. Бела, как кипень. Вода кипнем кипит» [10]; «2. О человеке с очень белым, свежим лицом». 3. «Белый кипень. О человеке, сильно побледневшем от страха, испуга и т.п.» [11]. Не случайно и производное прилагательное *кипенный* толкуется следующим образом: «белый как кипень, очень белый» [1; 2].

Однако, несмотря на то что в семантике слова *кипень*, казалось бы, содержится указание на конкретный цвет, для художников слова цветовая окраска названного явления неоднозначна. Покажем это на примере творчества Е.И. Носова, который часто использует данное наименование. «Луна, поднявшись в свой зенит, накалилась до спящей голубизны, небо вокруг раздвинулось, нежно просветлело и проливалось теперь на лес, на поляну, на белую кипень цветов трепетно-дымным голубым светопадом» [12. Т. 3. С. 50. Курсив здесь и далее наш. – М.Б.]; «В безветрии размеренно обникли лиственной уречью ветлы, и где-то в этой зеленой кипени тоже размеренно и вяло бормотала горлица» [Т. 4. С. 95]; «Деляна, еще вчера полнившаяся пестрой кипенью цветов, неузнаваемо опустела и попросторнела, будто комната, из которой за ночь вынесли все» [Т. 3. С. 69].

Атрибутивные сочетания существительного *кипень* (*белая кипень*, *зеленая кипень*, *пестрая кипень*) говорят о том, что для писателя важен скорее не цвет, а процесс: *кипенью кипит*. Можно предположить, что *кипень* у Носова – это пышная масса. Данная семантика могла появиться в результате ассоциативной связи: *кипень* = пена; пена = пузырчатая масса; *кипень* = пузырчатая масса: «А она, верба-то, не токмо не переводится, а еще пуще растет. Потому – на святое дело погрбляется.

Выйдешь на выгон об эту пору, а она *кипенью кипит* – пуховитая, медвяная» [Т. 2. С. 52].

О том, что для Носова более значим объем кипени, говорят и другие примеры, в которых существительное определяется словами *благоухающая, медвяная, пышная*: «И он отвернулся от деревни и, доедая ломоть хлеба, принялся глядеть за реку, в *благоухающую кипень* сырых *покосных перелесков*, где все живое, не теснимое присутствием человека, раскованно и упоенно праздновало середину лета» [Т. 4. С. 44]; «Но липа не обиделась, не засохла, а по-прежнему зацветала в июле, обливалась *медвяной кипенью* цветов и басово гудела от слетевшихся пчел, зимой же засыпала заснеженные окрестности россыпями коричневых орешков, которые и так были хороши, но особенно – поджаренные в духовке» [Т. 2. С. 260–261]; «В этот предвечерний час он выглядел особенно отрешенным, как бы вознесшимся над будничной суетой, и, может быть, потому *пышная кипень венков* у подножия – эта пестрота бумажных цветов, сосновой зелени, черных и красных бантов – показалась дяде Саше каким-то тщетным и ненужным убранством» [Т. 4. С. 274]. Обратим внимание на то, что анализируемое слово употребляется для описания предметов и явлений, имеющих разную цветовую окраску: зеленую (трава), желтую (липа), пеструю (венки).

Писатель, помещая слово в нетипичный для него контекст, способствует обновлению семантики существительного и появлению у него новых оттенков значения. Заметим, что это характерно не только для творческой манеры Носова. Обращение к Национальному корпусу русского языка позволило выявить необычные сочетания с этим словом и в творчестве других писателей: «Но яшень, ильмы, маньчжурский орех, бархат и *темная кипень подлеска* держались стойко (Б. Можаев); «Палисадники у домов и заросшие кустарниками берега речки ослепительно белели, будто запырошенные снегом; склоны холмов пламенили в *красновато-фиолетовой кипени цветущего багульника*» (Т. Марков); «...*Кипенью золотистых цветков* залиты склоны гор, забытыми кострами бездымно догорают в желтой пене курослепа дикие пионы» (В. Астафьев); «Потом, надев широкий балахон, Сидела на песке и ела сливы, А крупный пес с гремящим лаем прядал В прибрежную *сиреневую кипень*... (М. Кралин); «Итак, шумят дубы своей резной листвою, эдакая *преlestная кипень* под тихоокеанским – пардон, пардон, конечно же, не под тихоокеанским! – под атлантическим бризом, под ветром с древней морской дороги – Ла-Манша» (В. Аксенов) [13].

Таким образом, хотя подавляющее большинство примеров из художественной литературы подтверждает белизну кипени, которая в сравнениях становится эталоном белого цвета [14], однозначно говорить о цветовой окраске не приходится, что, безусловно, следует учитывать и в лексикографической практике.

Литература

1. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1986. Т. II. С. 50.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 428.
3. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1984. С. 236.
4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2013. С. 254.
5. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. Т. 1. С. 1356.
6. Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1956. Т. 5. С. 955.
7. Большой академический словарь русского языка. М.-СПб., 2008. Т. 8. С. 64.
8. *Карпович А.Е.* О лексикографической терминологии // Современная русская лексикография 1976. Л., 1977. С. 208.
9. *Талицкая Е.Е.* К вопросу о лексических и реальных значениях слов в толковых словарях // Вопросы теории и истории языка. Л., 1969. С. 226–227.
10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2000.
11. Словарь русских народных говоров. Л., 1977. Вып. 13. С. 215.
12. *Носов Е.И.* Собр. соч. В 5 т. М., 2005. Далее указ. только том и стр.
13. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 12.03.2016).
14. *Краснянский В.В.* Кипенно-белый и белокипенный // Русская речь. 2011. № 2. С. 113–116.

Курский государственный университет

Включи́т или вклю́чит?

© И. А. ВЕЩИКОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассматривается содержание и смысл словарной пометы «допустимо» в связи с изменением нормативных предписаний, касающихся ударения в формах настоящего/простого будущего времени некоторых глаголов на *-ить*.

Ключевые слова: орфоэпия, акцентологический вариант, кодификация, шкала нормативности, помета «допустимо», социальный контекст.

The article analyzes the normative evaluation of «acceptable», which is used in characterizing the articulatory variants of the verb «vklyuchit».

Key words: orthoepy, accentological option, codification, normative evaluation of «admissible», the scale of normativity, the social context.

«Давайте включим сейчас Моцарта и проживем сегодня день по-новому» – это заключительная реплика ведущей программы «Утро с Юлией Высоцкой» [НТВ. 2016. 17 февр.]. Можно ли считать литературным и корректным выделенный акцентологический вариант? Отвечая на этот вопрос, автор популярных программ и публикаций о русском языке М. Королева весьма эмоционально замечает: «Вздрагиваю от “включит” и “звонит”, всегда обещаю, что буду отстреливаться, если эти ударения сделают нормой» [1].

До 2012 года все словари орфоэпического типа – академические [2] и профессионально ориентированные [3] – указывали: включи́ть, включи́т! неправ. вклю́чит; заклучи́ть, заклучи́т; отключи́ть, отключи́т! неправ. отклю́чит; переключи́ть, переключи́т! неправ. переклю́чит; звони́ть, звони́т! не рек. звóнит. Наряду с этим в некоторых из них дополнительно сообщается, что «существует тенденция к

переходу глаголов на *-ить* от неподвижного ударения на окончании к подвижному ударению. Многие глаголы прошли такой путь в течение последних 100–150 лет. В первой половине XIX века было нормой ударение: *варит, делит, катит, крутит, курит, тащит, трудится, ценит* и мн.др.; теперь эти глаголы имеют подвижное ударение. Процесс продолжается и в наше время, о чем свидетельствуют глаголы, испытывающие колебание ударения, а также многие варианты, встречающиеся в речи, но не ставшие нормой. К ним относятся: *бурит, включит, долбит, закроит, зацемит, звонит, кренился, крепит, лущит, сверлит, синит* и др.» [4]. Исходя из сказанного, произнесения типа *включит* не противоречат тенденциям развития ударения в формах настоящего-будущего времени глаголов на *-ить*.

В настоящее время взгляд авторов академических словарей на соотношение рассматриваемых вариантов на шкале нормативности претерпевает заметные изменения. Так, в последнем издании «Орфоэпического словаря...» (вышло в 2014 г. под редакцией Н.А. Еськовой) сказано: *включить, включит!* не рек. *включит*. Аналогичные характеристики получают и другие глаголы: *заклочьть, закроит!* не рек. *закроит*; *отключить, отключит!* не рек. *отключит*; *переключить, переключит!* не рек. *переключит*; *звонить, звонит!* не рек. *звонит* [5]. Как видно, варианты с ударением на основе по-прежнему сопроваждаются запретительной, хотя и более «мягкой» пометой, содержание которой поясняется так: «Варианты, оцениваемые пометой не рек., как правило, отражают явления, соответствующие общим тенденциям языкового развития; нередко этой пометой оцениваются варианты, о которых можно предполагать, что в недалёкой перспективе они станут нормативными. Но само содержание пометы этого не предполагает, так как прогнозирование не входит в задачи словаря» [Там же].

По мнению же авторов «Большого орфоэпического словаря...», при описании литературного произношения начала XXI века более точной считается следующая нормативная картина: *включить, включит* и допуст. младш. *включит*. Вместе с тем рекомендации, относящиеся к месту ударения в других глаголах, остаются прежними: *заклочьть, закроит!* неправ. *закроит*; *отключить, отключит!* неправ. *отключит*; *переключить, переключит!* неправ. *переключит*; *звонить, звонит!* не рек. *звонит* [6].

А теперь попытаемся выяснить суть кодификационных переоценок, касающихся пересмотра нормативного статуса варианта *включит*. К сожалению, причины выделенности только лишь одного глагола не объясняются. Лексикографическая запись «включит и допуст. младш. *включит*» означает, что границы нормы расширяются, и теперь литературными признаются два произнесения, однако – что принципиально

важно – они не являются равноправными. Отсюда естественно вытекает вопрос об ограничениях в использовании вариантов с пометой «допустимо».

Обращаясь к этой проблеме, целесообразно сначала напомнить, что в соответствии со сложившейся традицией ею маркируется «менее желательный вариант нормы, который тем не менее находится в пределах правильного» [7. С. 5]. Известно, что в свое время ее включение в структуру рекомендаций было продиктовано необходимостью «предостеречь от слишком категорических и крутых суждений. Она воплощает этическую сторону орфоэпии. Она – свидетельство языковой терпимости», хотя, «чтобы дать такую рекомендацию (“допустимо”), надо, конечно, иметь санкцию языка» [8]. Одновременно она позволяет отразить в словаре переходные случаи и на практике реализовать представления о том, что нормативность не исключает наличия вариантов и что «целью кодификации является раскрытие и фиксация синхронной динамики современной литературной нормы и тем самым создание условий, при которых кодификация не была бы тормозом естественного и общественно обусловленного развития литературной нормы» [9. С. 68].

Наконец, градация «рекомендуется (предписание) – допустимо (ограничение) – запрещено (предупреждение)» делает зримым то, что «для большинства норм существует три основных этапа: а) старая норма активно сопротивляется проникновению новой нормы в литературный язык... б) новая норма получает такое распространение, что не признать за ней статуса нормативной невозможно; если оставить её за пределами литературного языка, то круг носителей литературного языка оказался бы слишком узким; литературный язык перестал бы быть языком нации; поэтому в этот период возникает вариантность нормы: обычно на первом этапе этого периода старая норма признается основной, а новая – допустимой. На последующих этапах возможно равноправие вариантов норм... в) старая норма окончательно уходит из речевой практики» [10. С. 18–19].

Учитывая логику принятия научных решений, рассмотрим аргументы в пользу принятых нормативных переоценок. Если говорить об активности произнесения *вклю́чит*, то соответствующий факт был зафиксирован еще в конце XX века: «Каждый временной период прибавляет к составу группы слов с подвижным ударением некоторое количество лексем. Ср. современные колебания: *посели́т* и *посе́лит*, *мири́т* и *ми́рит*, *помирíт* и *помíрит*, *повтори́т* и *повто́рит*, *позвони́т* и *позво́нит* и др.

В некоторых глаголах подвижное ударение становится литературной нормой, в других оно остается ненормативным. По имею-

щимся данным, представляющим публичную речь, среди глаголов, употребительных с подвижным ударением, не являющимся нормативным, лидирует глагол *включить* и *включиться*: *Включим эту кандидатуру...* Часто употребляются с подобным ударением и другие глаголы того же корня – *отключить*, *заклЮчить*: *Отключат электричество...*» [11]. В последнее десятилетие обращает на себя внимание регулярность их употребления и в речи литературно говорящего социума. Решающим при этом становится то, что новые варианты «не только достаточно широко распространены, но и отвечают внутренним тенденциям языкового развития» [6. С. 3].

Почему же тогда предложенные лексикографами кодификационные переоценки принимаются не всеми? На наш взгляд, затянувшиеся споры вокруг этого случая можно объяснить тем, что в фокусе внимания критиков новых нормативных предписаний оказывается тот компонент значения пометы «допустимо», который закрепляет идею правильности и литературности варианта *включим*, а компонент значения, указывающий на его периферийное положение в пределах нормы, остается в тени.

Кроме того, представленные в словарях определения пометы «допустимо» не раскрывают сложности ее содержания. Между тем читателю должно быть ясно, что, с одной стороны, тот, кто произносит *включит*, вроде бы формально не выходит за границы литературности, с другой – уязвимость данного акцентологического варианта и ее зависимость от «социального контекста». Речь идет о том, что для среднего носителя языка вариант с переносом ударения на основу «вполне литературен» и отражает уровень его языковой и речевой компетенции.

Для лиц речевых профессий и, в частности, работающих в эфире выбор пограничного варианта нежелателен, поскольку они призваны культивировать образцовое произношение и быть проводниками культурной традиции. Иначе говоря, помета «допустимо» сигнализирует о том, что вариант *включит* безразличен к тому, в какой ситуации и кем он употребляется. Решающую роль здесь играют статусно-ролевые характеристики говорящего, точнее, ассоциируемые с ними предписания и ожидания [12]. В этой связи уместно вспомнить, как всегда, тонкие и убедительные замечания М.В. Панова о том, что «оценка отступлений от орфоэпической нормы (или для профессионалов слова от основного варианта. – *И.В.*) часто является не только лингвистической, но и этической проблемой» [8].

И в заключение хотелось бы заметить, что случай с нормативной переоценкой варианта *включит* еще раз продемонстрировал, что представленные еще 20 лет назад авторами коллективной монографии

«Культура русской речи и эффективность общения» вопросы относительно времени кодификации новаций и важности «объективизации нормативных оценок» [10. С. 19, 21], в настоящее время как никогда актуальны и требуют обязательного обсуждения.

Литература

1. *Королева М.* Без пропаганды и с мусоропроводом // Православие и Мир. 2016. 24 февр. (Электронный ресурс) www.pravmir.ru
2. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под редакцией Р. И. Аванесова. М., 1997.
3. *Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.* Словарь ударений русского языка / Под ред. М.А. Штудинера. М., 2000.
4. *Еськова Н.А.* Краткий словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. Ударение. М., 2008.
5. Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Н. А. Еськовой. М., 2015.
6. *Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М., 2012. С.3.
7. *Каленчук М.Л.* Я понимаю, что будущее за вариантом «звОнишь» // Моск. новости. 2012. 21. нояб. (Электронный ресурс) mn.ru/society/edu/84915
8. *Панов М.В.* Современный русский язык. Фонетика: Учебник для университетов. М., 1979. С. 206.
9. *Едличка А.* Литературный язык в современной коммуникации // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XX. Теория литературного языка в работах ученых ЧССР. М., 1988. С.68.
10. Культура речи и эффективность общения / Отв. редакторы Л. К. Граудина и Е. Н. Ширяев. М., 1996.
11. *Воронцова В. Л.* Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). М., 2000.
12. *Долинин К.А.* Проблема речевых жанров через 45 лет после статьи Бахтина // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века. СПб., 1998.

«Мнение о том, что...»

© О. Ю. АВДЕВНИНА,
доктор филологических наук

В статье содержится анализ синтаксической корреляции *то - что* в системно-функциональном аспекте. В современной речи предложения с этим средством претерпевают конструктивную деформацию относительно языковой нормы. Автор рассуждает о причинах этой деформации и правилах построения таких предложений.

Ключевые слова: коррелият, союз, местоимения, изъяснительные отношения, конструктивная деформация, грамматическая норма.

This article analyzes the syntactic correlation «that» – «which» in the system-functional aspect. In modern language sentences with this mean undergo structural deformation regarding linguistic norm. The author tells about cause of this deformation and the rules of construction of such sentences.

Key words: correlate, conjunction, pronoun, explanatory relations, structural deformation, grammatical norm.

Из всех видов речевой целесообразности, отражающейся в нормах литературного языка, труднее всего поддается кодификации целесообразность синтаксическая. Действительно, относительно свободный русский синтаксис, казалось бы, должен допускать широкое варьирование синтаксической связи, использования в речи тех или иных конструктивных элементов предложения, синтаксических средств, например связочных слов. На деле именно синтаксис часто оказывается камнем преткновения даже для тех, кто стремится свято соблюдать

нормы грамотной речи. При этом синтаксических норм как будто бы и нет – есть законы языка, синтаксические закономерности, которые кажутся очевидными и как будто не нуждаются ни в какой регламентации нормами. Но когда в речи обнаруживаются конструктивные сбои, возникает необходимость в установлении норм, которые помогли бы устранить ошибки и объяснить носителям языка, почему русский синтаксис не такой уж свободный. Именно так обстоит дело с построением конструкций со словами *то – что* – парой служебных средств, неоднозначных по своему грамматическому статусу, отличающихся разнообразием синтаксических функций и потенциальных смысловых оттенков.

В речи последних лет, преимущественно устной речи молодежи (хотя не только – иногда и в различных устных выступлениях тележурналистов, политиков, чиновников) появляются «странности», связанные с использованием именно этой пары: *Нам объявили то, что зачет будет на последнем занятии; В своих мемуарах писатель рассказывал то, что с детства он много читал; В статье говорится то, что институт адвокатуры появился в России относительно недавно; Я боюсь то, что население не одобрит этих действий властей города; Мне страшно то, что никто не понимает, какой вред наносится природе; Он сказал то, что не сможет приехать к началу концерта, чтобы начинали без него; Есть мнение то, что здесь вообще опасно что-либо строить; Прозвучала фраза то, что мы не учитываем интересов других людей; Мы благодарны то, что люди понимают важность этого проекта.*

Приведенные примеры производят впечатление однотипных по той конструктивной деформации, которой характеризуются. (Мы намеренно избегаем слова «ошибка», пока не будет реконструирована норма, которая здесь нарушена.) На поверхностный взгляд представляется, что мы имеем дело с неоправданным использованием указательно-го слова *то*. Являются такие конструкции ошибкой или допустимым вариантом синтаксирования мысли, без более детального изучения материала определить трудно, так как внешне («на слух») они вроде бы находятся в поле нормы или, по крайней мере, представляются нормативными.

Посмотрим на эти примеры внимательнее. Сходны они тем, что выражают изъяснительные отношения, под которыми принято понимать пояснение содержания различных процессов, обозначенных опорным словом, чаще всего – глаголом. По определению Грамматики–80 [1], изъяснительными являются отношения, которые устанавливаются между двумя предложениями, «обычно находящимися в непосредственном соседстве {...}, если одно из них (главное) имеет в своем составе слово, обозначающее речевую, мыслительную, эмоциональную,

познавательную, волевую, оценочную деятельность, эмоциональное или интеллектуальное состояние, а второе (придаточное) присоединяется к этому опорному, стержневому для него слову (компоненту) при помощи союзов *что, будто, как, чтобы, как бы не, союзной частицы ли (не ...ли)* или их синонимов» [Там же].

В наших примерах в качестве опорных использованы слова: *объявить, рассказывать, фраза* (речь), *бояться, страшно, рад* (чувство, состояние), *мнение* (мысль, суждение) – имеющие как раз те значения, которые типичны для синтаксического выражения изъяснительных отношений. Совершенно очевидно, что сами эти слова отличаются спецификой в оформлении синтаксических связей, и эта специфика заключается не в ограничении сочетания со словом *то*, которое в данном случае является указательным местоимением и выполняет роль *коррелята* в сложноподчиненном предложении, а в условиях этого сочетания. Одни опорные слова требуют изменения формы коррелята: *рассказывать о том, что произошло вечером; мнение (фраза, выводы) о том, что вышло причиной аварии; рад тому, что снова встретил друзей; бояться того, что не поймут*. Другие могут употребляться только в определенных моделях с заданной схемой распределения синтаксических ролей и морфологических свойств *коррелята* и *релята* (соотносительного с коррелятом слова в придаточной части): *объявить то, что давно всем известно; страшно то, что никто не выживет = страшно, что никто не выживет* (*страшно* – слово состояния), *страшно то, что неизвестно* (меняется грамматический статус слова: *страшно* (каково?) – краткое прилагательное, как и *неизвестно*) и т.п.

Уже эта реконструкция синтаксических свойств опорных слов позволяет квалифицировать те нарушения, которые имеем в анализируемых примерах. Так, в большинстве предложений указательное слово должно стоять в форме косвенного падежа: *объявили о том, что...; сказать спасибо за то, что...; боюсь того, что...; есть мнение о том, что...; прозвучала фраза о том, что...* и т.д.

Но и такое редактирование, хотя исправляет конструктивную кризисную предложения, все-таки не совсем соответствует если не нормам, то языковому вкусу и смысловой целесообразности (ср.: *Он сказал о том, что опоздает на концерт...*). В большинстве этих предложений указательное слово избыточно. В модели изъяснительного придаточного с опорными словами речи, мысли и т.д. достаточным было бы использование союза *что*, который является «наиболее употребительным, стилистически нейтральным, семантически неспециализированным союзом, указывающим на принадлежность сообщения плану повествовательной речи. Круг опорных слов, выступающих совместно с союзом *что*, чрезвычайно широк» [Там же. С. 473]. И большая часть

анализируемых предложений (с опорным словом – глаголом речи, мысли, чувства) может обойтись совсем без коррелята: *объявили, что.., рассказывал, что.., говорится, что.., боюсь, что.., скажи маме, что.., он сказал, что.., есть мнение, что..*

Коррелят же заметно утяжеляет конструкцию, делая ее неуклюжей по выражению мысли и тяжеловесной интонационно, что никак не отвечает ни принципу смысловой целесообразности, ни закону экономии речевых усилий. Само его использование не ошибка, а грамматическая некомпетентность, недостаточность грамматического чутья. Коррелятивная пара *то, что* воспринимается сегодня как нечто грамматически сросшееся и равное по функции союзу *что*, поэтому и вытесняет порой этот союз с его обычного места в изъяснительной конструкции, что приводит к появлению неоправданной конструктивной контаминации разных синтаксических моделей (с *то* и без *то*).

Чтобы исправить и эту шероховатость, обратим внимание на то, что слово *то* употребляется в качестве коррелята при переходном глаголе главным образом в местоименно-соотносительных конструкциях: *Он рассказал то, что узнал от соседей, своим друзьям* – и является здесь местоимением, выступает при этом как грамматический показатель смысловой роли придаточного предложения [2,3,4]. Функцию коррелята в таких предложениях выполняет не только местоимение *то*, но и другие указательные местоименные слова: *такой, там, тогда*. Местоимение же *тот* (*то* – одна из его форм) свободно изменяется в зависимости от грамматической валентности опорного слова. Так, многим глаголам речи свойственно управлять формой *о том* (*говорить / сказать о том, рассказать, поведать, спрашивать, проболтаться, рассуждать, думать, размышлять о том, что ...*). Другие глаголы: чувства, отношения, воздействия – управляют и другими падежными формами.

Строго определен грамматический статус, а значит, имеются ограничения на употребление и слова *что*. В одном случае это союз – в конструкциях с изъяснительной связью: *Он сказал о том, что скоро вернется; Мальчик горд тем, что решил трудную задачу; Я убежден в том, что этот человек честен; Он не отрицал того, что виноват* (примеры из [1. С. 482]). В других случаях – местоимение в придаточных с изъяснительной семантикой: «Ситуацию! *Почувствовать то, что есть*; И понимаете, я ведь не только сейчас вам *объяснил то, что хотел объяснить*» (Е.Гришковец. ОдноврЕмЕнно, 2004) – или в иных типах придаточных: «Уже следовало поспешить *сделать то, что* он должен был сделать, *что* было приказано» (В.Быков. Болото, 2001);

«Мы *доедали то, что* Вовка принес нам за несколько раз» (А Геласимов. Жанна, 2001) [4].

Функция коррелята в предложениях с изъяснением заключается не только в организации подчинительной связи, но и в формировании описательного обозначения чего-либо, т. е. в образовании особого вида наименования – описательной номинации [1. С. 530]. Указательное *то* акцентирует внимание на важности, содержательной глубине, смысловой перспективе дальнейшего описания или повествования. С этой точки зрения, следует внимательнее относиться к коммуникативно-информационной составляющей конструкции, и в этом смысле анализируемые нами предложения неравнозначны, прежде всего по значимости информации, данной в придаточной части [4]: 1) *В своих мемуарах писатель рассказывал / с детства он много читал*; 2) *Нам объявили / зачет будет на последнем занятии*.

В первой группе коррелят при глаголах речи будет уместен (*о том, что...*), потому что в них дана информация с повествовательной перспективой, с возможностью дать ее в подробностях, детализировать сообщаемое, и поэтому в предложении не лишне расставить акценты, в том числе и с помощью коррелята: *В своих мемуарах писатель рассказывал о том, что с детства он много читал* (И что значил этот факт? Как важно раннее чтение в творчестве писателя? Возможны подробности повествования и т.п.). Вторую группу составляют короткие сообщения, лишённые такой перспективы и не нуждающиеся в смысловых акцентах: *Нам объявили, что зачет будет на последнем занятии* (исчерпывающая информация).

Увы, кто будет разбираться в тонкостях смысловой акцентуации, если есть привычка равнять специфическое средство *то, что* простоу изъяснительному союзу *что...*

Предварительный вывод о норме конструирования предложений с местоименно-соотносительной связью таков: конструкции с *то, что...* никак не тождественны конструкциям с *что*, хотя и могут выступать в качестве вариантного средства выражения изъяснительной семантики (с соблюдением падежного изменения местоимений и учета валентности опорного слова), их использование требует внимания к грамматическому и коммуникативному аспектам сообщения.

Теперь же о самих нормах, которые в данном случае являются языковыми закономерностями функционирования данных конструктивных элементов синтаксиса, но их статус как норм литературного языка остается, по нашим наблюдениям, практически не разработанным. В грамматической теории можно наметить, по крайней мере, три направления возможной регламентации этих единиц: 1) условия, при которых употребление коррелята *то* факультативно, необязательно, предложения с ним могут использоваться как вариант других

конструкций; 2) условия, при которых употребление коррелята *то* обязательно; 3) условия, при которых употребление коррелята *то* ошибочно, является нарушением грамматических законов языка.

Правила первой группы частично мы уже рассмотрели: это употребление коррелята при глаголах речи, мысли, чувства, отношения, оценки и т.п.

Л.Ю. Максимов обращает внимание также на такой аспект вариативного использования конструкции, как необходимость уточнения значения многозначного слова: например, *думать* – «считать», «предполагать» употребляется без коррелята (*Я думал, что ты мужчина, а ты еще ребенок*), *думать* – «размышлять» – с коррелятом (*Даша, очевидно, сидит и думает о том, что в конце концов электричество потухнет и все люди умрут*) [4. С. 108].

Как пишет Л.Ю. Максимов, употребляются с коррелятом («довольно стабильно», хотя и не так последовательно [Там же. С. 109]) и глаголы с двойным управлением: *призывать* кого-нибудь к чему-нибудь, *осуждать* кого-нибудь за что-нибудь, *упрекать* кого-нибудь в чем-нибудь, *жаловаться* кому-нибудь на что-нибудь и т.п.: «Она говорила о Печорине, (...) *упрекала его в том, что он разлюбил свою джаночку*»; «Он так часто старался *уверить других в том, что он существо, не созданное для мира (...)*, что сам почти в этом уверился» [Там же]. Но эти глаголы могут использоваться и без указательного слова: *упрекала его, что он разлюбил свою джаночку; старался уверить других, что он существо, не созданное для мира* и т.п.

Вариативным является и экспрессивное или смысловое подчеркивание информации, данной в придаточном: *Приятно, когда человек говорит то, что думает* [2. С. 98]); *Но я попытаюсь вспомнить то, что мне рассказывали мои дедушка и бабушка, когда я еще была маленькой* (Рассказ девушки о своих родных // Из коллекции Казахстанского филиала МГУ, 2011) [5]. И здесь можно и не использовать *то*: *говорит, что думает; вспомнить, что мне рассказывали* и т.п.

Коррелят необходим, если:

1) «объектное значение придаточного осложнено значением ограничительным» [1. С. 530], выраженным с помощью:

– опорных слов – глаголов *начать, начинать, начаться, начинаться* (чем, с чего); *кончать, кончить, кончатся, кончиться* (чем): «Она кончала всегда тем, что побеждала свою грусть и становилась опять весела» (Достоевский); «Началось с того, что Колька из озорства отнял у меня книжку» (Солоухин) [Там же];

– глаголов со значением эмоционального воздействия и соотносительными с ними причастиями со значением эмоционального состояния: *удивлять* (кого чем), *удивлен* (чем); *поражать* (кого чем), *поражен* (чем); *смущать* (кого чем), *смущен* (чем): «Ее застарелая

нравственность была оскорблена тем, что дочь ее позволила целовать себя до брака» (Помяловский) [Там же];

– прилагательных с качественно характеризующим (не оценочным) значением: *замечателен* (чем), *хорош* (чем), *счастлив* (чем), *удивителен* (чем), *страшен* (чем): «Разумихин был еще тем замечателен, что никакие неудачи его никогда не смущали» (Достоевский) [Там же].

2) Объектное значение осложнено значением выделительным, выраженным:

– с помощью частиц при опорном компоненте: «Наверно, *именно то, что* сам ляжешь, – важнее всего» (В. Быков. Болото, 2001); «И почему бы людям не объяснить *вот то, что* они на сегодняшний день заработали» (Интернет, 2004); «Потому что *даже то, что* интуитивно кажется стопроцентно эквивалентно и даже здесь думать нечего, оказывается даже совсем не эквивалентно» (Д.О.Добровольский. Доклад на конференции «Диалог 2013» // Из коллекции НКРЯ, 2013) [5] и т.п.;

– вводных слов при опорном компоненте: «А надо успеть сказать, ну, *например, про то, что* вот здесь, то есть в том пространстве, где мы находимся» (Е. Гришковец. ОдноврЕмЕнно, 2004); «*Может быть, то, что* я сейчас скажу, послужит своего рода предостережением для тех, кто пытается остановиться»; «Но заботить-то должно нас *в первую очередь то, что* прежде чем извлекать информацию из нашего сообщения, этот сигнал должен быть легко обнаруживаемым» (А.Зайцев. Послание внеземным цивилизациям. Проект Academia, ГТРК Культура, 2010) [Там же] и т.п.;

3) Объектное значение *то* осложнено различными модальными отношениями:

– отрицанием с отрицательной частицей (не путать с составным союзом *не то что*): «*Не то, что* мните вы, природа: Не слепок, не бездушный лик...» (Тютчев);

– противопоставлением (примета – наличие противительного союза): «Ирина поделилась с подругой, географичкой, *а то, что* знают двое, – знает свинья» (В.Токарева. В. Своя правда);

– сравнением; формальная примета – союз *как* (не путать с союзом *как* в значении «в качестве») и корреляты *так же, такой же, столь же* и т.п.: «То, что такая фраза, произнесенная бабушкой у ложа умирающей, не была так называемым “последним выстрелом”, – это *так же* для меня ясно, *как то, что* Земля наша твердая, а вода на ней – мокрая» (М. Палей. Поминование, 1987); «*Такая же* легенда, *как то, что* тетя Поля красавица» (Ю.Трифонов. Дом на набережной, 1976); «Так же уверен, *как то, что* ты сейчас сидишь передо мной» (Ф. Искандер. Чик чтит обычай, 1967);

– сравнением, осложненным противопоставлением: «Сами по себе эти гробницы *не так* интересны, *как то, что* обнаружен, похоже,

неизвестный участок некрополя» (А.Голяндин. Потерянные гробницы Египта) [Там же];

4) Синтаксические условия обязательного употребления *то*:

– «абсолютная препозиция коррелята с придаточной союзной частью» [4. С. 111], а именно – позиция в абсолютном начале предложения: «*И то, что приходится моргать, – это ужасно*» (Е. Гришковец. ОднорЕмЕнно, 2004); «*То, что на трибунах держат больше часа после игры, объясняют недостаточной пропускной способностью метро*» (Интернет, 2004);

– позиция коррелята в одном ряду с другими объектами: «Прежде всего указать *соцпроисхождение командира, – то, что он из рабочей семьи, член ВКП (б)*» (В. Быков. Болото, 2001); «Ну а потом стало ясно, что главная проблема – это *не глаза и не шумные компании, а то, что* из-за своего компьютера Павлик совершенно забросил школу и перестал заниматься» (Е. Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // Даша, 2004);

– корреляция *то/что* является компонентом составного союза; к такому словари относятся: *несмотря на то что; не то, что; ввиду того что; в силу того, что; при всем том, что; насчет того, что; за счет того, что; в сравнение с тем, что* и т.п. Составные союзы упоминаются в нормативных справочниках обычно в связи с правилом о постановке запятой перед *что, как, чтобы* (запятая ставится / не ставится / обусловлена смысловым контекстом употребления союза).

Составные союзы не выражают изъяснительных отношений, но некоторые из них омонимичны средствам выражения объектных отношений, например *не то что*: «*Не то что проехать, пройти даже среди бела дня стало чрезвычайно опасно*» (Криминальная хроника. 2003. 6 окт.); «Быть чиновником-бизнесменом – совсем *не то что* бизнесменом, думающим о политической карьере» (Газета. 2003. 7 июля); «А гениальные люди – товар штурчуный. *Не то что* какие-то банкноты» (Веч. Москва. 2002. 1 окт.) [5].

Все составные союзы основаны на использовании предлога, который управляет коррелятом. Поэтому мы считаем, что длинный список признанных словарями и справочниками составных союзов можно дополнить теми союзными формированиями, которые тоже включают предлог: *за то, что..; про то, что..; на то, что..; над тем, что..; к тому, что..* и т.п. Помимо формального маркера составного союза (предлога), эти сочетания так же, как и другие составные союзы, характеризуются десемантизацией слова *то* – утратой им самостоятельного значения, к тому же отличаются исключительно высокой степенью регулярности использования в речи, что свидетельствует об устойчивом характере их служебной функции: «Я замучен нагрузками и работой, я только случайно вспомнил *про то, что* забыл тебя» (Смеляков. Осень, 1933); «Беседы шли сезонные: *Про то, что* март хороший был И что апрель студеной, Табачный дым над залом плыл – Обыденный, буденный» (Слущкий. Проба, 1959–1961); «Прости меня *за то, что* я суров, Что повторяюсь и бегу

по кругу, За справедливость всех несправедливых слов, Кидаемых друг другу» (Самойлов. В меня ты бросишь грешные слова., 1985); «Наплевать мне на известность *И на то, что я поэт*» (Есенин. Мелколесье. Степь и дали., 1925) [5] и т.п.

5. Лексико-фразеологическая обусловленность слова *то*:

– употребление в сочетаниях устойчивого (фразеологического) характера: *как раз то, что...*; *дело в том, что...*; *другое дело то, что...*; *обратить внимание на то, что...*; *расчет на то, что...*; *установка на то, что...*; *ставить на то, что...* и т.п.: «Опять же на карте за болотом с четкой подписью урочище Боговизна значился хвойный гаек, подписанный мелким курсивом Остров Борок, – *как раз то, что* и требовалось» (В.Быков. Болото, 2001) [5] и т.п.;

– употребление при глаголах или других словах «с нечеткой изъяснительной валентностью» [4. С. 110], которые способны к управлению придаточным, но изъяснительная семантика в них размыта, поэтому они нуждаются в актуализации управления с помощью специального средства. Грамматическая теория выводит целые списки таких слов «на запоминание», например: *сводиться к тому, что...*; *облегчаться тем, что...*; *заключаться в том, что...*; *гордиться тем, что...*; *сомневаться в том, что...*; *надежда на то, что...*; *благодарность за то, что...*; *выводы о том, что...*; *результат того, что...*; *спасибо за то, что...*; *указание на то, что...*; *свидетельствовать о том, что...*; *подозревать в том, что...*; *обвинять в том, что...* и т.п. Беглый взгляд на этот перечень позволяет предположить некоторые закономерности в грамматике таких слов. Так, управление коррелятом необязательно для глаголов (*надеяться на то, что / надеяться, что; рассказывать о том, что / рассказывать, что; беспокоиться о том (за то) / беспокоиться, что* и желательно для существительных, в том числе тех, которые образованы от этих глаголов (*результат того, что; выводы о том, что; надежда на то, что; рассказ о том, что; сомнение в том, что; подозрение в том, что; беспокойство о том (за то), что* и т.п. Обязательным остается соблюдение падежного словоизменения: *того, о том, в том...* и т.п., а не только винительный *то*. (На слуху ошибки управления при глаголах *заметить, отметить* со значением речи: *о том* вместо нормативного *заметить, что...*)

Последнее замечание можно отнести к правилам последней группы норм (когда нельзя использовать коррелят *то*). Полный запрет касается большей части безличных глаголов; в нашей теме уместно вести речь о безличных глаголах с модальным значением: *хватает / не хватает* (денег), *хватит* (болтать), *остается* (ждать), *приходится* (работать), *следует* (проверять), *надлежит, подобает, тянет* (на родину), *хочется* (чуда), *верится / не верится, не терпится* и т.п. Одни из них не сочетаются

с указательным словом вообще; другие омонимичны личным глаголам, которые управляют этим словом.

Т.В. Ушакова обращает внимание на то, что корреляты недопустимы при модальных глаголах или кратких прилагательных (добавим – и слов состояния), соседствующих с союзом *чтобы*, при опорных словах, требующих союзы *будто* (*бы*) и *как бы* [6]. Анализ материалов НКРЯ показал правомерность этого правила как закономерности узуса: опорные слова, управляющие придаточными с этими союзами, используются без коррелята: *хотеть, чтобы; требуется, чтобы; не допустить, чтобы; важно, чтобы; желательно, чтобы; нужно, чтобы; достаточно, чтобы; необходимо, чтобы; кажется, будто; представляется, будто* и т.п.

Употребления типа: *хотеть то (того), чтобы; требуется то, чтобы; не допустить того, чтобы; кажется то, будто* и т.д. – следует считать ошибочными.

В качестве вывода обратим внимание на то, что норма функционирования *то — что* имеет как бы два полюса: один – необходимость и возможность самого употребления коррелята в конструкции, другой – выбор падежа местоимения, выступающего в роли коррелята. Нарушения на этих полюсах неравновесны. В языке гораздо больше случаев, когда коррелят возможен или обязателен, чем, когда он запрещен. Поэтому даже грамматически неоправданное его употребление всегда можно расценить как экспрессивное средство. А вот нарушение падежного словоизменения местоимения – это уже безграмотность, с которой и призваны бороться нормы культуры речи.

Литература

1. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980.
2. *Бабайцева В.В.* Лексико-грамматические функции указательных слов в сложноподчиненном предложении // *Бабайцева В.В.* Избранное. 1955–2005: Сб. научных и научно-методических статей. М. – Ставрополь, 2005.
3. *Бабайцева В.В.* Местоимение *это* и его функциональные омонимы. М., 2014.
4. *Максимов Л.Ю.* Многомерная классификация сложноподчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка). Пятигорск, 2011.
5. Национальный корпус русского языка (НКРЯ) // URL: www.ruscorgpora.ru (дата обращения 24.01.16)
6. *Ушакова Т.В.* Русские сложноподчиненные предложения, выражающие изъяснительные отношения: Дис. ... канд. филол. н. Воронеж, 2006.

От *топового* огня к *топовым* объектам

© О. А. ДАВЫДОВА,
кандидат филологических наук

В статье рассмотрены слова *топ*, *топик*, *топлес*, *топовый* и др. Некоторые из них стали омонимами заимствованным в XVIII веке из голландского языка словам *топ* и *топовый*.

Ключевые слова: неологизм, заимствование, композит, молодежный жаргон, *топ*, *топик*, *топовый*, *топлес*, *тип-топ*.

The paper deals with neologisms newly borrowed from English: *top*, *topic*, *topless*, *topovuy* etc. Some of them became homonyms of Dutch loanwords of the XVIII-th century words *top* and *topovuy*.

Key words: neologism, loan, composite, youth slang, *top*, *topic*, *topovuy*, *tip-top*.

Среди слов, которые чрезвычайно активны в современном русском языке (прежде всего в языке СМИ), – слово *топ* и его производные. В русском языке несколько омонимов *топ* (в современных толковых словарях отмечены, по крайней мере, три слова). Не будем рассматривать исконные слова, связанные со значением «топот», «топать», обратимся к истории заимствованных в разное время из разных языков *топов*.

В XVIII веке из голландского пришел морской термин *топ* со значением «верхний конец мачты или стеньги» [1] (*стенъга* – тоже морской термин и тоже из голландского «наставная часть мачты, являющаяся продолжением ее в высоту» [Там же]. Слово впервые отразил Словарь новых слов Н. Яновского [2].

Тогда же возникло и закономерное прилагательное *топовый*, которое употреблялось в составе устойчивого терминологического сочетания *топовый огонь* «белый сигнальный огонь, устанавливаемый на верхушке топа». Выражение активно употреблялось в произведениях морской тематики: «Топ – верх, вершина вертикального рангоутного дерева, например мачты, стеньги. *Топовый огонь* – белый огонь, поднимаемый на ходу паровыми судами на фок-мачте или впереди ее; освещает горизонт прямо по носу, вправо и влево от него на десять румбов. Видимость его должна быть не менее пяти миль, или девяти

километров) (Новиков-Прибой. Цусима); «Солнца уже совсем не было видно; (...) Вверх по мачте полз бледно-желтый *топовый огонь*» (Катаев. Белеет парус одинокий); «Один из вахтенных задраивал иллюминаторы штурманской рубки. Ярко вспыхнул *топовый огонь*» (Ефремов. Атолл Факаофо).

В 90-х годах XX века русский язык заимствовал из английского [англ. top – «верх»] слово *top* с другим значением, связанным с верхними позициями в разных рейтингах. В словаре Г.Н. Складневской, впервые отразившем новое слово, оно дано со значением «список призеров (обычно в пределах 10–20 мест)» [3]. Значения в словарях неологизмов или иностранных слов несколько отличались друг от друга: «список призеров, участников конкурса, *хит-парада* и т.п. в пределах 10–20 мест» [4], «первые пять, десять и т.д. позиций в рейтинге» [5]. В толковом словаре слово получило такое определение: «самое популярное, модное произведение, вещь (в одежде, эстрадной музыке и т.п.); список таких произведений» [1]. В качестве устойчивого отмечено сочетание *попасть в топ*.

Одинокое употребление слова характерно для современных СМИ: «Премьера “Князя Игоря” Бородина в постановке Юрия Любимова в последние месяцы находится в *топе* самых обсуждаемых тем Большого театра» (Известия. 2013. 11 июня); «На первой строчке в *топе* самых интересных мужчин оказался Томас Нойвирт, он же Кончита Вурст – бородастая женщина и победитель Евровидения-2014» (Metro. 2014. 12 нояб.); «Увы, в последние годы Большой неожиданно вылез в *топ* не музыкальных, а криминальных новостей» (Веч. Москва. 2015. № 11).

Довольно часто в современной прессе слово *top* дополняется цифрами, называющими количество участников рейтинга: «*Топ 10* самых популярных авторов у читателей на дому: Б. Акунин, Л. Улицкая, Д. Рубина, Н. Спаркс...» (МК. 2012. 12 июля); «В итоге Олеся не смогла пробиться в *Топ-16*, а победу на “Мисс Земля-2013” одержала представительница Венесуэлы Ализ Хенрич» (Комс. правда. 2014. 8 июля); «Руководитель банка за пределами *топ-50* говорит, что и у некрупных банков часто бывают в клиентах стратегические предприятия» (РБК Дейли 2014. 27 июня); «В *топ-200* общего рейтинга QS-2013 из российских вузов попал только МГУ им. М.В. Ломоносова» (МК. 2013. 17 июня). Чаще всего числа присоединяются к слову посредством тире, иногда количество обозначено счетными существительными: «Однако Лондон стал единственным городом мира, давшим *топ-сотне* сразу пять университетов» (МК. 2014. 19 сент.). Такое употребление характерно для английских источников и первоначально

было заимствовано русским молодежным жаргоном в виде целых выражений, что отразил словарь молодежного жаргона 90-х гг. XX века.

В современном употреблении слово *top* встречается в составе композитов, первые из которых были отмечены в словарях 90-х гг. XX века с отдельными значениями. Самые частотные из них *top-менеджер* «менеджер высшего звена управления» [5] и *top-менеджмент* «группа руководителей высшего уровня, несущая ответственность за деятельность компании» [6]: «Кто в нашей стране получает такие зарплаты? Депутаты, министры, их замы и *top-менеджеры* “Газпрома”» (МК. 2012. 17 февр.); «В разгар кризиса 2008 года *top-менеджмент* энергетических компаний ... получил почти 850 млн. руб.» (Комс. правда. 2013.19 марта).

Еще в словаре Г.Н. Складневской было отражено слово *top-модель*. В современных словарях оно имеет следующую дефиницию «высококвалифицированные и высокооплачиваемые манекенщица/ манекенщик или фотомодель высшего класса» [5]: «В списке международных гостей Fashion Week Russia почетное место займет *top-модель* Джессика Стэм, которая впервые приедет в Москву» (МК. 2011. 14 окт.); «В этот раз Лейбовиц создала галерею портретов выдающихся женщин нашего времени. Среди них – *top-модель* Наталья Водянова, теннисистка Серена Уильямс, художница и музыкант Йоко Оно...» (МК. 2016. 12 февр.).

Количество композитов с первой частью *top* растет год от года и сейчас уже не поддается точному исчислению. Данные корпуса русского языка свидетельствуют, что в последние годы чрезвычайно активно пополнилось число «спортивных» образований: «У нас в команде собраны прекрасные игроки, которые могут усилить *top-клубы* России» (Известия. 2014. 9 апр.); «Но наши игроки в *top-командах* дальнего зарубежья – все еще диковинка» (РБК Дейли. 2013. 19 дек.); «Конечно, у меня есть желание поиграть в *top-чемпионатах* Европы» (Известия. 2014. 21 янв.); «Европейские *top-тренеры* смогут работать на высшем уровне» (Известия. 2014. 3 апр.); «Чувствую, что еще есть куда добираться – до *top-формы* еще далеко, – заверил российский биатлонист» (Известия. 2014. 9 янв.).

Обратим внимание на еще одно слово *top*, имеющее в современных словарях самостоятельное значение, от которого образованы другие производные рассматриваемой группы: «легкая женская блузка простой формы на бретельках, которые могут завязываться (на плечах, шее, перекрещиваясь на спине и т.д.)» [4]; «Летняя короткая женская блузка без рукавов на бретельках; женская короткая маечка» [5]. Слово широко употребляется в языке современных СМИ: «Укороченный *top* – довольно яркий тренд» (Метро. 2014. 30 июня); «Три девушки в спортивных *топах*...» (Метро. 2015. 23 апр.). Так же активно

употребляется однокоренное слово-синоним *топик*: «Десять стройных, в коротких юбочках и *топиках* девчонок выписывали немислимые акробатические трюки» (Комс. правда. 2013. 23 июля).

С конца 80-х гг. русские словари фиксируют слово *топлес*, которое до настоящего времени не имеет единого графического облика: *топлес*, *топлесс*, *топ-лес* «без верхней части одежды, купальника, с открытой грудью» [5]: «Распространенные ныне солнечные ванны “*топлес*” — крайне серьезный фактор риска в развитии новообразований и эндокринных нарушений» (Вокруг света. 2004. 15 июня); «...и где-то она загорала недавно, и, может быть, *топлес* загорала...» (Столица. 1997. 2 сент.).

В современном разговорном употреблении у слова *топик* появился омоним. До недавнего времени слово *топик* было известно всем изучавшим английский язык и означало «рассказ на определенную тему», что отражено в таких примерах: «Правда, у Маринки был “коронный номер” — *топик* “Май фэмели”, естественно, про папу» (Трауб. Ласточ...ка); «К встрече с гостями готовились заранее: Людка в актовом зале с музычкой репетировала «Цыганочку», Маринка с англичанкой учила *топики* — «Май флэт», «Май скул», «Май кантри» (Там же). Сейчас у слова в языке интернет-общения появилось значение «тема, предложенная для обсуждения на форуме или в блоге»: «Почему я и открыла этот *топик*. Хочется, чтобы родители обратили внимание, что безобидная игра на компьютере в Интернете и чат на безобидных сайтах таит такого рода опасность» (Наши дети: Подростки, 2004). Появилось даже устойчивое образование, также заимствованное из английского: *топик-стартер* «наименование предложившего тему для обсуждения, то есть топик».

Омоним появился у прилагательного *топовый*. Если раньше оно употреблялось преимущественно в составе морского терминологического сочетания, но теперь связано с широко распространенным заимствованием из английского языка «входящий в топ, относящийся к топу; наиболее популярный». Растет число существительных, определяемых прилагательным *топовый*: «Я — азартный человек. Хочу сделать *топовый* европейский проект» (Сов. Спорт. 2011. 3 марта); «Сейчас мы пытаемся переделать наш *топовый* спектакль “Ревизор” под площадку филиала» (Известия. 2013. 8 апр.); «Вчера отменили концерт *топовые* певцы» (МК. 2013. 8 июня); «На сей раз режиссер взялся за комедию, да еще с *топовыми* актерами, чего за ним раньше не наблюдалось» (Веч. Москва. 2016. № 2).

Также из английского языка пришло сначала в молодежный жаргон, а из него в литературу популярных авторов выражение *тип-топ* «отлично, прекрасно» (англ. *tip-top* — тавтологический оборот с буквальным значением «вершина вершин», «верхушка верхушек») [7]: «Не

вешай носа. Всё будет *тип-тон*» (Аксенов. Звездный билет). Повесть Аксенова появилась в 60-х гг. XX века, но особенно активно (по данному национальному корпусу русского языка) выражение начало использоваться в начале XXI века.

С этого же времени выражение активно используется в СМИ: «При выписке лицо мое безбожно гноилось, но врач заверил, что все будет *тип-тон*» (Комс. правда. 2007. 2 апр.); «Ширится круг, ближе команда к народу. Пока, в общем, все *тип-тон*» (Сов. Спорт. 2013. 18 марта). С пометой *Разг.* слово-выражение отражено уже в толковом словаре: «очень хорошо, отлично; все удалось, все в порядке» [1], до этого оно было представлено только в словарях иностранных слов с пометой *Жарг.* [8] или словарях жаргона [7].

В заключение можно сказать, что в современном языке СМИ особой активностью обладает заимствование из английского языка *тон*, оно используется в одиночном употреблении, сочетается с разными числительными и существительными, образуя композиты, некоторые из которых приобрели самостоятельное значение и должны пополнить толковые словари русского языка (*тон-менеджер*, *тон-менеджмент*, *тон-модель* и др). Широко употребляются производные *топик* и *топовый*, которые также должны пополнить современные толковые словари. В словаре уже отражено устойчивое выражение *тип-тон*, употребление которого вышло за пределы молодежного жаргона, где первоначально использовались все слова с корнем *тон*, недавно заимствованные из английского языка.

Литература

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2002.
2. Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. СПб., 1806.
3. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб., 1998.
4. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М., 2003.
5. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI в.). М., 2010.
6. Шагалова Е.Н. Самый новейший толковый словарь русского языка XXI в. М., 2011.
7. Никитина Т.Г. Молодежный сленг. М., 2003.
8. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М., 2006.

Московский педагогический
государственный университет

Интернет: от безграмотности к новой грамотности?

© Н. И. КЛУШИНА,

доктор филологических наук

Статья поднимает проблему грамотности в Интернете. Автор предполагает, что частотность и массовость нарушений пунктуационных норм в интернет-общении может привести к возникновению «новой» нормы в сегменте неофициальной, бытовой интернет-коммуникации. Также отмечается тенденция к окказиональному словообразованию в интернет-пространстве. Высказываются опасения по поводу вытеснения Википедией традиционных словарей.

Ключевые слова: интернет-стилистика, медиакультура, словари, Википедия, грамотность, интернет-слова.

We analyze the problem of literacy in Internet in this article. The author expresses the hypothesis that the violation of punctuation norms in Internet can be the reason of arising of new literacy. We analyze the tendency of occasional word-formation in internet-space. We concern about displacement of traditional dictionaries by Wikipedia.

Key words: Internet stylistic, media culture, dictionaries, Wikipedia, literacy, Internet words.

Интернет-эпоха, незаметно сменившая книжную эпоху, привнесла серьезные изменения не только в наш быт, но и в современную культуру [1]. Вместо культа книги пришел культ Интернета. Книга формировала линейное, непрерывное мышление и рассчитана была на медленное вдумчивое чтение. Интернет формирует экранное, клиповое мышление и ориентирован на быстрое, поверхностное считывание информации, которая предоставляется в случайном порядке [2].

Эпоха Интернета уплотняет время, ускоряет нашу жизнь и изменяет наш язык. Она формирует новые запросы и формулирует новые серьезные вопросы, которые необходимо осмыслить.

Мы хотим заострить внимание на трех проблемах, порожденных интернет-коммуникацией, потому что они нам кажутся наиболее актуальными и острыми в современном российском медиапространстве:

вытеснит ли Википедия словарь Даля, сбросят ли пунктуацию с корабля современности и войдут ли интернет-слова в общий лексикон?

Наиболее доступным и предпочитаемым словарем среди пользователей стала Википедия, которая позиционирует себя «народной» энциклопедией, включающей не оригинальные, а вторичные тексты, что «убивает» авторство и авторитетность в принципе. Википедия – настоящий символ интернет-эпохи. Авторы – не ученые и не эксперты. Авторы нет. Народная энциклопедия не несет ответственности за предлагаемые ею толкования [3]. Википедия сродни фольклору: каждый может «перепеть» статью на свой лад, кто-то лучше, кто-то хуже. А есть ли время у настоящих ученых каждый раз выверять и выправлять нескончаемый текст? И можно ли доверять подобным текстам? Википедия эксплицирует самую, на наш взгляд, серьезную проблему, порожденную Интернетом, – потерю авторитетов и размывание авторства. Мы получили массовый словарь для массового сознания. Удобство и простота поиска значения нужного слова – несомненное преимущество данного словаря и объяснение его доминирования в современной медиакulturе. Но не стоит забывать, что медиакultura – это все-таки культура. Поэтому есть смысл задуматься над тем, не «затопит» ли Википедия всю нашу культуру?

Упрощение пунктуации или даже отказ от нее – вторая проблема, связанная с доминированием интернет-коммуникации. В дружеском общении (смс, э-переписка, соцсети, комменты и т.п.) часто редуцируются пунктуационные знаки, иногда они заменяются эмоджонами и смайликами. Границы мысли устанавливает не точка, а красная строка или прописная буква, как, например, в тексте смс-сообщения: *«СпасибоНичегоЭтогоНетУменяИнеПредвидится»*.

На XIII Конгрессе МАПРЯЛ, состоявшемся в испанской Гранаде в сентябре 2015 года, отдельная секция была посвящена языку Интернета. Один из уважаемых московских профессоров выступил с весьма оригинальным докладом о роли запятой в смс и в интернет-общении. Поскольку переключать регистры в наших гаджетах, чтобы поставить нужный знак, неудобно, то хорошо бы запятую упразднить и оставить только точку: точку как точку (в конце предложения) и точку вместо запятой. Это технологическое объяснение проблемы пунктуационного «безобразия» в Интернете. Но это не повод отказаться от регулятивной и смысловоразличительной функций пунктуации. Проблема видится в том, что пользователи Интернета (без возрастных и культурно-образовательных ограничений) массово и без всяких для себя объяснений жертвуют пунктуацией ради быстроты и удобства. Опрос магистрантов (2015–2016 учебный год) выявил, что они осознанно не используют пунктуацию в общении с друзьями. В этом, по их мнению, – особый вкус свободы. Но в официальной переписке все

стараятся придерживаться правил. Не придется ли нам смириться с тем, что в одном из сегментов нашего языка – в дружеском, неофициальном общении – будет происходить игра без пунктуационных правил, или по неписаным правилам?

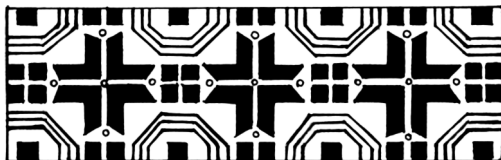
Интернет, как и любая революция, насыщен экспериментами, в том числе и в области языка. В моду вошли окказиональные интернет-слова, построенные по модели стяжения словосочетания (*крымнаш*, *ждемност* и т.п.). В эпоху перестройки в газетах был популярен нестандартный, окказиональный, т.е. «случайный», способ словообразования: стяжение словосочетания с помощью нескольких дефисов: *человек-с-улицы*, *страна-которой-нет* и т.п. [4]. Сегодня окказиональным способом интернет-словообразования стало стяжение словосочетания в одно слово, без усечений и трансформаций, вроде хештегов: *#купи-убабки* (призыв волгоградской молодежи поддержать бабушек, торгующих продуктами с собственной грядки), *#ждемност* (крымчане, действительно, его ждут) и др. Подобные хештеги и большинство других созданы именно окказиональным способом. Их окказиональность и «одноразовость» не помешала им прочно войти в интернет-язык и занять в нем свое место. По наблюдениям Е.Я. Шмелевой, «несколько слов, появившихся в Сети в 2014 г., к концу года вышли за пределы интернет-коммуникации и употребляются также в СМИ, устной речи и современной литературе» [5].

Интернет – это теперь навсегда. Нам надо научиться с ним жить, им пользоваться – и не разрушить нашу культуру и наш язык.

Литература

1. *Тошович Б.* Интернет-стилистика. М., 2014.
2. *Клушина Н.И.* Интернет-стилистика в России. Постановка проблемы / Русский язык и литература в пространстве мировой культуры. Материалы Конгресса МАПРЯЛ. В 15 т. СПб., 2015. Т. 13.
3. *Мечковская Н.Б.* Как Интернет и «Википедия» разрушают авторское право и почему особенно трудно гуманитариям // Социология. 2015. № 3. С. 82–93.
4. *Клушина Н.И.* О модном способе окказионального словообразования // Русская речь. 2000. № 2. С. 47.
5. *Шмелева Е. Я.* Интернет-коммуникация: новые тенденции в русском словообразовании // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 46–52.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Понятие «надежда» в Священном Писании Ветхого Завета

© А. С. ПОДЧАСОВ,
кандидат филологических наук

Автор статьи анализирует слово *надежда* в контексте притчи царя Соломона: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком его». В результате герменевтического исследования автор приходит к выводу о том, что древнееврейское слово *tiqvah* (надежда) соединяет в себе несколько важных значений. Во-первых, это тесная, как пуповина, связь человека с тем, на кого он надеется. Во-вторых, эта связь не стесняет человека в движении, не ограничивает его свободу. Она основана на взаимной любви, доверии и уважении. В-третьих, надежда (*tiqvah*) определяет обязательное условие, при котором наказание может принести наказуемому пользу. На основе проведенного исследования автором предлагается углубленное толкование понятия «надежда».

Ключевые слова: надежда, *tiqvah*, пуповина, червленая веревка, трос, спасение, доверие.

This paper looks at how the concept of hope was viewed by the ancient Hebrews and how it is represented in the context of the Old Testament. The author examines three most frequently used words which express the concept of hope: *tiqvah*, *yachal* and *qavah*. By using hermeneutic analysis, the author *arrived at the conclusion that in translating these words to Russian language, the message is often distorted. Because it is critically important that such an essential and fundamental element of Christian life as hope be understood correctly, the translator should attempt to reproduce the content of the original Hebrew words as literally as possible and accompany their translation by detailed comments.*

Key words: hope, expectancy, navel cord, wait, endure, recumbence, reliance.

Задумываясь над тем, что делать, если наш ребенок провинился, мы часто вспоминаем слова из книги Притчей царя Соломона: «Наказывай сына своего, доколе есть надежда, и не возмущайся криком

его» (Прит. 19:18). При том, что этот наказ до сих пор звучит актуально, его смысл остается неясным и вызывает многочисленные споры. Во-первых, синодальный перевод с древнееврейского языка неточно передает высказанную в притче мысль. Буквальный перевод этого стиха, сделанный библиистом, переводчиком А.С. Десницким, звучит так: «исправляй сына твоего, ибо есть надежда, и к умерщвлению его не стремись душой твоей» [1].

Размышляя над этим стихом, А.С. Десницкий замечает следующее: «В общем, понятно, что делать (заниматься воспитанием) и чего не делать (стремиться к гибели). Но как одно связано с другим? Можно понять так, что пренебрежение воспитанием сына приведет его рано или поздно к гибели. А можно и попроще: усердствуя в воспитании при помощи жезла, смотри, не зашиби насмерть, как Иван Грозный. И что там насчет надежды? Видимо, заниматься воспитанием имеет смысл лишь до определенного возраста, пока еще есть надежда, а потом уже будет поздно. Именно так и поняли этот стих мы, причем постарались сохранить двусмысленность оригинала в отношении “не погуби”. Наш перевод звучит так: “Вразумляй сына, пока не поздно, смотри, не погуби его”» [Там же]. Что касается синодального перевода, то А.С. Десницкий комментирует его следующим образом: «Откуда взяли переводчики этот самый крик? Видимо, из собственной педагогической практики с применением розог, но не из еврейского, греческого или славянского, это точно» [Там же].

Очевидно, что ключом к пониманию оставленного царем Соломоном наказа служит слово *надежда* – одно из главных понятий нашей культуры, которое все чаще оказывается предметом исследований [2]. Для толкования вложенного в него смысла нам необходимо обратиться к оригиналу. Из многочисленных древнееврейских слов, входящих в концепт «надежда», Соломон выбрал *tiqvah* [3]. Это существительное скорее всего произошло от глагола *qavah* «скручивать, растягивать, терпеть, ждать» и, в зависимости от контекста, помимо «надежда», может означать «упование», «ожидание», «шнур», «веревка» [4]. Что же объединяет все эти значения? Для ответа на этот вопрос рассмотрим контекст, в котором это слово впервые было употреблено в Священном Писании.

В книге Иисуса Навина рассказывается о том, как двое еврейских разведчиков были посланы в город Иерихон и там остановились на ночевку в доме блудницы по имени Раав (Иис.Н. 2:18). Царь Иерихонский каким-то образом узнал о них и послал арестовать. Раав удалось направить солдат по ложному следу, а еврейских лазутчиков спрятать в снопах льна. Когда непосредственная опасность миновала, она спустила их из своего окна по веревке (ее дом был в городской стене), но перед тем взяла с них клятву, что «как я сделала вам милость, так и

вы сделаете милость дому отца моего» (Иис.Н. 2:12). Евреи поклялись сделать так, как она сказала, при условии, что к окну, через которое она их спустила, будет привязана червленая веревка *tiqvah*. Эта веревка, которую Раав привязала к своему окну, стала чем-то большим, чем просто отличительным знаком ее дома, по которому штурмующие город евреи могли его узнать. Во-первых, она стала овеществленной верой этой женщины в то, что Бог отдаст город во власть евреям и те сдержат данную ей клятву. А во-вторых, она стала завершением того труда, на который пошла эта женщина для своего спасения. Как сказал апостол Иаков, «подобно и Раав блудница не делами ли оправдалась, приняв соглядатаев и отпустив их другим путем? Ибо, как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва» (Иак.2.25–26). Об этом же говорит и апостол Павел: «Верую Раав блудница, с миром приняв соглядатаев (и проводив их другим путем), не погибла с неверными» (Евр.11:31). Оба этих апостола сочли ее поступок выдающимся примером той важной доктрины, которая представлена словом *tiqvah*: соединение конкретных дел с верою.

Обратим внимание и на то, что червленая веревка, привязанная к окну, была для женщины единственным инструментом спасения. В метафорическом смысле такой веревкой может быть любой предмет, дающий гибнущему, тонущему человеку шанс выжить. В песне В. Высоцкого «Человек за бортом» для погибающего, тонущего человека такой веревкой стал «шлюпочный борт»:

В шлюпочный борт, как в надежду,
Мертвою хваткой вцеплюсь.

Однако сами предметы – веревка, шлюпочный борт и т.д. не являются для гибнущего предметом желания, предметом надежды. Они лишь средство возможного спасения, а предметом упования является Бог. Только он один может помочь человеку спастись, подав ему для этого веревку или другой предмет.

Рассмотрим пример (здесь и далее курсив наш. – А.П.): «И дам ей оттуда виноградники ее и долину Ахор, в преддверие надежды (*tiqvah*); и она будет петь там, как во дни юности своей и как в день выхода своего из земли Египетской» (Ос. 2:15). В данном стихе речь идет о том, что Бог даст Израилю виноградники (образ разнообразных благ) и вернет ему свою милость, как это было после суда над Аханом, который совершился в долине Ахор.

Древнееврейское слово *Ахор* означает бурлящие, коварные сокрушающие воды, место ужаса и страха, смертельной опасности. Таким образом, Бог обещает бросить народу Израиля спасательный трос, канат – единственное спасение от неминуемой гибели. Условием этого спасения является та же тесная, как пуповина, связь с ним, доверие

к нему. Очевидно, по этой причине «пуповина» является еще одним значением слова *надежда* (*tiqvah*). «Пуповина» – не просто связь, а такая, крепче которой ничего не может быть. Она обозначает такие отношения, которые естественны для обеих сторон, потому что основаны на любви, взаимном доверии и уважении.

Таким образом, слово *надежда* (*tiqvah*), употребленное мудрым Соломоном в притче, имеет несколько взаимосвязанных значений, важных для интерпретации стиха о воспитании. Прежде всего, это связь, которую можно сравнить с веревкой-канатом. Она появляется не сама по себе, а устанавливается вследствие дерзновенного, основанного на доверии поступка. В отличие от уз, эта связь добровольная и взаимная. Качество этой связи передается ее сравнением с «пуповиной». По нашему мнению, в притче Соломона *надежда* – это необходимое условие, при котором наказание может принести пользу. Если эта связь между родителем и ребенком существует, то каким бы суровым ни было наказание, он не ожесточится и не обидится, потому что знает, что ему желают добра и наказывают ради его же блага. Такая же связь должна существовать в отношениях между учителем и учеником, начальником и подчиненным, врачом и пациентом и т.д. Если наше предположение верно, то премудрый Соломон призывает родителей воспитывать, «исправлять сына», пока связующая их пуповина любви и доверия не оборвалась. В противном случае попытки «исправить» принесут не пользу, а вред.

Литература

1. Десницкий А.С. Соломон, его переводчики и розги. Журнал Фома. 2013.
2. Кругликова Е.А. Диахронные и синхронные описания концепта «надежда» в русском языке. Кандидат. дисс. Красноярск, 2004.
3. Keri Wyatt Kent. Deeper into the Word: Old Testament: Reflections on 100 Words from the Old Testament, 2012.
4. The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon. Hendrickson publishers. USA, 2010. P. 875.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Иностранные лексиконы по обиходному языку в Московской Руси

© О. В. НИКИТИН,
доктор филологических наук

В статье излагаются факты изучения иностранных словарей и разговорников как источников по истории русского языка. Отмечается также роль Б.А. Ларина в становлении нового направления в отечественной русистике и его школы в популяризации этих данных. Приводятся интересные свидетельства из лексиконов того времени.

Ключевые слова: иностранные лексиконы, разговорники, лексика, обиходный язык, лексикографическая теория и практика.

The article presents the facts of the study of foreign dictionaries and phrase books as sources for the history of the Russian language. Also mentioned the role of B.A. Larin in the development of a new direction in the domestic Russian studies and his school in the popularization of these data. Interesting examples from the lexicons of that time are represented.

Key words: foreign lexicons, phrasebooks, vocabulary, everyday language, lexicographic theory and practice.

В последние десятилетия возрос интерес к изучению такого редкого типа источников по истории русского языка, как иностранные

лексиконы, учебные руководства и другие аналогичные труды. Научная работа по исследованию этих документов началась в 1930-е годы, когда Б.А. Ларин издал так называемый «Парижский словарь московитов» [1] и «Русскую грамматику» Лудольфа [2]. Это были первые «ласточки», по сути, нового направления в отечественном языкознании, которое ставило своей задачей не только найти и обнародовать подобные источники, но и сделать их достоянием научной мысли, ввести в теорию и историю языкознания ценнейшие материалы по разговорному или, как его называл Б.А. Ларин, *обиходному* языку Московской Руси эпохи Средневековья. В апреле 1947 года он защитил по данной проблематике докторскую диссертацию, которая называлась «Три иностранных источника по истории русского языка XVI–XVII вв.», «в которой сделал принципиально важные выводы методологического характера о том, что более существенной и определяющей основой национального языка является разговорная речь в отличие от традиционного книжно-славянского языка» [3. С. 139].

Б.А. Ларину многие возражали, и уже было началась новая чистка «контрабандистов в языкознании»: «В 1949 году в ходе агрессивной кампании марристов, в соответствии с тогдашними идеологическими условиями (борьба с космополитизмом), Ларин подвергался “проработкам” за исследование зарубежных источников; это отложило публикацию книги о Джемсе на 11 лет» [4]. Ему стоило немалого мужества отстоять свою позицию, доказать «неполитический» характер своих филологических интересов, включить уникальные факты из прошлой истории языка в учебники и словари. Кстати, последнее детище Б.А. Ларина, работа над которым продолжается его учениками, – «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» [5] – стал выходить только с 2004 года и в полной мере использует новые данные из иностранных лексиконов.

Начиная с 1930-х годов в стенах тогда Ленинградского университета начинает формироваться лексикографическая школа, а дело Учителя – открытие иностранных источников – получает свое продолжение в работе Межкафедрального словарного кабинета имени Б.А. Ларина филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, который объединил усилия и вузовских, и академических работников по выпуску разного типа словарей, монографий и исследований в области традиционной славистики и особенно истории русского языка.

В течение многих лет руководителем Межкафедрального словарного кабинета была преданная ученица Б.А. Ларина О.С. Мжельская (1925–2011). Именно она своей монографией «Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка)» [6] придала

новый импульс идеям Б.А. Ларина в области изучения указанных источников и рассмотрела во многом новый лексико-фразеологический материал, представленный одиннадцатую разговорниками данного периода, написанными иностранцами в качестве руководств для овладения русским языком европейскими купцами, дипломатами, путешественниками.

Данный период играет очень важную роль в становлении образования в Московской Руси. О.С. Мжельская замечала: «В это время возрастает интерес к изучению иностранцами русского языка, а русскими людьми – иностранных языков. У регулярно посещавших Московскую Русь или живущих на Руси иностранных купцов, путешественников, дипломатов, религиозных деятелей, администраторов порубежных городов русский язык входит в активное употребление, и это находит свое отражение в подготовке иностранцами значительного числа разного рода пособий для изучения обиходного русского языка» [Там же. С. 4].

Чем же примечательны такие разговорники? Во-первых, это их диалогичность, позволяющая как бы проследить ход развития бытового «сюжета»: приход гостей, прием пищи, общение хозяина со слугой и др. Это очень ярко показано у Лудольфа: «Вчера он от нова города приехал... Поставь штекан на стол... Он за город пошел» [7].

Второе: в них нашли отражение интересные и часто неизвестные местные слова. Например, в Словаре-дневнике Ричарда Джемса зафиксированы такие показательные моменты: *повалуша*, *охабенек*, *потыльник*, *чирёмха* (так!), *настиляльник*, *топервой* (=теперь) и мн. др. [8].

В них можно найти также и наименования деловых документов. О.С. Мжельская, например, отмечает, что в подобных руководствах, составленных на Северо-Западе, отмечаются термины *жалобница*, *челобитная*, *духовная грамота*, *проезжая грамота*, *опасная грамота*, *список*, *отпись*, *память* и др. [6. С. 88], фрагменты формуляров и образцов деловых писем, сведения о военной лексике [Там же. С. 89–90]. Характерна также передача составителями социальной стилистики лиц, с которыми приходилось общаться вроде *атаманишко*, *вотчишишка*, *крестьянишко*, *людишки*, *старостишко* и др. В разговорниках отмечаются и просторечно-обиходные фразеологизмы, уже тогда закрепленные в стандартизированной форме, например: *бродить меж двор* – не иметь постоянного места жительства, *живот мучить* – страдать, испытывать муки, *отбыть ума своего*, *рушиться умом*, *сбрести с ума своего* – потерять рассудок, сойти с ума [Там же. С. 91].

У истоков этой исключительно важной темы, как мы писали, стоял Б.А. Ларин, который впервые научно обоснованно заявил о ценности таких работ для понимания языковой картины средневекового русского мира. Лексиконы – особое коммуникативное антропологическое

пространство, в котором пересекаются пути разных словесных культур и традиций, социальных и духовных слоев общества, бытовой и сакральной стихий – словом, практически вся палитра средневековой словесности, ориентированной прежде всего на устное общение и отражение этнокультуры [9; 10]. А значит, краски живого народного языка в них сохранились в наиболее точных формах и выражениях.

Работа по изучению иностранных лексиконов продолжается и сейчас. Изданы многие интересные, редкие труды, уже получившие всемирное признание и вошедшие в копилку мировой лексикографической теории и практики. Особенно ценны словари, отражающие славянскую лексикографию. Таковы, например, «Словарь простонародного русского языка» Марка Ридли [11] и «Lexicon Slavonicum» Юхана Габриеля Спарвенфельда [12] – последние по времени издания капитальные труды путешественников и дипломатов, изучавших быт и культуру русского народа и создавших оригинальные авторские тезаурусы.

Когда-то академик Д.С. Лихачев назвал Б.А. Ларина «самым образованным лингвистом нашего времени» [13]. И пояснил далее: «Образованность – это не просто обилие знаний, а знания в определенной культурно-исторической системе» [Там же]. Так вот эта система знаний круга Б.А. Ларина – его учеников, соратников, коллег – во многом определила ход развития отечественной исторической русистики, не канувшей в Лету в период «модернизации» и переворотов в науке, а продолжающей великую традицию отцов русской филологии XIX–XX веков с ее незабываемыми постулатами – цельностью, энциклопедичностью, строгостью методологии, открытостью научному поиску. И новое направление в лингвистике 20-го столетия, открытое Б.А. Лариным, доказало не только свою практичность, но и отлично вписалось в лексикографическую практику XXI века, по сути своей, обнимая благодатную сферу филологии – лингвистическое отечественоведение [14]. Подобно тому как в Древней Руси азбуковники были проводниками в мир книжной культуры, иностранные разговорники и словари открывали дорогу в стихию купеческого посада, деловой жизни, превращались в «энциклопедию русской деревни».

Литература

1. Парижский словарь русского языка 1586 г. (Исследование об авторе словаря) // Советское языкознание. Л., 1936. Т. II. С. 65–91.
2. Русская грамматика Лудольфа 1696 г. Л., 1937.
3. Словарь русского языка XI–XVII вв. Справочный выпуск. М., 2001.

4. Борис Александрович Ларин // [Электронный ресурс]: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
5. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. Вып. 1 / Под ред. О. С. Мжельской. СПб., 2004.
6. Мжельская О.С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского языка). СПб., 2003.
7. Генрих Вильгельм Лудольф. Русская грамматика. Оксфорд, 1696 / Переиздание, перевод, вступит. статья Б.А. Ларина // Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
8. Словарь-дневник в Записной книжке Ричарда Джемса (1618–1619 гг.) // Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI–XVII веков. СПб., 2002.
9. Никитин О.В. Проблемы этнолингвистического изучения памятников деловой письменности: Монография. М., 2000.
10. Никитин О.В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников севернорусских монастырей XVIII века). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2000.
11. A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue, Attributed to Mark Ridley / Edited from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introduction de G. Stone. Köln etc., 1996.
12. Sparwenfeld J.G. Lexicon Slavonicum / Ed. By U. Birgegard. Vol. I–IV, Index. Uppsala, 1987–1992.
13. Лихачев Д.С. О Борисе Александровиче Ларине // [Электронный ресурс]: <http://www.ruthenia.ru/apr/textes/larin/bio.htm>
14. Этот термин обозначен в книге: Лингвистическое отечествоведение: Коллективная монография. Елец, 2001. Т. 1.

Московский государственный областной университет

Екатерина II и «Сравнительные словари всех языков и наречий»

© А.Д. ИВИНСКИЙ,
кандидат филологических наук

В статье представлены «Сравнительные словари всех языков и наречий» (1787–1789) Екатерины II. Именно императрице принадлежит сама идея издания, она долго работала над составлением списка слов, который и стал первым вариантом «Словарей». Они рассматриваются в контексте филологических трудов императрицы.

Ключевые слова: Екатерина Великая, филологические труды императрицы, Паллас.

The article is devoted to Catherine II's «Comparative Vocabularies of all languages and dialects» (1787–1789). It was Empress's idea to publish this work, she worked on compiling the list of words, which became «Dictionaries» first version. It's described in the context of the philological works of the Empress.

Key words: Catherine the Great, philological works of the Empress, Pallas.

В 1787 году были напечатаны «Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Всевысочайшей особы. Отделение первое, содержащее в себе европейские и азиатские языки. Часть первая». Вторая часть этого издания вышла в 1789 году. Исследователи неоднократно обращались к этому тексту [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Однако до сих пор продолжают дискуссии о роли императрицы Екатерины II в его публикации. Можно констатировать, что оформилось два направления в изучении темы: одни ученые отказывают императрице

в авторстве «Словарей», выдвигая на первый план П.С. Палласа; другие, напротив, приписывают этот научный труд императрице. Остановаемся на нескольких наиболее показательных, с нашей точки зрения, работах.

Н.В. Бойко и Н.К. Ткачева назвали «Словари» «переводом» «фундаментального труда П.С. Палласа» [7. С. 8]. Исследователи либо не заметили, либо проигнорировали очевидное противоречие: «Словари» собраны «десницею Всевысочайшей особы Екатерины II» и при этом якобы являются «переводом». Говоря о «Словарях», проигнорировал Екатерину II и В.М. Алпатов; по его мнению, это издание Палласа: «В 1786–1791 гг. в Петербурге вышел четырехтомный словарь русско-немецкого путешественника и естествоиспытателя П.С. Палласа, включавший материал 276 языков» [8. С. 52]. А. Фаловски писал, что «⟨...⟩ у нас есть все основания полагать, что роль Екатерины II в возникновении вопросника не была столь значительной, как было принято считать до сих пор» [9. С. 22]. О.А. Волошина опубликовала статью с показательным для нашей темы названием «“Сравнительный словарь всех языков” Петра Симона Палласа» [10. С. 354–361]. По ее мнению, «знаменитый труд Палласа внес достойный вклад в становление российского языкознания». Именно он «составил и разослал по губерниям России, в Европу и Америку новую программу по собиранию слов и образцов разных языков». Это на «его воззвание откликнулись российские губернаторы, посланники, путешественники, а также иностранные ученые». Более того, «лингвистический материал удалось структурировать по предложенной Палласом схеме». Екатерина имела «полное доверие к его выдающимся способностям» [Там же] и возложила на него задачу по составлению «Словаря». Таким образом, в концепциях этих ученых места Екатерине нет. Паллас и автор идеи, и собиратель материала, и редактор издания.

Иначе на эту проблему смотрел, например, В. Томсен. С его точки зрения, главную роль в сборе материала и его издании сыграла именно Екатерина II, которая еще в молодости обратилась к лингвистике: «⟨...⟩ поворотный пункт всего более раннего периода в истории нашей науки характеризуется возникновением больших многоязычных словарей, которые печатались в конце XVIII и в начале XIX в. и целью которых было дать ⟨...⟩ всеохватывающую обработку и пополнение всего уже известного материала. Первый из этих словарей обязан своим изданием русской императрице Екатерине II, которая, будучи еще великой княжной, интересовалась составлением универсального глоссария. Она сама составляла списки слов, которые должны были переводиться на всевозможные языки и рассылала эти списки не только по России, но также и в другие страны русским посланникам и ученым других стран, чтобы перевести их на возможно большее

число языков» [11. С. 45–46]. Особо стоит отметить и работу М.Р. Кей, которая высоко оценила вклад Екатерины в мировую науку [12].

К. Шарф также остановился на вопросе о роли Екатерины в этом деле и, как представляется, точно расставил акценты: Паллас – «ассистент и эксперт», которого выбрала Екатерина. Он исполнитель, который «от поручения отказаться (...) не мог, а расположить материал по своему усмотрению ему дозволено не было» [13. С. 250]. При этом, однако, некоторые суждения Шарфа вряд ли могут быть приняты безоговорочно. Например, исследователь утверждал, что «оба именитых автора относились к плоду своей деятельности без особой страсти». На каком основании он сделал такой вывод, не очень ясно. Так или иначе далее Шарф утверждал, что Паллас «испытывал давление со стороны *нетерпеливой* (курсив мой. – А.И.) Екатерины» [Там же]. Казалось бы, «нетерпение» императрицы – свидетельство ее заинтересованности в этом труде. Это не единственное противоречие в работе Шарфа. Он отметил, что «публикация большей части собранного материала создает *видимость* (курсив мой. – А.И.) успешного окончания предприятия (...) но (...) финал проекта получился куда менее величественным» [Там же. С. 259]. И далее: «Сотрудничество императрицы и Палласа пережило все расхождения во мнениях (...) и привело предприятие к достойному концу» [Там же. С. 262]. Хотелось бы понять, чем «окончание» проекта отличается от его «финала» и каково же оно: лишь по видимости успешное, неуспешное или достойное.

В такой ситуации важно понять, почему сосуществуют диаметрально противоположные оценки екатерининского вклада в лингвистику? Здесь ограничимся несколькими осторожными предположениями.

Во-первых, филологическому наследию Екатерины не повезло. Шестой том Собрания сочинений Екатерины II, подготовленного Я.Л. Барсковым и А.Н. Пыпиным [14], как известно, не был издан. Однако материал для него был собран и в настоящее время находится в фонде Я.Л. Барскова в РГБ [15; об этом см. подробнее: [16]. Так, в частности, ученый планировал напечатать два екатерининских текста: «I. Автограф, содержащий, по-видимому, первую концепцию “Сравнительных словарей”. По этому наброску, под влиянием “Mondeprimitive” [17], пошла, кажется, вся дальнейшая работа (...) II. Автограф, содержащий детальную разработку первых 54 слов (Бог – огонь) (...)» [16. С. 111]. Итак, Барсков обнаружил, что первая концепция издания была написана Екатериной II собственноручно.

Во втором пункте барсковского текста имеется в виду ключевой текст для нашей темы – хранящиеся в РГАДА «Отрывки Всеобщего Словаря Екатерины II» [18]. Это рукопись Екатерины II, объемом в 98 листов, представляющая собой проработку 54 слов, которые в дальнейшем станут основой «Словарей». Таким образом, мы не можем

утверждать, что идея структуры словарного текста принадлежит Палласу. Наоборот, есть серьезные основания утверждать, что последовательность была прямо противоположная: идея Екатерины – редактора и доработка Палласа, а может быть, и кого-то еще, о ком мы пока не знаем. Кроме того, отметим еще одно существенное обстоятельство: в рукописи императрицы (л. 2) говорится: «Послать к Булгакову реестр русских слов с тем чтобы посредством Александрийского и Иерусалимского патриарха старался получить Ефиопские и Абиссинские слова, написав погречески выговор оных» [Там же]. Так что, не Паллас, а Екатерина ведет проект, по крайней мере, на раннем этапе.

Во-вторых, в XIX–XX веках было принято с более или менее откровенным пренебрежением относиться к «псевдонаучным» исканиям галантного века – и труды Екатерины здесь, конечно, не могли стать исключением. «Обычно профессиональных лингвистов мало занимает тот вклад, который внесла в лингвистическую теорию европейская традиция более раннего времени; они увлечены совсем иной тематикой и работают в интеллектуальной атмосфере, невосприимчивой как к проблемам, стимулировавшим языковедческие исследования в прошлом, так и к добытым ранее результатам. Указанный вклад по большей части неизвестен современным лингвистам, а если они и знакомы с ним, то смотрят на него с нескрываемым презрением. Для многочисленных современных трудов по истории языкознания типична следующая позиция: “Все, что предшествует XIX в., еще не лингвистика и может быть описано в нескольких строках”» [19. С. 18–19]. Огромный вклад в дело «реабилитации» лингвистики XVIII века внесли Сильвен Ору и его единомышленники из лаборатории «Истории лингвистических теорий» в Париже [20. С. 5–21].

В-третьих, биографическая легенда подменила научный анализ. Из работы в работу кочует одно и то же утверждение, почерпнутое из переписки Екатерины с Циммерманом: императрица занялась «этимологией», чтобы утешиться после смерти фаворита А.Д. Ланского. Биографы тем самым подчеркивают «мимолетный», «поверхностный» интерес Екатерины к этим проблемам: «Мысль о составлении общесравнительного словаря с особенною живостью возобновилась в уме императрицы в такую эпоху, когда глубокая печаль заставляла ее искать развлечения в каком-нибудь новом и постоянном занятии. Это было летом 1784 года, после смерти А.Д. Ланского. Она решилась сама приступить к собиранию материалов для подобного глоссария. Вот собственный ее рассказ о зарождении самого предприятия – из письма ее к доктору Циммерману от 9 мая 1785 г.: “Ваше письмо извлекло меня из уединения, в котором я провела девять месяцев почти взаперти и из которого мне трудно было выйти. Вы никак не догадаетесь, чем я в это время занималась; для курьеза расскажу вам о том.

Я составила список от двух до трех сот коренных русских слов и дала их перевести на столько языков и наречий, сколько могла отыскать и число которых теперь переходит уже за вторую сотню ⟨...⟩» [21. С. 292].

Однако лингвистические вопросы начали интересовать Екатерину еще в то время, когда она была Великой княгиней [Там же]. В 1760-е годы она активно читала научную литературу. Об этом свидетельствует, например, ее «Заметка о книгах, которые следует перевести на русский язык». В этом тексте упомянуто около десяти лингвистических работ: «Dictionnaire de Boudot; Grand Dictionnaire latin d'Étienne; Thesaurus Eruditionis scholastica de Haber; Grammaire de Clenard redigée par Vossius; ⟨...⟩ Grammaire de Port Royale; Grammaire d'Antisignanus; Dictionnaire de Scapala; Grand Dictionnaire grec d'Étienne» [22. Л. 1]. Некоторые соображения о датировке «Заметки» можно высказать, опираясь на ее текст: в списке находится «Велизарий» Мармонтеля [Там же. Л. 4], переведенный императрицей и ее приближенными в 1767 году во время путешествия по Волге и напечатанный в 1768 году: из этого следует, что заметка не могла быть написана позднее первой половины 1767 года.

Принципиально важно также то, что императрица предложила и совершенно иное объяснение того, почему она решила начать работу над «Сравнительным словарем всех языков». К этой идее Екатерина пришла в ходе своих занятий по изучению древнерусских рукописей: «Слово “Зеница”, найденное мною в стариной одной Азбуке, подало случаю ко многоязычному словарю, а вот как “Зеница – зрение” в начале имеет те же литеры, с которых начинается слово “зрение” на разных языках, из чего вышло испытание иных многих слов, имеющие одинакие литеры начальные, следовательно, начало одно, а как приложить к тому переход литеры одново класа, едва ли не найдется ли устройство всех языков, исходящих из единого начального, начальной же сей язык во всех языках» [18. Л. 3 об.].

Но дело не только в этом. Екатерининская лингвистика не может быть понята вне контекста ее исторических и литературных трудов. Один из главных – журнал «Собеседник любителей российской словесности», в котором она опубликовала свои «Записки касательно российской истории» и «Были и небылицы». В неопубликованной части «Былей» императрица обратилась к проблеме культурного статуса русского языка. Она подчеркивала его богатство и древность, которые ничем не уступают любому европейскому языку: «Славяне, победа весь свет, не единожды разнесли язык свой повсюду. Удивительно лишь только то, что были времена такие, в кои нас уверяли и мы уверены были, что в богатейшем и пространнейшем в свете языке нашем не находится слов для написания письма и заимствовали непрестанно из иностранных языков, даже до мелочных званий разных вещей» [23. С. 50].

Кроме того, из писем к Ф.М. Гримму 1783–1784 гг. мы знаем, что Екатерина активно занималась «этимологией»: «... Знайте, что мы теперь

заняты самыми странными разысканиями о древних славянах и что все имена, которые ничего не значат во всяком другом языке, имеют свои прекрасные значения на славянском; например, Ludwig, lud значит люди, dwig – идти (aller), это как бы: двигать, приводить в движение людей; Ramir или Radmir значит радующийся миру: Rad – радующийся, mir – мир (...) Я велела (...) достать мне словари, какие только я могла найти, между прочим финский, черемисский, вотяцкий, и этим наполнены все мои столы; кроме того, я собрала много сведений о древних славянах, и скоро я буду в состоянии показать, то они дали имена большей части рек, гор, долин, округов и стран Франции, Испании, Шотландии и других мест» [цит. по: 14]. Такого рода упражнениям Екатерина уделяла много времени, не уставая рассуждать о пользе сравнительного изучения языков и открывая все новые «соответствия» между «славянским» и языками романо-германской группы.

Поиск корней слов, желание понять значение слова путем сравнительного анализа языков – вот что интересовало Екатерину. Она полагала, что славянский язык является «материнским языком» всех других европейских языков. Филология у Екатерины фактически смыкалась с историей и политикой, причем образу истории, базировавшемуся на «этимологии», приписывалось важное общественное значение: он должен был служить двум взаимосвязанным целям – патриотическому воспитанию юношества и прославлению государства [24].

Не подлежит сомнению, что Екатерина II занималась «этимологией» на протяжении многих лет и даже десятилетий, и эти ее занятия были тесно связаны с ее постоянным интересом к истории. Далее, с учетом современного состояния источников, мы вправе утверждать, что именно ей принадлежит сама идея издания «Словарей» и что она много работала над составлением списка слов, который и стал их первым вариантом. Следовательно, у нас нет оснований ставить под сомнение прямое указание издателей словаря на ее авторство. В то же время роль Палласа в словарном труде приходится признать неочевидной или, во всяком случае, не проясненной в достаточной мере.

Литература

1. *Соболевский С.* Филологические занятия Екатерины II // Русский архив. М., 1869. Вып. 12.
2. *Маракуев В.* Петр Симон Паллас, его жизнь, ученые труды и путешествия. М., 1877.
3. *Круглый А.* Еще о филологических занятиях Екатерины Великой // Русский архив. М., 1879.
4. *Кенпен Ф.П.* Ученые труды П.С. Палласа. СПб., 1895.
5. *Булич С.К.* Очерк истории языкознания в России. СПб., 1904. Т. 1.
6. *Вомперский В.П.* Словари XVIII века. М., 1986.

7. *Бойко Н.В., Ткачева Н.К.* Петр Симон Паллас на русском языке // Петр Симон Паллас. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства. М., 1999.
8. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений. М., 2005.
9. *Фаловски А.* Славянские материалы в многоязычных европейских лексиконах XVIII века // Е.Р. Дашкова и XVIII век. От Российской империи к современной цивилизации. М., 2010.
10. *Волошина О.А.* «Сравнительный словарь всех языков» Петра Симона Палласа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2012. С. 354–361.
11. *Томсен В.* История языковедения до конца XIX в. (Краткий обзор основных моментов). М., 1938.
12. *Key M.R.* Catherine The Great's Linguistic Contribution. Edmonton, 1980.
13. *Шарф К.* Екатерина II, Германия и немцы. М., 2015.
14. *Екатерина II.* Сочинения, на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями А.Н. Пыпина. СПб., 1901–1907. Т. 1–5, 7–12.
15. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 16, к. 8, ед. хр. 2.
16. *Ивинский А.Д.* К истории собрания сочинений Екатерины II: почему не был издан шестой том // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. М., 2014. С. 106–125.
17. *Court de Gebelin A.* Le mondeprimitif. P., 1773–1782.
18. Российский государственный архив древних актов. Ф. 10. Оп. 1. № 382.
19. *Хомский Н.* Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли. М., 2005.
20. *Бокадорова Н.Ю.* Сильвен Ору и современная французская школа истории и эпистемологии наук о языке // Ору С. История. Эпистемология. Язык. М., 2000.
21. *Грот Я.К.* Сотрудничество Екатерины II в «Собеседнике» кн. Дашковой // Грот Я.К. Труды. СПб., 1901. Т. 4.
22. Заметка, писанная Екатериной II, о книгах, которые следует перевести на русский язык // РГАДА. Ф. 10. Оп. 1. № 427.
23. *Пекарский П.* Материалы для истории журнальной и литературной деятельности Екатерины II // Записки императорской Академии наук. СПб., 1863. Т. 3.
24. *Ивинский А.Д.* Литературная политика Екатерины II: «Собеседник любителей российского слова». М., 2012.

Прасковья

© О.Л. ДОВГИЙ,

кандидат филологических наук

Статья представляет собой первую часть материала об истории существования в русской поэзии трех имен: *Прасковья, Полина, Параша*. Эта часть – об имени *Прасковья*.

Ключевые слова: женские имена в русской поэзии, семантический ореол имени, Прасковья, Полина, Параша.

The article being the first part of the material concerning the existence of three interrelated names (Praskovya, Polina, Parasha) in Russian poetry, is dedicated to Praskovya.

Key Words: female Names in Russian Poetry, Name Semantisc, Praskovya, Polina, Parasha.

Три женских имени *Прасковья, Полина, Параша* равноправно существуют в жизни и литературе. Каждое из них обладает собственным семантическим ореолом – именно он и станет предметом нашего исследования.

Основным в этой группе является имя *Прасковья*, так как только оно существует в православных святцах. С него и начнем.

Прасковья (Параскева, Параскива, Парашкева, Парасковия) – греческое имя, означающее «день отдохновения» или «страстная пятница», связано с великомученицей Параскевой Пятницей. Предание о Параскеве говорит, что ее родители-христиане, долгое время не имевшие детей, молились Господу о чадородии, особенно посвящали посту и молитве пятничные дни. Вымоленная девочка родилась в пятницу и получила имя *Параскева*. Подростая Параскева Пятница приняла обет безбрачия и стала одной из ранних монахинь. За верность

христианской вере она приняла мученическую смерть. Святая Параскева – покровительница полей и скота, целительница людей от самых тяжелых душевных и телесных недугов, защитница семьи и деторождения. Русские крестьянки даже называли Параскеву «бабьей святой».

Имя значитесь среди царских: так звали жену и дочь царя Иоанна V. Прасковьей Илларионовной от рождения звалась и невеста Петра Первого. Чтобы два соправителя не оказались женатыми на Прасковьях, при бракосочетании ее имя было изменено на Евдокию. Дополнительной причиной смены имени было его «неблагозвучие». Больше в доме Романовых имя не встречается [1].

В XVIII веке в России имя было популярно в высшем свете: так называли дочерей вельможи – поэзия сохранила их имена в посвящениях и заглавиях, хотя в самих текстах стихов имя практически не встречается («Стихи на кончину фельдмаршала графа И.П. Салтыкова» 1805 г. И.И. Дмитриева, где в посвящении значитесь «Прасковья Ивановна Мятлева»; послание В.А. Жуковского «К Варваре Павловне Ушаковой и гр. Прасковье Александровне Хилковой», 1818). Постепенно оно переходит в разряд устаревших и утрачивает популярность.

Для А.С. Пушкина имя *Прасковья*, с его пятничной семантикой [2], было важным и значимым. Достаточно вспомнить добрую знакомую поэта Прасковью Александровну Осипову. Считается, что «старушка Ларина» получила имя в ее честь [3]. Видимо, Пушкин чувствовал в этом имени какой-то старинный ореол, для усиления которого наряду с формой *Прасковья*, часто употреблял в письмах более торжественный и «затрудненный» вариант *Парасковья*: «Пиши мне: Ее высокородию Парасковье Александровне Осиповой, в Опочку, в село Тригорское, для дост. А.С. и все тут...» (П.А. Вяземскому, 29 ноября 1824); «...в Малинниках... живет управитель Парасковии Александровны, Рейхман ...» (Н.Н. Пушкиной, 21 августа 1833).

Эту торжественную форму он выбирает (явно не без иронии) для 16-летней дочери Вяземского – вероятно, чтобы сильнее устыдить жену: «Не только тебе, но и Парасковье Петровне легко за собою приучить бегать холостых шаромыжников; стоит разгласить, что-де я большая охотница...» (Н.Н. Пушкиной 30 октября 1833). Запомним, что княжна Прасковья Петровна Вяземская умерла в возрасте 18 лет.

С именем *Прасковья* прочно связана семантика материнства. Прасковья Александровна Осипова для Пушкина – своего рода архетип, образец матери; этим именем он называет мать Татьяны и Ольги в «Онегине» (кроме «старушки Лариной», в «Онегине» есть еще одна Прасковья; о ней речь впереди); мать Маши в повести «Метель» (Прасковья Петровна). В «Романе на Кавказских водах» среди действующих

лиц «старая дама» Парасковья Ивановна Поводова. Парасковьей Степановой зовут и мать героини романа Загоскина «Рославлев».

Имя – и без того длинное – часто требовало отчества, так как употреблялось для обозначения зрелых дам, пользующихся влиянием в свете; например, у Грибоедова: «К Парасковье Федоровне в дом/Во вторник зван я на форели...». Уже одно произнесение имени должно вызывать трепет. В «Горе от ума» это имя носила и сестра Фамусова («...мне и сестре Парасковье/ Двоих арапченков на ярмарке достал...»). Наличие в «Онегине» и «Горе от ума» двух носительниц имени – свидетельство его популярности, причем именно в среде московского дворянства.

В «Песнях западных славян» песня «Влах в Венеции» начинается фразой: «Как покинула меня Парасковья...» – и это начало всех бедствий героя. Семантика страданий, мук (как самой Парасковьи, так и причиненных ею) – важная составляющая ореола имени.

Имя настолько «серьезно», что трудно удержаться от искушения снизить его; В.А. Жуковский избирает его для пародии: в сатирической поэме «Война мышей и лягушек» (1831) *Парасковьей* он называет царицу мышей: «...царицу Парасковью/Чуть успели в нору уволочь за задние лапки...».

Итак, уже первый взгляд позволяет увидеть, что имя Парасковья относится к числу «торжественных» имен, связанных с семантикой семьи, материнства, светских приличий; смерть тоже присутствует в венке значений имени. Парасковья либо умирает молодой (в этом случае – как мы увидим дальше, для нее есть другие формы имени), либо становится почтенной матерью семейства.

XIX век нечасто употребляет в поэзии это медленное, трудно идущее в рифму, «амфибрахическое» имя. Для подбора рифмы требовалось поставить имя в косвенные падежи: «Парасковью» – «писывала кровью» (Пушкин).

Среди известных носительниц имени – Парасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова графиня Шереметева, Парасковья Егоровна Анненкова. Но в литературу они вошли под именами *Параша Жемчуговой* и *Полины Гебль* – поэтому о них речь пойдет соответственно в статьях «Параша» и «Полина»

В конце XIX века имя постепенно начинает появляться в поэзии; сохраняя уже знакомую нам семантику смерти, любви (часто жертвенной материнской) и зрелого возраста; а то и старости. Выбивается из этой традиции залихватская песня Н. Некрасова, исполняемая «в кабаке за полуштофом» (1866): «Нутко! Марья у Зиновья, / У Никитишны Парасковья, / Степанида у Петра – / Все невесты, всем пора!».

В поэме К. Случевского «В снегах» (1860–1878) дан подробный рассказ о судьбе старухи Парасковьи, построенный по схеме православного

жития: грех в молодости (кровосмешение с братом); и вся дальнейшая жизнь – стремление тяжелым трудом, странствиями по монастырям, молитвами смыть этот грех. Грешница становится праведницей. Она много повидала: «Ну, а Прасковья, напротив того, / Видела, ведала много всего. / Всяких епископов, митрополитов, / Схимников разных прославленных скитов, / С мертвыми главами на власяницах, – / Знала Прасковья и видела в лицах...». Ее рассказы открывают герою поэмы Андрею богатство мира, и в первую очередь – мира христианских святых: «Ну и была тут Прасковья готова / Все объяснять хорошо и толково! / Тут она ясно, как день, излагала, / Не говорила ему, – а вещала. / Целые книги Четии-Миней / Все наизусть были ведомы ей. / Речи Прасковьи уверенны были: / Ею пророки, отцы говорили! / В сердце Андрея, из глуби сознания, / Мало-помалу взросли очертанья, / И выступали чудесны, велики / Словом Прасковьи рожденные лики / Мучениц славных, церковных святителей, / Светских владык и святых небожителей...». Прасковья своей праведной жизнью и смертью заслужила прощение: «Тело лежало Прасковьи почившей. / И улыбалась она, хоть молчала, / Будто приятное что увидала, / Будто отмену великой печали / Вот-вот, теперь только ей обещали!.. / “Радуйся, радуйся! – Слышит она. – / Бедная грешница, ты – прощена!.. ”».

В стихотворении И. Бунина «Слепой» (1907) тоже развивается мотив греха и покаяния в старости: «И крестится старуха и дрожащей / Рукою ищет грошик заваливший / И жалко плачет, сморщивая брови, / Об окаянной грешнице Прасковье».

В основу поэмы «Песнь о великой Матери» Н. Клюева (1930–31), в которой автор «по зернышку собирал русские тайны», положен рассказ о судьбе матери поэта, звавшейся *Прасковьей*. «Памятовала она несколько тысяч словесных гнезд стихами и полууставно, знала Лебедя и Розу из Шестокрыла, огненные письма протопопа Аввакума и много другого, что потайно осоляет народную душу – слово, сон, молитву, что осолоило и меня до костей, до преисподних глубин моего духа и песни...», – писал о ней поэт [4] и включил в текст поэмы не только имя, но и фамилию матери: «И что у Клюевой Прасковьи / Цветок в тесовом изголовье...». Все это богатство, все сложное переплетение сказаний, легенд, поверий, уходящих корнями в древние времена, призвано рассказать о судьбе русской женщины, ставшей символом России. Героиня поэмы именуется то *Прасковьей* («На петухах легла Прасковья, – / Ей чудилось: у изголовья / Стоит Феодор Стратилат, / Горит топазием наряд...»), то *Парасковьей*: («Еще Федор Парасковьюшку / Не ищи по чисту полюшку!»); «Парасковья дочь отецкая, / На ней скрута не немецкая!»), то *Параскевой* («Запомни, Параскева – / Близка година гнева...»), то *Парашей* («Милый друг, в чувале нашем / Лишь зола да едкий чад, – / Это девушки Параша / Заревой сгоревший

плат!»). В чередовании имен особый смысл: в каждом имени своя ипостась Руси, России, русской женщины; переключка эпох.

Стихотворение М. Исаковского «Враги сожгли родную хату» (1945), положенное на музыку, в исполнении М. Бернеса ставшее одной из самых пронзительных песен о войне, имеет второе – народное – название «Прасковья». Стихотворение построено как обращение солдата, вернувшегося с фронта, к могиле жены, имя которой повторено дважды: «Стоит солдат – и словно комья / Застряли в горле у него. / Сказал солдат: “Встречай, Прасковья, / Героя – мужа своего”...»; «Не осуждай меня, Прасковья, / Что я пришел к тебе такой: / Хотел я выпить за здоровье, А должен пить за упокой...». М. Исаковский родился в деревне, в юности читал в сельском храме Давидовы псалмы по усопшим односельчанам, хорошо знал значение имен святых и для умершей солдатской жены выбрал имя почитаемой на Руси святой великомученицы Параскевы [5]. Выбор имени оказался очень удачным. Богатая символика, связанная со святой Параскевой (все ее страдания, мученическая смерть), оказалась перенесенной на солдатскую жену Прасковью, ставшую – в свою очередь – символом судьбы многих русских женщин.

В стихотворении Д. Кедрина «Мать» имя тоже связано с темой материнской любви и смерти. Старуха Прасковья, провожая сына на войну, пообещала не умереть до его возвращения. И вот – «На третьем году стала смерть у ее изголовья / “Пора! – говорит. – Собирайся на отдых, Прасковья!” / Старуха сказала: “Я рада отдать тебе душу, / Да как я свою материнскую клятву нарушу?”». Финал стихотворения оптимистический – смерть отступает перед материнской любовью: «Ну! – молвила смерть. – Я тут попусту времечко трачу! / Тебе на роду написали, я вижу, удачу. / Ты сыну, не мне, отдала свою душу и тело. / Так вот он стучится. Милуй же его, как хотела».

Стихотворение Юрия Одарченко (1949) вроде бы выбивается из «возрастной» колеи: «Прасковья, Паша, Пашенька! / Живет в высокой башенке. / Вокруг летают голуби / В глубокой синей проруби, / На самой вышке башенки / Скворец поет для Пашеньки, / А в небе облака/Белее молока. / Прасковья, Паша, Пашенька! / Под башней пашут пашенку, / Помахивая хвостиком, / Два очень смирных ослика. / На этой черной пашенке / Взойдут хлеба для Пашеньки. / А сеет те хлеба / Злодей Али-Баба. / Али, Али-Бабашенька! / Не тронь ты нашу Пашеньку. / Над ней в небесной проруби / Белее снега голуби. / Скворец на вышке башенки / Поет о счастье Пашеньки. / Но скисли облака – / Они из молока!». Героиня, скорее всего, молода. Но молодость задана дополнительными именами (*Паша, Пашенька*), несущими отличную от имени *Прасковья* окраску. А все стихотворение выдержано в обычной для этого поэта манере: «Много, много уменьшительных, тоненькая невинная

мелодия. И в каждой сказочке – сквознячок из небытия» [6]. Стихотворение напоминает детскую считалочку, но в то же время и страшилку. Упоминание злодея Али-Бабы, сеящего хлеб (возможно – это метафора будущих бед) для Пашеньки и облаков из скисшего молока (возможно – метафоры обманутых ожиданий) знаменует уже привычную нам семантику печали, предчувствия беды, связанную с именем *Прасковья*.

Поэты XX века нашли немало неординарных рифм к имени *Прасковья* – «здоровье», «зимовье», «изголовье», «Подмосковье» и т.д. В начале XXI века имя появляется в песне группы «Уматурман»: «Девушка Прасковья из Подмосковья / С грустью и тоскою снова одна. / Девушка Прасковья из Подмосковья / За занавескою плачет у окна...» уже как знак некой старомодной экзотики. Отметим принципиально новый семантический поворот: сохраняя уже знакомую нам семантику печали, имя переходит в новый возрастной разряд (*Прасковья* – девушка).

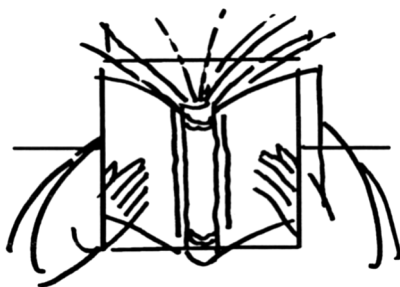
Не исключено, что со временем это «сладкозвучнейшее греческое имя» (А.С. Пушкин) войдет в моду, а затем и в поэзию. И востребованным окажется не только богатый семантический ореол, но и сама затрудненность при выборе рифмы, дающая простор для творческих экспериментов.

Но пока имя все-таки сохраняет семантику зрелости и торжественности. Чтобы выйти из этого возрастного круга, поэзия использовала другие формы имени *Прасковья* – *Параша* и *Полина*.

Литература

1. *Сухарева О.В.* Кто был кто в России от Петра I до Павла I. М., 2005.
2. *Фаустов А.А.* Явление св. Параскевы Пятницы в пушкинских текстах // Девятое Лотмановские чтения: Семиотика и типология устных традиций. Тезисы. М., 2001.
3. *Лотман Ю.М.* Евгений Онегин. Комментарий // Пушкин. СПб., 1995. С. 503.
4. *Клюев Н.* Песнь о Великой Матери / Н. Клюев; предисл. и коммент. В. Шенталинского // Знамя. 1991. № 11. С. 3–44.
5. *Минаков С.* Вино с печалью пополам / Сибирские огни. 2009. №5.
6. *Казак В.* Лексикон русской литературы XX века = Lexikon der russischen Literatur ab 1917 / [пер. с нем.]. М., 1996. С. 49.

МГУ им. М.В. Ломоносова

Солярис и сталкер: имена-призраки

© С.М. БЕЛЯКОВА,

доктор филологических наук

В статье на материале Национального корпуса русского языка рассматривается история прецедентных имен *Солярис* и *сталкер*: их создание, мотивированность, фонетическая и семантическая структура, особенности прагматики. Делается вывод о том, что функционирование данных лексем в русском языке свидетельствует о необходимости уточнения деления лексики на привычные разряды имен собственных и нарицательных.

Ключевые слова: *Солярис, сталкер, имя собственное, имя нарицательное, апелляция, прецедентное имя.*

In article on a material of National corpus of the Russian language considers the history of case names *Solaris* and *Stalker*: their creation, motivation, phonetic and semantic structure, especially pragmatics. The author concludes that the functioning of these lexemes in the Russian language indicates the need to clarify the division of the lexicon at the usual level of proper or common nouns.

Key words: *Solaris, stalker, the proper name, common name, appellative, case name.*

Каждое слово нашего языка по-своему уникально. И если верно известное утверждение о том, что книги имеют свою судьбу, то свою судьбу имеют и слова. В том числе и те, у которых в процессе своего функционирования и развития наблюдаются колебания между двумя важнейшими разрядами лексики – именами собственными и

нарицательными. Переходы, совершаемые на этой грани, давно привлекают внимание лингвистов [1–4]. Однако, на наш взгляд, не все нюансы семантического и прагматического развития такой лексики учтены и описаны. И здесь имеет значение как установление общих закономерностей, так и изучение отдельных слов, обладающих яркой спецификой.

К числу таких уникальных слов можно смело отнести *Солярис* и *сталкер*. Созданные гениями философско-фантастической прозы Станиславом Лемом и братьями Стругацкими, они получили второе рождение в фильмах Андрея Тарковского, что и способствовало их вхождению в русский язык. Их объединяют названные обстоятельства, время возникновения, а также связь с философско-нравственными проблемами человечества. Как писал А. Генис, «главные у Тарковского – люди, попавшие в тиски экстремальной нравственности» [5].

Источником материала при исследовании функционирования названных слов и примеров стал Национальный корпус русского языка (сайт www.ruscorgo.ru), основной и газетный подкорпусы (последняя дата обращения – 26.01.2016).

Первое из рассматриваемых имен, будучи созданным польским писателем, сразу являлось именем собственным (название планеты, а также океана на ней) и восходило к латинскому *solaris* «солнечный». Однако в польском языке оно относилось к категории женского рода, обозначая некую «живородящую» сущность. В некоторых переводах романа на русский язык эта родовая принадлежность сохранялась (причем слово имело графическую форму *Solaris*), но в более известном переводе Д. Брускина было использовано написание *Солярис*, которое и вошло в русский язык (данные Википедии). Можно предположить две причины закрепления именно такого варианта. Во-первых, это существование в русском языке слов *солярный* и *солярный*, делающее рассматриваемую лексему в какой-то мере мотивированной. Во-вторых, форма *Solaris*, как относящаяся к женскому роду, должна была стать в русском языке несклоняемой (ср. испаноязычные *Долорес* или *Мерседес*), что, конечно, было нежелательным. При этом мужской род существительного позволял ассоциировать его скорее с океаном, нежели с планетой.

Дальнейший путь этого слова не был слишком извилистым. В русской лингвокультуре оно остается, прежде всего, названием фильма А. Тарковского, вышедшего на экраны в 1972 году (именно он представлен в наибольшем количестве контекстов), романа С. Лема (1961), а также ленты голливудского кинорежиссера С. Содерберга (2002). Кроме того, существуют театральные спектакли и оперы, написанные на этот сюжет, одна из них была поставлена на Боденском озере. Однако главной для нас остается связка Лем – Тарковский, а само

слово демонстрирует определенный ассоциативный потенциал, позволяющий использовать его в качестве прецедентного имени.

Функционирование прецедентного имени может быть связано с несколькими направлениями. Одно из них – аллюзии в художественных и публицистических текстах. Чаще всего подобные ассоциации возникают при описании моря или песчаных массивов в пустыне (эргов). Например: «И тогда Каспий станет, наверное, первым в мире морем, которое обретет если не разум, как лемовский океан на Солярисе, то, по крайней мере, голос» (А. Иорданский. Каспий зовет на помощь); «Море давно уже превратилось в такой отечественный Солярис, который дает по рукам, а то оторвет их каждому, кто в него бездумно сунется» (А. Файн, Д. Губин. О племени младом и незнакомом); «Иногда среди моря песка возникает странное ощущение – будто барханы живут, дышат, появляется чувство, что эрг наблюдает за тобой, совсем как это делал Солярис в известном романе С. Лема» (А. Подчероб. В сердце Сахары). В формальном отношении это выражается в сравнениях или в словосочетаниях с именем прилагательным, указывающим на принадлежность к социуму (*отечественный Солярис*). С Солярисом сравнивается и биокомпьютер: «Аналоговый биокомпьютер можно сравнить с мыслящим океаном Соляриса в романе С. Лема» (Г. Львов. Компьютер строят биологи). Основанием сравнения можно считать следующие признаки: большая масса (сложное устройство) и разумность.

Второе направление – терминологизация сочетаний с прецедентным именем. Нам встретился лишь один пример подобного использования этого имени: «В психологии даже появился термин – “эффект Соляриса” – относящийся к людям, терзаемым неприятными воспоминаниями» (Н. Лескова. Ластик для памяти).

И еще одно направление – это сфера эргониимии и прагматониимии, где изучаемое слово используется, хоть и не слишком активно. Среди эргонимов отмечены наименования различных торговых компаний, фирм, кафе, парикмахерской, кинотеатра, обсерватории, политического кружка; среди прагматонимов – сорта помидоров, коллекции одежды, автомашины. Здесь особую роль играет благозвучность лексемы, а также литературно-кинематографические ассоциации.

Таким образом, в случае со словом *Солярис* мы видим ряд переходов из одного разряда имен собственных в другие, но апелляции практически не наблюдается.

Слово *сталкер* при несомненном сходстве с уже проанализированным *Солярисом* имеет свои яркие особенности, формальные, семантические и прагматические. Как хорошо известно, слово было создано и впервые употреблено братьями А. и Б. Стругацкими в их фантастической повести «Пикник на обочине» (1972 г.). В тексте повести читаем:

«Так у нас в Хармонте называют отчаянных парней, которые на свой страх и риск проникают в Зону и тащат оттуда все, что им удастся найти. Это настоящая новая профессия». Но его активная жизнь началась после выхода фильма А. Тарковского (1981 г.), где оно, в отличие от повести, становится заглавным. Однако если в повести Стругацких *сталкер* – название профессии и соответственно пишется со строчной буквы, то в сценарии Тарковского это, скорее, имя собственное (наряду с именами других персонажей – *Профессора* и *Писателя*, тоже восходящими к их профессиональной принадлежности).

Обратимся к анализу этой лексемы, начав с ее фонетической структуры, весьма показательной. Слово короткое, «симметричное», построенное почти по закону слогового сингармонизма (если считать сонорные слогаобразующими), с двумя сонорными (что воспринимается носителями русского языка как «красивое»), последний из них – *P* – наиболее «энергичный», звучный, не подверженный оглушению.

Мотивированность и словообразовательная структура слова также заслуживают внимания. Вряд ли во время появления и повести, и фильма носителями русского языка осознавалась его связь с английским глаголом *to stalk* «охотиться, выслеживать». (Скорее всего, сами авторы исходили именно из данного глагола, создавая обозначение особого рода профессии, но прямых доказательств этого нами пока не обнаружено.) Другое дело – современное восприятие, о чем будет сказано далее. Таким образом, нельзя считать это имя существительное мотивированным в системе русского языка. Финальная часть слова восходит к латинскому (а возможно, и более древнему) «суффиксу деятеля» *-er*. Именно такая огласовка (безударная) характерна для многих заимствований последнего времени из английского языка (*менеджер, геймер, фрилансер, программер*) в отличие от более ранних вариантов, пришедших из французского языка, – ударных *-ёр, -ор* (*монтёр, комбайнёр, кредитор*). Таким образом, слово, с одной стороны, выглядит заимствованием (напомним, что действие повести происходит в вымышленной стране, однако имена собственные явно напоминают англо-американскую языковую среду). С другой стороны, оно построено по фонетическим законам, свойственным славянским языкам, и представляется нам благозвучным. (Кстати, звукобуквы *C – Л – P* также сближают анализируемые слова.)

Можно сказать, что слово *сталкер* вошло в лексический фонд русского языка, причем не только как имя собственное, но и как имя нарицательное, о чем свидетельствуют формальные показатели (написание со строчной буквы, чаще без кавычек). Как пишет в романе «Метро 2033» Д. Глуховский, «название это, вроде странное и чужое для русского языка, в России прижилось». Однако мы не найдем его в лингвистических или толковых словарях, а в энциклопедических оно

фигурирует прежде всего как название фильма. Некоторые трудности вызывает определение его семантической структуры. Так, в Википедии находим следующее толкование: *сталкер* – «человек, занимающийся исследованием опасных объектов и территорий, связанным с риском для здоровья или жизни». Обнаруженные нами контексты позволяют говорить о некой денотативной части его значения: не чаще всего это не «исследователь», а «проводник». Если исходить из единственного четко выделяемого денотативного компонента, позволяющего считать его синонимом лексему *проводник* (отвлечшись от этического и философского наполнения), можно отметить, что данный синоним имеет в русском языке слабовыраженную, но все же существующую амбивалентность. Человек, знающий дорогу, местный, обычно нанимаемый за деньги, – здесь семантика нейтральная или имеющая несколько сниженную оценку. Но это же понятие может приобрести высокий смысл в литературном контексте или мифологическом (как человек, обладающий особыми знаниями, или даже вершитель судьбы). Конечно, это, прежде всего, Вергилий у Данте (*Он двинулся, и я ему вослед*) или Вожатый – Пугачев в «Капитанской дочке».

Особую судьбу слово *сталкер* приобрело в силу целого ряда обстоятельств. Первым из них было, разумеется, появление фильма А. Тарковского, расставлявшего новые акценты в образе и, соответственно, в слове. Вторым, трагическим и, возможно, главным, событием стала катастрофа на Чернобыльской АЭС (1986 г.) с возникновением вследствие этого особой зоны отчуждения. В повести и фильме Зона (с прописной буквы) – важнейший образ, нечто чуждое, непонятное, опасное, коварное, но и привлекающее. Прямое совпадение словесных обозначений, некоторые общие приметы этих двух объектов, вымышленного и реального, наличие людей, которые, невзирая на запреты, пробираются в Чернобыльскую зону, дали еще один импульс к использованию слова *сталкер* журналистами и писателями. Например: «200-километровая запретная зона охраняется, но местные сталкеры проникают туда без проблем» (С. Ильченко. Крымский загар с пороховым отливом). (В некоторых текстах *сталкерами* называются ликвидаторы, специалисты, работавшие на Чернобыльской АЭС после аварии.) Особое развитие этого понятия находим в романе-антиутопии Д. Глуховского «Метро 2033» (2005), где после ядерной войны люди живут под землей, а «сталкерами назывались те редкие смельчаки, которые отваживались показаться на поверхность».

Показательно и то, что «Национальный корпус русского языка» (основной и газетный подкорпусы) содержит даже в совокупности не слишком большое число примеров на слово *сталкер*: 233 документа и

746 вхождений. В то же время поисковые системы «Yandex» и «Google» выдают огромное количество ссылок.

Это положение отражает тот факт, что *сталкер* как имя нарицательное используется весьма ограниченно: оно либо выступает приложением, либо входит в состав сравнительных оборотов, либо имеет иронический смысл, т.е. в любом случае отсылает к прецедентному тексту. (Заметим, что и прецедентный текст здесь, как и в случае Соляриса, уникальный, бинарный: это книга – фильм.) Приведем соответствующие примеры: «Правы те, кто считает писателей, композиторов, вообще людей искусства лишь проводниками, сталкерами, которым дан свыше дар создавать такие произведения, которые заставляют плакать и смеяться, радоваться и горевать. (...) Но как только сталкер изменяет своему предназначению, у него сразу пропадает дар» (Известия. 2005. 27 мая); «Двое ребят отправились ночью обследовать запрещенную местность (...), решили поиграть в сталкеров» (Комс. правда. 2009. 19 авг.); «Вдруг я увидела, что муж мой, как сталкер, находится в какой-то своей зоне, не слышит, не видит, не понимает, обрастает панцирем синизма...» (С. Спивакова. Не всё).

Значение «проводник» может приобретать и более широкое, практически переносное значение: «Сталкеры библиотек и книжных фондов! Очень нужны фотографии...» (Форум. 2007).

Однако в последнее время в разных текстах (в том числе в материалах Интернета) фиксируется существительное *сталкинг*, которое непосредственно мотивируется английским глаголом *to stalk* и обозначает так называемый промышленный (индустриальный, городской) туризм, хотя и здесь на визуально-ассоциативном уровне прослеживается связь с фильмом А. Тарковского.

Кроме того, в материалах «Национального корпуса русского языка» (газетный подкорпус) отмечено совершенно иное употребление слова *сталкер* – в значении «преследователь, агрессивный поклонник»: «Маньяков, охотящихся за голливудскими знаменитостями, за кордоном называют сталкерами» (Комс. правда. 2005. 13 сент.); «Сталкер певицы Бьорк, узнав о том, что она крутит роман, прислал ей посылку с бомбой, которую удалось обезвредить по чистой случайности» (Там же); «Из обожателя он превратился в сталкера» (Комс. правда. 2013. 12 марта). Вероятно, это прямое заимствование из английского языка, которое не имеет ничего общего с «нашим» *сталкером*, в основной аксиологической оппозиции находится на противоположном полюсе, но таким образом порождает омонимию.

Практическое отсутствие денотата, ассоциативный потенциал и благозвучность позволили широко использовать и это слово (и даже шире, чем *Солярис*) в сфере эргонимии и прагматонимии, т.е. в функции имени собственного для номинации различных объектов: от

музыкальных групп и арт-агентств до фирм, специализирующихся на установке систем сигнализации и видеонаблюдения, и магазинов автоаксессуаров.

Как пишет Л.В. Леваева, «и метафорическое и предварительное метонимическое переосмысление имени собственного, определяющее его образное употребление, не превращают окончательно имя собственное в имя нарицательное» [4], хотя, на наш взгляд, и способствуют их продвижению в этом направлении. Наряду с таким употреблением, существуют различные классы объектов, по отношению к которым данное слово выступает именем собственным, «этикеткой», совершая колебания между метонимическим и метафорическим переносами. Можно сказать, что на функционирование данного слова оказывают влияние два традиционных лексических «полюса»: онимы и апеллятивы, поочередно притягивая его к себе. Разнообразие контекстов, вариантов графического оформления слова (с прописной / строчной буквы, в кавычках / без кавычек, использование квазиаббревиатур, латинской графики) делает это прецедентное имя поистине «беспрецедентным» в нашем языке и культуре. Такие языковые факты демонстрируют сложности описания лексики в привычных категориях имен собственных и нарицательных. А «авторские» слова, окказионализмы, созданные в 60–80-е годы прошлого века, не утрачивают актуальности в контексте современности, становясь созвучными многим реалиям нашего времени.

Литература

1. *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. М., 2007.
2. *Введенская Л.А., Колесников Н.П.* От собственных имен к нарицательным. М., 1981.
3. *Кудрявцева А.А.* Имя собственное как объект метафоризации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. № 1(11). 2010. С. 55–59.
4. *Леваева Л.В.* Процесс перехода имен собственных в имена нарицательные // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. № 4. 2010. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/protsess-perehoda-imen-sobstvennyh-v-imen-na-ritsatelnye> (дата обращения: 25.01.2016).
5. *Генис А.* Три «Соляриса» // Звезда. 2003. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/4/gen.html> (дата обращения: 28.01.2016).

Тюменский государственный университет

Топонимика

Валаам: языческий, библейский

© Л. В. МИХАЙЛОВА,
кандидат философских наук

Статья является результатом исследования этимологии топонима *Валаам*, известного как название острова и архипелага, расположенных в Северо-Западной части Ладожского озера. В монастырских источниках, современной научно-популярной литературе дается толкование названия как производное от финских слов, имен языческого бога славянского пантеона Велеса – Волоса, библейских имен: *Валаама* и *Ваала*. По мнению автора, остров был издавна известен жителям Приладожья как древнее языческое капище, названное *Ваалам* и получившее со временем современную форму.

Ключевые слова: *Валаамский монастырь, остров Валаам, Приладожье, этимология, финский, славянский, библейский, языческий.*

This article is the result of toponym *Valaam* etymology research, known as the name of the island and archipelago, located in North-Western part of Lake Ladoga. In monastic sources, modern popular scientific literature interpretation of the name is given as a derivant from the Finnish words, names of heathen God of the Slavic pantheon Veles – Volos, biblical names: *Valaam* and *Baal*. In author opinion, an island Valaam was since olden times known to the habitants of Priladozh'ya as an ancient heathen pagan temple, adopted *Valaam* and getting a modern form in course of time.

Key words: *the Valaam monastery, the island of the Valaam, Priladozh'ye, etymology, Karelian, Finnish, Swedish, heathen, biblical.*

Валаам – это не только остров, расположенный в северо-западной части Ладожского озера, но и архипелаг, мужской православный монастырь, современный поселок. Существуют различные версии, объясняющие происхождение топонима *Валаам*. В дохристианские времена остров Валаам, как и многие другие острова на Ладоге, был местом поклонения языческим богам. Первоначальное название острова могло сильно видоизмениться, прежде чем приобрело современное звучание.

В рукописях XIV, XVII–XVIII веков [1], написанных монахами Валаамского монастыря, остров называется *Валам*, а монастырь – *Валаамский*: «на острове Валаме» (Беседа валаамских чудотворцев. Рукопись XIV в. // Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), ф. 762, оп. 1, д. 2/11, л. 1–4). В середине XIX – начале XX века в русских письменных источниках появляется другое написание: *Валаам*. Такое название мы можем найти как в монастырских изданиях, так и в служебной переписке монастыря (О помиловании Коневскому, Валаамскому монастырям угодья, рыбные ловли, мельницы. 1816 // НА РК, ф. 13с/762, оп. 1, д. 1/1). В монастырской переписке конца XIX века часто встречаются в одном и том же тексте старое и новое написание названия острова. Так, в рукописном документе, находящемся в Национальном архиве Республики Карелия, остров называется *Валам*, а монастырь – *Валаамский*: «у пристани Высочайшие гости встречены были Валаамским отцом казначеем»; «Валаамская обитель». (Воспоминания о прибытии их Величества Государя Императора Александра Николаевича в Валаамский монастырь. 1858 // НА РК, ф. 13с/762, оп. 1, д. 1/3, л. 1–3). Написание названия острова *Валаам* употребляется в русском языке в публицистике, научной и художественной литературе и по сей день.

В шведском языке топоним *Valamo* был известен уже в XV веке. Так, Е.А. Левашов приводит пример из шведского документа 1477 года: «ос deeli till mijn deeli j Valamabö – часть моего наследства на Валааме» [2. С. 82]. С XVII века название острова упоминается в документах на шведском языке, так как после подписания в 1617 году Столбовского договора острова Валаамского архипелага на сто лет отошли к Швеции. В переписке монастыря на шведском языке в XIX веке остров называется *Walamo* (Копии и переводы юридических документов монастыря. 1794–1844 // НА РК, ф. 13/762, оп. 1, д. 2/9). Топоним *Valamo* с начальной буквой *V* встречается во всех финских источниках. В 30-х годах XX века в текстах на финском языке применяется двойное написание названия острова: *Valamo*, *Walamo*. В финской энциклопедии упоминается, что остров по-фински называется *Valamo*, а по-карельски – *Valmoi* [3]. Топоним *Valamo* в русской транслитерации зафиксирован в научной литературе XIX века. Так, в работе известного ученого А. Иностранцева остров называется *Валамо* [4. С. 52–62].

В настоящее время существуют различные гипотезы, объясняющие происхождение названия острова. В современной научно-популярной литературе, путеводителях встречаются версии о финском происхождении топонима *Валаам*. Л.Я. Резников предполагает, что первоначальное финское название *Valami* было переделано на русский язык (по созвучию с библейским именем) как *Валаам*. Автор не уточняет, кем было переделано название *Valami*. Здесь речь идет об имени *Валаам*

(*Билеам*). Как считает Резников, библейский Валаам – это лжец, фигура резко отрицательная. По его мнению, если бы образованные иноки не дали разного рода иные объяснения названию своего острова – им пришлось бы переименовывать его [5. С. 51].

Однако монахи, утверждая православие на Валааме, переименовывали острова и другие географические объекты с языческими названиями, например: *Дивный* – язык. *Девичий* (остров); *Крестовое* – язык. *Хирмулампи* (озеро). Кроме этого, непонятно, почему автор пишет *Valami*, когда финны называют остров *Valamo*. Г.М. Керт, Н.Н. Мамонтова объясняют также происхождение названия острова от финского слова. Они считают, что финское *Valamo*, *Valamo|o|n* из-за безударных гласных в конце слова могло восприниматься русскими как *Валама(а)н*, а отсюда путем перестановки звуков (метатезы) образовалась современная форма – *Валаам*. В результате этого топоним, оставшийся от аборигенов прибалтийско-финского населения, случайно совпал с именем библейского прорицателя Валаама [6. С. 42–43]. Е.А. Левашов дает следующую этимологию слова *Валаам*: «Если *valaa* – глагол лить, отливать (из металла), “мо” – аффикс, указывающий на место действия: *valaa + mo – valamo*. Финское *Valamo*, *Valamo|o|n* из-за безударных гласных в конце слова могло восприниматься русскими как *Валама(а)н*, путем перестановки образовалась форма *Валаам*, что переводится “место, где происходило литье”» [2. С. 147–148].

В современной научно-популярной литературе [7. С. 69], путеводителях [8] дается и такое толкование топонима *Валаам*: «высокая», «горная земля»: «Название его Валамо происходит от финского слова *варам* – значащего “горная земля” и потом заменилось шведским словом *Валламо*, означющим “высоту”» [9. С. 82].

По нашему мнению, финское слово *vuorimaa* «горная страна, земля» могло передаваться в русском языке как *вуорима* или *ворима*, а не *варам*. Есть сомнения и относительно шведского языка, так как *Валламо* не может обозначать по-шведски «высоту» (шв. *höjd* – «высота»). Неубедителен ни с точки зрения формы, ни по семантике положенный в основу названия типичный для Финляндии и Карелии географический признак – «высота», т.к. в северо-западной части Ладоги и в архипелаге Валаам не единственно высокий и даже не самый высокий остров. Так, на Валааме самые высокие точки: гора Черный Нос (36, 3 м), гора Феодоровская (42 м), имеющая вид усеченного конуса, гора Большая Скитская (52 м), расположенная в северной части острова Скитский, рядом с островом Валаам. В северной же части Ладожского озера острова возвышаются до 80–100 метров, это: гора Вихтимяки на острове Хонкасало (80, 2 м), гора Лоухимяки на острове Орьятсари

(60, 5 м), гора Руотсинмяки (72, 9 м), гора Карсиккомьяки (101, 2 м) на полуострове Хунукка. Существуют и другие версии.

Известный исследователь Ладожского озера А.П. Андреев писал, что название острова Валаам этимологически не выяснено: «Валаамские иноки, произнося слово *валаамь*, вставляют в него две буквы, а, по нашему мнению, делают это для того, чтобы поддержать этимологический по их взгляду, разбор слова *валамо*, происходящее от слов валь и мо» [10. С. 186]. В книге «Валаамский монастырь и его подвижники» приводится версия Д. Демпинга: «Слово Валамо, так называют остров финны, состоит из двух слов: «мо», по-ижорски, значит земля и Валь, Волос и Велесь. Следовательно, это земля, посвященная богу Ваалу» [11. С. 18].

По нашему мнению, маловероятным является влияние ижорского языка на название острова. Территориально к Валааму ближе были карелы, занимавшие северо-западное Приладожье. В другом монастырском издании написано также, что топоним *Валаам* связан с именем языческого бога *Велеса*: «Велес, Волос и Ваал – имена одного и того же языческого бога плодородия и земледелия, это однокоренные слова» [12. С. 3]. Однако *Велес* (*Волос*) и *Ваал* – это слова с разными корнями. Гласный звук «е» и даже «о» не может перейти в удвоенный гласный звук «а». А. Баженова приводит следующий список имен: *Вел*, *Велак*, *Велек*, *Велен*, *Велес*, *Велеска*, *Велец*, *Великан* и др., где *вел* является словом, заимствованным из санскрита (*vel* «сила») [13]. Ваал в этот список не входит. Велес (*Волос*) – славянский языческий бог, покровитель скотоводства, а не земледелия. Как утверждает С.А. Токарев, имена славянских языческих богов земледелия не определены [14. С. 223]. По мнению А.А. Козыревой, рядом с Перуном часто упоминается Велес или Волос, который характеризуется определением «скотьего бога». Велес почитался не только как бог плодovitости и скотоводства, но и богатства [15. С. 34–35]. А.Г. Резунков называет Велеса: «Вещий», «Мудрый», «хранитель Знания», «духовный наставник волхвов» [5. С. 48]. Ваал же не является славянским богом.

Топоним *Валаам*, по версии автора, произошел от имени языческого бога Ваала, который считался богом плодородия и жизни среди части древних евреев и финикийцев. Ваал (Баал-Хадд) или Гад – это божество ханаанской (сиро-палестинской) мифологии, с которым приходилось соперничать библейскому Богу. Славянам и другим народам имя Ваала было известно из Библии, в которой показана борьба между Господом Богом и языческим богом Ваалом, т.е. борьба христианства и язычества: «Оставили Господа и стали служить Ваалу и Астартам» [16. С. 260]. Ваал называется часто во множественном числе *Ваалы*: «Тогда сыны Израилевы стали делать злое перед очами Господа и стали служить Ваалам» [Там же. С. 259].

В Библии упоминается ряд однокоренных с *Ваалом* слов, это мужские и женские имена: *Валла*, *Валак*, *Валаам*. В Апокалипсисе от Иоанна

Богослова называется пророк Валаам, который ввел в соблазн «сынов Израилевых» в Пергаме и научил их есть «идоложертвенное». В географических названиях Царства Иудейского и Израильского встречается также топоним *Ваал*: *Ваал-Фегор*, *Ваал-Перацим*, *Беф-Ваал-Меон*. Это языческие места: «и сказал Давид: Господь разнес врагов моих предо мною, как разносит вода. Посему и месту дано имя Ваал-Перацим» [Там же. С. 332]. *Ваал* – это восходящая к раннему средневековью грецизированной передача библейского *Баал*, возникшего из первоначального «Балу». В этой форме имя *Балу* вошло в европейскую литературу [17].

Вероятно, православные монахи-миссионеры, распространяя христианство, посетили остров в Ладожском озере, где они обнаружили языческое капище и дали ему символическое название по имени бога Ваала, олицетворяющего все язычество. В различных монастырских источниках, описывающих дохристианский период Валаама, встречается название острова *Горы* (Горы – место поклонения языческим богам, языческое капище – примеч. автора). Это Горы Валаама, т.е. посвященные Ваалам (в Библии «...вслед Ваалам»). Если в един. числе это «Горы Ваала», то во множ. – «Горы Ваалам», где «м» является показателем множ. числа. Сравним, *Эл*, *Элоах*, *Элохим* «бог». По определению И.Ш. Шифмана, слово *Элохим* внешне имеет форму множественного числа, но в действительности оно таковым не является, в Ветхом Завете оно постоянно согласуется с глаголами в единственном числе. Окончание *-м* сохранилось в этом слове пережиточно со II тысячелетия до н.э., когда оно играло роль определенного артикля, ставившегося в конце слова. В I тысячелетии до н.э. этот артикль исчез, однако именование бога с окончанием *-м* сохранилось. Аналогичные формы существовали в финикийском и в аммонитском языках [18].

До наших дней сохранились названия гор, озер, островов Валаама мифологического времени: *Бармадан* (остров), *Гусь-камень* (остров), *Щучье* (озеро), *Дикий* (остров), *Лысая Гора* (гора). На острове, очевидно, совершались жертвоприношения различным языческим богам, поэтому монахи дали название языческому капищу по имени бога Ваала во множественном числе, называя так впоследствии и весь остров. После основания на Валааме монастыря происходит изменение топонима. Остров перестает быть местом, где совершались языческие обряды, поэтому слово *горы* постепенно исчезает из названия, а вторая часть, Ваалам, остается как географическое название острова. В самом слове происходят следующие изменения: *Ваал* – *Ваалам* – *Валам* – *Валаам*. На Валааме есть гора Змеиная, возвышающаяся в южной части острова, второе название которой гора Кармил [19] было заимствовано валаамскими монахами из Библии, так как Кармил – это место, где устраивались жертвенники Ваалу: «теперь пошли и собери ко мне всего Израиля на гору Кармил, и четыреста пятьдесят пророков Вааловых. И взяли они тельца, который дан был

там и приготовили, и призывали имя Ваала от утра до полудня, говоря: Ваал, услышь нас!» [16. С. 385–386]. И на Валааме, на горе Змеиной, тоже были *Высоты Вааловы, Горы Валаама*, совершались языческие обряды, что еще раз подтверждает происхождение названия острова *Валаам* от имени языческого бога Ваала.

Исследование этимологии топонима *Валаам* показало, что существуют различные версии, объясняющие происхождение названия острова как от финских слов, так и от имен языческого бога славянского пантеона *Велеса – Волоса* и от библейских имен: *Валаама* и *Ваала*.

Литература

1. *Шаров И.* Нещастное приключение Валаамского монастыря строителя Иосифа Шарова. СПб., 1792.
2. *Левашов Е.А.* Валаам – остров загадок // *Русская речь*. 1980. № 3. С. 82–88.
3. *Uusi Tietosanakirja*. Helsinki: Tietosanakirja Oy, 1960. Osa 22. Uhe–Ver.
4. *Иностранцев А.* Петрографический очерк острова Валамо // *Труды Первого съезда русских естествоиспытателей в С.-Петербурге*. СПб., 1868. С. 52–62.
5. *Резников Л.Я.* Валаам раскрывает тайны. Петрозаводск, 1975.
6. *Керт Г., Мамонтова Н.* Загадки карельской топонимики. Рассказ о географических названиях Карелии. Петрозаводск, 1982.
7. Валаам – феномен природы. Петрозаводск, 1988.
8. Валаам. Valaam. Фотоальбом. Финляндия, 1996.
9. Путеводитель по Финляндии. СПб., 1862.
10. *Андреев А.П.* Ладожское озеро. СПб., 1875.
11. Валаамский монастырь и его подвижники. СПб., 1903.
12. Валаамский монастырь. СПб., 1864.
13. *Баженова А.И.* Славян родные имена. М., 2006.
14. *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М., 1985.
15. *Козырева А.А.* Тайны крещения Руси. М., 2007.
16. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические с параллельными местами. М., 2009.
17. Мифы народов мира. В 2 т. М., 1987. Т. 1.
18. *Шифман И.Ш.* Во что верили древние евреи? [Электронный ресурс]. URL: // sobakidendy-news.ru/post102864195 (07. 03 2015).
19. *Бронзов А.А.* Рай на Земле: Валаамские впечатления: [посещение монастыря в июне 1912 г.] / А.А. Бронзов // *Христианское чтение*. 1912. № 9. С. 954–977.

Петрозаводский государственный университет

Герой-искатель в народной сказке

Вариативность образа

© Л. Л. ИВАШНЁВА,
кандидат филологических наук

Поэтика, язык и стиль народной сказки отличаются каноничностью. В то же время стабильные элементы образуют единое целое с их преобразованиями в семантике и структуре текста. В статье рассмотрены проявления вариативности образа героя-искателя в процессе создания версий и инверсий сюжетного типа «Путешествие к Богу за наградой».

Ключевые слова: инвариант, динамичность повествовательных структур, трансформация, смысловая инверсия, пародирование образа героя-искателя.

Poetics, language and style of the folk tales must be distinguished by canonicity. At the same time, constant elements are integral to their transformations of the semantics and the structure of the text. The article considers the manifestations of variability of the image of hero-seeker during the process of creating versions and inversions of the plot type «A travel to God for reward in heaven».

Key words: invariant, dynamic narrative structures, transformation, semantic inversion, a parody of the image of hero-seeker.

Среди волшебных и легендарных сказок обращает на себя внимание повествовательный тип «Путешествие к Богу за наградой». В других

версиях данного сюжетного типа царь посылает мѳлодца на «тот свет» по клевете завистников, чтобы узнать, почему не светит солнце. В легендарной сказке «Марко Богатый» антагонист отправляет своего мнимого соперника на гибель в царство Змиулана [1].

В мотиве путешествия в иной мир и в образе сказочного героя, искателя благ, очевидна мифологическая основа. Прежде всего, это мифы о культурном герое, добывающем культовые объекты и жизненные блага у «хозяев» природных стихий. Данная архетипическая модель трансформируется в историческом движении сюжетов и образов от мифа к сказке. Сюжет о пути на «тот свет» и о возвращении с материальными и духовными ценностями занимает в волшебной сказке ключевые позиции, имеет структурообразующее значение. Между тем эта морфологически устойчивая композиционная схема тоже варьируется и модифицируется, приобретая новые оттенки смысла.

Положительный герой-искатель идет в тридевятое царство за невестой, диковинками, за сакральной информацией, чудесными умениями и знаниями и добывает всё это, выдержав предварительные и основные испытания (Е.М. Мелетинский). Он добивается успеха и в тех случаях, когда отрицательные персонажи из нашего мира стремятся его погубить и ради этого отсылают героя в иной мир. В этих случаях уместно говорить о сюжетных *версиях* сказочного типа «*Путешествие к Богу за наградой*». Преобразования образа искателя и других персонажей хорошо видны на примере всемирно известной сказки «Марко Богатый», популярной в русском фольклоре. Купец Марко непомерно скуп и жесток. Своим образом жизни он уподобился евангельскому богачу, который «не в Бога богатеет» (Лк. Гл. 12:13–21). Владельцу несметных богатств, «их не сосчитать», предсказано Богом (ангелом, святым), что его зятем и наследником станет ребенок, родившийся в бедной семье.

Он пытается извести новорожденного, своего мнимого соперника. Завладев младенцем, Марко приказывает бросить его в овраг, в сугроб, сажает ребенка в дупло дерева; «перерезав брюшко» и засмолив в бочку, пускает свою жертву по воде и т.д. Всемогущий купец посылает на смерть уже повзрослевшего юношу, но он снова остается в живых – благодаря чудесной помощи свыше. Таким образом, антигерой Марко Богатый, центральный персонаж сказки (в большинстве эпизодов именно он ведет сюжетное действие), ассимилирует функции антагониста. От завязки сюжета до его финала он преследует положительного героя. Одержимый идеей убийства, Марко Богатый неизбежно вовлекается в пространство смерти как избывания жизни и гибнет.

В то же время сказочный образ Змея (Змиулана) утрачивает признаки враждебного миру людей существа. Фантастический «хозяин» иного царства, сам того не ведая, становится дарителем важной для героя

информации. Мифологический конфликт избывания беды в ином мире утрачивает признаки, типичные для волшебных сказок. Кульминационные для них мотивы сражения героя с чудовищем и гибели антагониста здесь отсутствуют, поскольку главный конфликт существенно изменен. Концепт передвижения персонажа в иной мир и обратно смыкается с сюжетно-тематическим блоком «Бог награждает и наказывает». На «том свете» молодец получает награду, а Марко обречен на бесконечное движение по замкнутому кругу в царстве мертвых.

Образ молодца, главного героя сказки, объединяет в себе функции искателя, модифицированной формы культурного героя, и характеристики гонимого персонажа. Образ искателя благ заметно трансформирован. В сказке «Марко Богатый» он совершает путь в царство Змея по принуждению, под воздействием губителя. Идея пути-испытания, актуальная для главного героя волшебной сказки, оказывается здесь преобразованной. Основное внимание сосредоточено на внутренних качествах личности. В эпизодах путешествия в иное царство на первый план выдвигаются не правила поведения в «том» мире, как в мифе, а мужество героя, его помощь встреченным на пути действующим лицам.

В легендарной сказке «Марко Богатый» расширяется и усложняется образная система, семиперсонажная схема волшебной сказки (В.Я. Пропп). Вводятся второстепенные и эпизодические персонажи: *богачи, начальники*, гости и прислуга, *батраки и приказчики* в доме Марко, нищие. Антагонисту противостоят небесные силы (Христос с апостолами, ангелы, святые), монахи, купцы, *деревенские бабы*, трактирщики, добрые господа и др. Усилена роль женских образов: сестры, жены, дочери Марко Богатого, женского персонажа-помощника в царстве Змея. Сюжетообразующие функции имеют «страдающие» персонажи, которых дважды встречает на своем пути главный герой.

Новые сюжетные ветви представляют собой необычные комбинации мотивов и образов, что свидетельствует о создании сюжетных версий. Легендарные звенья о неузнанном прибытии странствующего божества, о порабощенности человека богатством, о наказании грешников и под. наслаиваются на сказочно-мифологическую основу. Они контаминируются с традиционными темами и мотивами, присущими волшебной сказке: испытания, потери и приобретения, предсказание судьбы и перераспределение доли и т.д.

Большой интерес представляет редкая и почти неизученная разновидность трансформаций сказочного текста, зеркально преобразующая рассматриваемый сюжетный тип и его образную систему. Творчески изменяя приемы традиционной эпической поэтики, сказители создают любопытные образцы «обращения» основных структурных элементов сказки. В данном случае они переосмысливаются до полной

противоположности. Смысловая и композиционная инверсия сказочного образа героя-искателя обнаруживается в астраханской сказке «Добрый, но ленивый Василь» [2. С. 111–112].

Ее центральный персонаж – пример отрицательного героя, псевдоискателя жизненных благ. Как и в других произведениях сюжетного типа «Путешествие к Богу за наградой», рыбак Василь отправляется из дома: он решает пойти к Богу за помощью. В экспозиции сказки лаконично обрисована личность главного персонажа. Показана его неспособность к активному действию, чудовищная лень, безответственность по отношению к голодающим жене и детям и унылая мечтательность, парализующая волю этого антигероя.

«Семья была большая, а денег еле-еле хватало на хлеб. Несчастные его дети и жена вечно недоедали, вечно недопивали, а уж про платья и мечтать не смели. “Возьмись за ум, – говорила жена, – начни работать, выйди на воду”. Но Василь работать не хотел, ждал помощи от Бога. Долго ждал ленивый Василь, наконец, решил пойти к Богу за помощью сам. Жена собрала ему последние кусочки хлеба в дорогу и выпроводила из дому» [С. 111]. В начале сказки отчетливо проступают черты местного колорита, обнаруживаются образцы ловецкой фразеологии. В дельте Волги *выйти на воду*, равно, как и *стать на воду*, означает отправиться на рыбную ловлю.

Здесь же следует отметить переосмысление сказочного канона. Имеется в виду контраст между традиционным мотивом отправки героя по собственному побуждению и его выпроваживанием из дома в данном тексте. Принцип инверсии в характеристике этого искателя «поневоле» проявляется и на уровне функций двух поколений персонажей, в перевернутости устойчивых ролей родителей и детей. Отец, а не один из его сыновей, идет на поиски удачи и «помощи от Бога». Ключевой для завязки структурный элемент недостачи (в терминологии В.Я. Проппа) тоже преобразуется. Он приобретает семантику, дополняющую и углубляющую мотив нехватки средств для безбедного существования семьи. В мотиве недостачи подспудно содержится более важный для всех персонажей смысл, нежели отсутствие достатка в семье. По ходу развития сюжета на имплицитном уровне текста выявляется, что нехватка у этого искателя благ необходимых человеческих качеств (она остается невосполненной) является главной причиной бедствий Василя и его близких. Она же приводит этого псевдоискателя к трагическому финалу.

На этапе развития действия сохраняется каркас сюжетно-композиционной схемы произведений, в которых сказочный герой-искатель идет к Богу за богатством и счастьем. В то же время здесь трансформирован до противоположности почти каждый структурный элемент. Искатель благ в его традиционной ипостаси подвергается испытаниям

и достойно их выдерживает. В сюжетном типе «*Путешествие к Богу*» классический герой встречает на пути персонажей, которые длительное время испытывают боль, другие мучения, терпят бедствия. Его позиция активного сочувствия к этим второстепенным действующим лицам и добытое в ином мире знание о том, что нужно для их спасения, помогают всем получить желаемое (вопросы и ответы эсхатологической направленности в рамках данной статьи не рассматриваются).

При сравнении героев-искателей сказок «Марко Богатый» и «Бедный, но ленивый Василь» отчетливо видны различия между версией и инверсией анализируемого сюжетного типа. Молодец легендарной сказки выдерживает все испытания. Он отзывчив к чужой беде, отличается бесстрашием и смышленостью, другими идеальными характеристиками. Поступки и нравственные качества главного героя соответствуют жизненному предопределению, Божьему предсказанию о его счастливой судьбе.

В сказке «Марко Богатый» главный герой получает высокий социальный статус и семейное благополучие, так как его поступками управляет христианская идея любви к ближнему. Псевдоискатель Василь действует как антигерой: вопреки своей удаче, здравому смыслу и общечеловеческим нормам, предполагающим сострадание ко всему живому. Таким образом, этого персонажа можно считать пародией на традиционный образ героя-искателя.

В сказке «Добрый, но ленивый Василь» обращает на себя внимание индивидуальное мастерство сказителя, соблюдение сказочной обрядности в стилистических формулах. Например: «Шел Василь три дня и три ночи»; «Шел он еще три дня и три ночи и увидел яблоню»; «Через три дня и три ночи дошел он до большого озера» [С. 111]. Следование канону в языке и стиле сказки создает своего рода контрастный фон развитию сюжета и усиливает смысловую и структурную инверсию образа искателя. Исполнитель соблюдает принцип структурной симметрии и творчески использует композиционный прием эпического утроения. Повествовательная часть сказки рисует три встречи путешествующего героя – соответственно, с волком, яблоней и рыбой, которые умоляют Василя передать их просьбы Богу о помощи.

Мотив встречи героя сказки со «страдающими» персонажами устойчив для данного сюжетного типа. Вместе с тем, в этой сказке он отличается эмоционально окрашенными и выразительными диалогами действующих лиц. Например: «“Куда идешь, добрый человек?” – спросила яблоня. Отвечает ей Василь: “Да вот, иду к Богу просить помощи”. Взмолилась яблоня: “Передай ему мою просьбу. С самого рождения не видела я еще своих плодов. Тружусь, зацветаю, а цветы каждый раз осыпаются, не дают плодов. Уж пусть Бог пошлет мне смерть, если нельзя помочь”», традиционная основа кульминационной

встречи героя с Богом ассимилируется сказителем с эпизодом из Ветхого Завета, известным как «Неопалимая купина». Общение Василя с Богом происходит в роще из кустов роз. «А посреди рощи стоял большой куст, весь покрытый прекрасными розами всех цветов, такой удивительный, что Василь остановился, удивленный, и забыл, куда идет и зачем. Вдруг из куста вырвалось пламя и раздался голос: “Что тебе нужно, Василь?” В страшном волнении Василь понял, что слышит Бога» [С. 112].

В сказке «Бедный, но ленивый Василь» отсутствует прямая отсылка к Ветхому Завету. Между тем вкрапление эпизода встречи с Богом, аналогичного библейскому, усиливает общую назидательно-воспитательную тенденцию данной сказки, раскрывает ее связь с легендой. Эта астраханская сказка имеет также черты притчи. Ее можно «при-ткнуть», то есть применить к конкретным жизненным ситуациям. Сюжет анализируемой сказки можно представить развернутой иллюстрацией к пословицам «На Бога надейся, а сам не плошай», «Без труда не вынешь и рыбки из пруда» и под. В этих и других изречениях акцентируется внимание на том, как лень портит и вредит человеку.

В сюжетно-композиционной организации данного произведения троекратный повтор (три диалога с встреченными персонажами) дублируется. Однако вместо сбывшихся надежд «страдающих» персонажей и главного героя, что запрограммировано традицией, сказка вводит сюжетный мотив обманутого ожидания. Антиповедение Василя, его лень и глупость вызывают недоумение и горькое разочарование всех действующих лиц, когда он отказывается вынуть из горла рыбы драгоценный камень и вырыть кувшин с золотом из-под корней яблони. В сказке «Бедный, но ленивый Василь» волк может получить исцеление, если съест очень ленивого и глупого человека. Когда Василь рассказал ему о своем возвращении от Бога и о встрече с рыбой и яблоней, волк воскликнул: «“Благодарю тебя! Видит Бог, ты и есть мое лекарство, потому что ленивее и глупее тебя никого нет на свете!” И кинулся на Василя».

Контраст между ожидаемыми и реальными результатами встречи героя с Богом и другими персонажами сказки реализуется здесь и на сюжетно-композиционном, и на эмоциональном уровнях. Психологическая антитеза между желаемым избавлением от бедствий действующих лиц и позицией главного героя, противоречащей всеобщему благополучию, художественно убедительна, хотя и выражена без слов, молчанием «страдающих» персонажей. Никто, кроме волка, не произносит вслух слов осуждения в адрес Василя.

Центральный персонаж сказки чрезвычайно эгоистичен. Его эгоизм раскрывается и в сюжетной линии, и в диалогах. В частности, антиповедение этого искателя счастья своеобразно подчеркнуто в диалоге

с Богом важной художественной деталью. Василь прежде всего говорит о своей нужде, а затем уже о просьбах встреченных персонажей. В ответной реплике Бога сначала речь идет о том, как помочь рыбе, яблоне и волку, а в конце – о Василе: «А твоя просьба, не волнуйся, обязательно исполнится» [С. 122]. Доброта Василя, отмеченная сказителем в заглавии сказки, оказывается мнимой. Она сродни пассивному незлобию персонажа, которое то и дело оборачивается черствостью и жестокостью к тем, кто нуждается в его помощи. Этот образ, несомненно, ассимилировал черты персонажей сатирической сказки, где обличаются аналогичные пороки человека.

Смысловая и сюжетная инверсия или преобразование структурных элементов текста до их полной противоположности проявляются на различных уровнях сказки о Василе. Это обнаруживается, например, в несоответствии его поступков ключевой закономерности в сюжетосложении фольклорной сказки. Имеется в виду выявленный Д.Н. Медришем закон прямого соотношения между речью персонажа и его действиями («сказано – сделано») [3]. Положительный герой данного сюжетного типа в волшебных и легендарных сказках реализует полученную в ином мире словесную информацию в поступках, направленных на благо других персонажей и самого героя. Василь тоже получает сакральное знание, но не может им разумно распорядиться. Более того, своим бездействием он и нарушает закон «сказано – сделано», и вступает в противоречие с ним. Как это ни парадоксально, но в финале произведения один лишь волк произносит монолог и действует в соответствии с ним. Кстати сказать, он становится единственным персонажем, кто получил исцеление.

В сказке «Бедный, но ленивый Василь» принцип инверсии проявляется многогранно и, вместе с тем, избирательно – в ключевых моментах повествования. Глубинная контрастность, идейная и структурная смещенность по отношению к инвариантной схеме анализируемого сюжетного типа не единожды обнаруживается в композиции сказки. Преобразование текста в аспекте инверсии видится и в том, что идейно-композиционная вершина и кульминация сюжета здесь не совпадают. Они разделены другими эпизодами, образующими контрастную симметричную пару по отношению друг к другу.

Композиционной вершиной повествования можно считать диалог героя с Богом. Между тем в кульминации сюжета (вторая встреча со «страдающими» персонажами) традиционному мотиву избавления от бедствий противостоит нежелание Василя воплотить в жизнь полученные от Бога советы и подсказки. В итоге негативные личностные

свойства незадачливого героя оказались не устраненными, начальная беда/нехватка не ликвидированной.

Итак, в разработке образа сказочного героя-искателя и сюжетных мотивов путешествия в иной мир выявляются варианты, версии и инверсии. Структурные элементы рассмотренного сюжетного типа модифицируются, приобретая на уровне инверсии прямо противоположное смысловое наполнение. В этом случае они пародируются, появляется сатирический оттенок. Процессы пародийной перелицовки образа героя-искателя, инверсия в структуре текстов сопоставимы с преобразованиями в русских былинах, которые выявлены Б.Н. Путиловым [4].

Литература

1. Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост.: Л.Г. Бараг, И.П. Березовский, К.П. Кабашников, Н.В. Новиков. Л., 1979.
2. Народные сказки Нижней Волги / Ред., подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. Л.Л.Ивашнёвой. Астрахань, 1999. Далее указ. только стр.
3. *Медриш Д.Н.* Слово и событие в русской волшебной сказке // Русский фольклор. Л., 1974. Т. XIV. С. 119–131.
4. *Путилов Б.Н.* Пародирование как тип эпической трансформации // От мифа к литературе: Сб. в честь 75-летия Е.М. Мелетинского. М., 1993. С. 101–116.

Астраханский государственный университет

Зоосоматизм *хвост* в русской фразеологии

© М. М. ВОЗНЕСЕНСКАЯ,
кандидат филологических наук

«Уж до чего шероховато время,
А все-таки люблю за хвост его ловить,
Ведь в беге собственном оно не виновато
Да, кажется, чуть-чуть жуликовато...»

Осип Мандельштам «Полночь в Москве.
Роскошно буддийское лето...»

В статье рассматриваются фразеологические единицы русского языка, в состав которых входит название части тела животных – зоосоматизм *хвост*: *ходить хвостом* (за кем-л.); *ловить/поймать за хвост*; *вертеть хвостом* и др. Описываются структурные и физические признаки этого соматического объекта, нашедшие отражение в русской фразеологии.

Ключевые слова: фразеология, фразеологизм, зоосоматизм, соматический объект, хвост.

The paper considers Russian phraseological units with the animals body part name – animal somatism *hvorst* (tail): *hodit' hvostom* (za кем-л.); *lovit'/pojmat' za hvost*; *vertet' hvostom* etc. The paper describes structural

and physical features of this somatic object which are reflected in Russian Phraseology.

Key words: phraseology, idiom, animals body part names, animal somatism, somatic object, hvost (tail).

Фразеологические единицы, в состав которых входят названия животных (зоонимы) и названия частей тела человека (соматизмы), составляют две наиболее многочисленные группы в русской фразеологии. На «пересечении» этих групп находятся фразеологизмы, содержащие в своем составе зоосоматизмы – названия частей тела животных (*морда, лапа, когти, шкура, рога, копыта, крылья, хвост* и т.п.).

Если фразеологические зоонимы и фразеологические соматизмы неоднократно становились предметом изучения (см., например [1, 2, 3]), то зоосоматизмы почти не привлекали внимания исследователей (к немногочисленным исключениям относится работа М. Зентковской [4]). Связано это, по всей видимости, со спецификой номинации частей тела животных, а именно – с соотношением слов-зоосоматизмов и обозначаемых ими соматических объектов.

Действительно, если названия частей тела человека обозначают объекты внеязыковой действительности, принадлежащие одному биологическому виду *Homo sapiens*, то зоосоматизмы именуют части тела разных животных, относящихся к различным биологическим видам, родам и отрядам. Также определенную сложность представляет то, что в русском языке часто одни и те же слова-соматизмы обозначают как части тела животного, так и человека (подробнее об этой особенности номинации см. в [5. С.535]).

Предмет рассмотрения в статье – зоосоматизм *хвост* в составе фразеологизмов русского языка, т.е. признаки и свойства этой части тела животных. Во фразеологических словарях современного русского языка [6, 7, 8] зафиксировано более сорока словосочетаний с компонентом *хвост*, который является, если можно так выразиться, «классическим» зоосоматизмом. С одной стороны, он обозначает часть тела **только** животного, а с другой – почти все животные имеют хвост [9]. Поэтому представляется, что признаки *хвоста*, «отобранные» русской фразеологией, могут быть как общими, свойственными всем хвостам, так и более частными, присущими хвосту того или другого конкретного животного.

При исследовании зоосоматизма *хвост* применяется признаковый подход, разработанный для анализа соматических объектов человека [3, 10, 11]. Рассматриваются три большие группы признаков – структурные, физические и функциональные. Естественно, что один и тот

же признак может актуализироваться в разных словосочетаниях, а один фразеологизм может выражать сразу несколько признаков.

Структурные признаки.

В словарном определении слова *хвост*: «придаток (обычно подвижный) на заднем конце тела животного или задняя суженная часть тела животного» [12] указывается на главный структурный признак этого соматического объекта – его местоположение. Этот признак, по-разному переосмысляемый, лежит в основе многих русских фразеологизмов с зоосоматизмом *хвост*, например: смысл «нахождение в непосредственной близости сзади от кого-то», который конкретизируется как следование (*ходить хвостом за кем-л.*), слежка (*приставить хвост, сбросить хвост, оборвать хвост, привести хвост*) или преследование (*[висеть...] на хвосте у кого-л.; лечь на хвост кому-л.; сесть на хвост кому-л.*).

Фразеологизм *ходить хвостом* имеет значение «неотступно следовать за кем-либо, приставать, надоедать»: «Тома не обижалась, но ходила за Таней *хвостом*, боялась упустить ее из виду» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого). То же значение «неотступного следования» лежит в основе выражения *бабий/дамский хвост*. В XIX веке так называли дамского угодника, волокиту.

Выражения *приставить хвост, сбросить хвост, оборвать хвост, привести хвост*, пришедшие в современный русский язык из уголовного жаргона, обозначают разные ситуации, связанные со слежкой: «А уходили они дважды через соседний участок из предосторожности: на всякий случай, чтобы “*сбросить хвост*”, если за ними попытаются следить» (В. Богомолов. Момент истины). В настоящее время эти фразеологизмы употребляются преимущественно в профессиональной речи работников правоохранительных органов.

Словосочетания [*висеть...*] *на хвосте у кого-л.; лечь на хвост кому-л.; сесть на хвост кому-л.* первоначально относились к охотничьей фразеологии (подробнее о метафоре охоты в русской фразеологии см. [13]). В современном русском языке они расширили свое значение и значат «настигая, догоняя кого-либо, непосредственно следовать за кем-либо, приближаться вплотную к кому-либо» [14. С. 66]: «Между тем лидеры продолжают стремительное движение, граф Новосильцев *висит на хвосте* Конта Портаго. Обе машины выходят из рекордного графика “Антика-ралли”» (В. Аксенов. Остров Крым).

Результатом преследования может быть овладение «добычей», что отражается в идиомах *ловить / поймать за хвост; хватать / схватить / ухватить за хвост; поймать... жар-птицу [за хвост]*: «Демилле обмяк. Опять удалось *схватить* руками *за хвост* птицу надежды, но она упорхнула, оставив в руке легкое перышко» (А. Житинский. Потерянный дом, или Разговоры с Милордом); «Мы по десять часов в

день учим дравидийские языки или бесплодно пытаемся *поймать за хвост* тень прошлого» (А. Пятигорский. Вспомнишь странного человека); «Покуда Тусечка маленькая была, еще порою казалось ему, что не все счастье он упустил, *за хвост* или за одно перышко *ухватился* – удерживает. А коль не упустил вовсе, надежда была – авось на сей раз приручить удастся. И уже навсегда» (Р. Полищук. Пасынки судьбы).

В этих выражениях подчеркивается трудность достижения чего-либо, а также владение объектом не в полной мере. Это объясняется, по всей видимости, относительной автономностью *хвоста*, который, с одной стороны, является частью тела животного, а с другой – самостоятельной сущностью, поэтому овладение им не является залогом полного распоряжения целым.

Эта амбивалентность *хвоста* проявляется и в том, что человек может уподобляться целому – животному с хвостом (*лечь на хвост, повиснуть на хвосте*) или только его части – одному хвосту (*ходить хвостом, приставить хвост*). Нарушение привычного соотношения часть – целое выражается во фразеологизме *хвост вертит собакой*, являющемся калькой английского выражения *the tail wags the dog*. Это выражение употребляется для обозначения отрицательного отношения к такой ситуации, когда маленькая и незначительная часть чего-либо приобретает неоправданно большое значение и начинает контролировать целое: «В итоге, если воспользоваться остроумной поговоркой, ПКП стала тем самым “*хвостом, который вертит собакой*”. Формально не неся никакой ответственности за непопулярные решения кабинета, коммунисты сумели довольно жестко диктовать исполнительной власти свою волю» (Независимая газета. 1996. 17 дек.).

Идея некоей дополнительной *хвоста*, выраженная в словарном определении словом «придаток», фиксируется во фразеологизме *с хвостиком/хвостом*, имеющем значение «с незначительным превышением» и используемом при приблизительном определении возраста, времени, количества чего-либо: «В этом смысле неоценимую помощь советами и приветами подавала та западная ветошница, тетка в теле, благовоспитанная и с опытом, а годков тянула *с хвостиком* на шестьдесят – деликатес да и только» (Саша Соколов. Между собакой и волком); «Кто вздумает познакомиться с бумагами – пожалуйста, все оформлено. Я месяц *с хвостом* обязательно под следствием должен находиться, обстановка диктует. Больше не надо, но месяц *с хвостиком* – обязательно! Необходимо для тех же обстоятельств» (С. Залыгин. Однофамильцы).

Структурный признак «местоположение сзади» может переосмысляться как отставание, регресс: *плестись/оказаться в хвосте* (*у кого-л./чего-л.*), что является реализацией ориентационной метафоры *сзади – это плохо*: «Камерный театр не сумел создать творческого

коллектива, ибо лучшим актерам не дают хода. Камерный театр отстал от общего роста советского искусства, он *плетется в хвосте...*» (А. Рыбаков. Страх).

Еще одна ориентационная метафора, а именно – метафора времени, согласно которой прошлое находится сзади, отражена в значении слова *хвост* – «некоторые не выполненные в прошлом обязательства». *Хвост* в этом значении часто используется в студенческом жаргоне для обозначения академической задолженности (несданных вовремя зачетов и экзаменов): «Богатство мое по-прежнему состоит из одной пары брюк и одного “*хвоста*” – по политической экономии. Пока я учился на первом курсе, мою стипендию аккуратно получала моя домохозяйка, причем при каждой получке она упрекала меня: – Мог бы, лентяй, стать отличником... Теперь в связи с “*хвостом*” домохозяйку лишили стипендии, и поэтому к политэкономии мы готовимся вместе» (Н. Думбадзе. Я, Бабушка, Илико и Илларион). Эта «связующая» роль хвоста, когда он соединяет прошлое и настоящее, отражена в метафорическом уподоблении Иосифом Бродским памяти хвосту: «*Память*, я полагаю, есть замена *хвоста*, навсегда утраченного нами в счастливом процессе эволюции» (Меньше единицы).

Также к структурным признакам зоосоматизмов относится расположение соматических объектов друг относительно друга, их сочленение. В случае хвоста – это то, что у многих животных хвост расположен над анальным отверстием, прикрывая его. Этот структурный признак находит свое выражение во фразеологизмах *псу, коту... под хвост* (*выбросить, выкинуть что-л., пойти*), внутренняя форма которых метонимически обозначает место, традиционно оцениваемое как плохое. Эти выражения употребляются для обозначения или бесполезной траты чего-либо: «Звонки, гудки, свистки, дела, / в конце всего – погост. / И смерть пришла, и жизнь прошла / как будто *псу под хвост*» (И. Бродский. Шествие), или кого-либо/чего-либо, не стоящего внимания, заслуживавшего пренебрежения: «Я молился богу, молился матери, чтобы она помогла нам и эти трое оказались бы теми, кто нам нужен. Я не желал больше никого! Разные пособники, банды и дезертиры – ну их *коту под хвост*! Пусть ими занимаются местные органы. А мы – военная контрразведка, и наше дело – безопасность армии, ее тылов и всех проводимых ею операций» (В. Богомолов. Момент истины).

В структуре фразеологизма [*и*] *в хвост и в гриву*; [*и*] *в хвост и в голову* представлено противопоставление *хвоста* как задней точки *гриве* или *голове* как расположенным впереди. Указание на передний и задний элементы множества является метонимическим способом обозначения целого и используется как лексическая функция Magn «очень, в высокой степени». При этом необходимо отметить, что фразеологизмы

[и] в *хвост* и в *гриву*; [и] в *хвост* и в *голову* представляют собой интенсификаторы плохого, т.е. обозначают осуществленные в полную силу «отрицательные действия» (*бить, гонять, ругать* и т.п.): «И словно взрыв атомный в зале происходит: кидаются все на “добрых молодцев”. Лупят их, метелят в *хвост* и в *гриву*. Отбиваются они, да тщетно» (В. Сорокин. День опричника); «Второй блокнот начинался повестью, брошенной на середине: Арсений имел слабость представить на ЛИТО готовые ее главы и, разруганный в *хвост* и в *гриву*, даже как-то злобно разруганный, едва нашел силы написать еще две-три странички; с тем повесть и была заброшена неизвестно куда, а вместе и проза вообще.» (Е. Козловский. Мы встретились в Раю).

Физические признаки.

Характеристика соматических объектов с точки зрения их размера и формы относится как к структурным, так и к физическим признакам. Признак размера актуализируется во фразеологизме *с гулькин хвост (чего-л. где-л./у кого-л.)*, обозначающем «маленькое количество чего-л.»: «Ты, чем гоготать, прикинул бы, что мы с тобой тут *с гулькин хвост* не вытаскаем. На выпечку не хватит» (В. Распутин. Пожар); «А так как знаний у меня было “*с гулькин хвост*”, то я пользовался только манерой разговора Фридриха» (В. Кунин. Кыся 3: Кыся в Америке).

В основе словосочетания *крысиный хвост/хвостик, мышинный хвост/хвостик*, употребляемых для описания плохих волос (тонкой косы или пучка), лежит признак «тонкий», характеризующий размер хвостов мышей и крыс: «Наконец дверь приоткрылась, старушечка с *мышинными хвостиками* косичек, в длинной байковой рубахе трепетала в проеме, на кончике носа очки» (В. Аксенов. Московская сага. Тюрма и мир).

Выражение *конский хвост/хвостик* обозначает вид женской, а иногда и мужской прически, похожей по форме на хвост лошади: «Да, это была она: тот же “*конский хвостик*”, болтающийся на затылке, и вся стройная сущность большеглазого морского конька» (В. Аксенов. Мой дедушка – памятник); «Господин Половинкин? – спросил мужчина с *конским хвостом*. – Рад вас видеть! Родион Родионович Вирский. А это Дмитрий Леонидович Палисадов, сердечный друг нашего братства и важная общественная персона» (П. Басинский. Русский роман, или Жизнь и приключения Джона Половинкина).

В названиях растений *лисий хвост, заячий хвост* отражаются такие физические признаки хвостов этих животных, как форма, размер и пушистость. Пушистость лисьего хвоста в неявном виде выражается и во фразеологизме *заметать следы*, внутренняя форма которого основана на умении лисы заметать следы своим пушистым хвостом. В следующем примере употребления идиомы раскрывается явный смысл образной основы выражения: «Трепещущая Мария Григорьевна

пробовала отнекиваться, но старик на этот раз не размяк, а грозно стукнув по столу кулаком, опять закричал: “Ну, говори, не ври, окаянная, нечего *лисым хвостом следы замечать!*”» (П. Алешковский. Седьмой чемоданчик).

Уподобление по форме лежит в основе многих устаревших народных названий хвостов разных животных. В словаре В.И. Даля [15] приводится следующая информация: хвост волка назывался *поленом*, хвост лисы – *трубой*, хвост бобра – *лопатой*, хвост зайца – *цветком* или *пучком*, хвост ласточки – *вилкой*, хвост павлина *снопом*, а распущенный – *колесом*: «Волк приостановил бег, неловко, как больной жабой, повернул свою лобастую голову к собакам, и также мягко переваливаясь прыгнул раз, другой и, мотнув *поленом (хвостом)*, скрылся в опушку»; «Как будто почувствовав опасность, волк покосился на Карая, еще дальше спрятав *полено (хвост)* между ног и надал скоку»; «Вот приблизились, вот кругами стала вилать лисица между ними, всё чаще и чаще делая эти круги и обводя вокруг себя пушистой *трубой (хвостом)*» (Л. Толстой. Война и мир). Некоторые наименования хвостов основываются на их функциональных признаках (хвост коровы – *хлестун*, *махало*, хвост борзой собаки – *правило*), о которых пойдет речь во второй части статьи.

Литература

1. Козлова Т.В. Семантика фразеологизмов с названиями животных в современном русском языке. М., 2003.
2. Горды Мирослава. Соматическая фразеология современных русского и польского языков. Щецин, 2010.
3. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–66.
4. Зентковска М. Сопоставительный анализ фразеологизмов с названиями конечностей животных (лапа, крыло, копыто, хвост) в русском, польском и украинском языках // Лингвокультурология. 2010. № 4. С. 60–70.
5. Elizabeth Piirainen. Dialectal phraseology: Linguistic aspects // Phraseology: an international handbook of contemporary research. Berlin, 2007. P. 530–539.
6. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. М., 2006.
7. Лубенская С.И. Русско-английский фразеологический словарь. М., 2004.
8. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. М., 2007.

9. Котенкова Е.В. Чей хвост лучше? М., 1998. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Биология»; № 9).
10. Крейдлин Г.Е. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 1: тело и другие соматические объекты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). М., 2010. Вып. 9 (16). С. 226–234.
11. Крейдлин Г.Е., Переверзева С.И. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 2: Признаки соматических объектов и их значения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). М., 2010. Вып. 9 (16). С. 235–240.
12. Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
13. Вознесенская М.М. О метафоре охоты в русской фразеологии // Русская речь. 2014. № 5. С. 110–117.
14. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. М., 1995.
15. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1980.

Окончание следует

*Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН*

Заметки по ЭТИМОЛОГИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ СЛОВ

© Т. В. ГОРЯЧЕВА

В статье предложены версии этимологизации некоторых восточнославянских слов (преимущественно русской диалектной лексики): др.-русск. *нещице*, донск. *протряпнуть* «пообсохнуть после дождя» (о земле), сев.-двин. *метричать* «моросить, отсыревать» (о погоде), рус. диал. *оклемёзок* «неуклюжий человек», донск. *хордуны* «остатки материи», вят. *лакинья* «полоса воды между берегом и краем льда», «незамёрзшее место на реке, озере», арханг. мез., урал. *посово* «гнилое дерево», арханг. *бакман* (*снега*) «ком снега», карел. *хоробить* «приготовлять пищу, печь», забайк. *рунко* «дождливо».

Ключевые слова: этимология, диалекты, мотивационная модель, русский язык, древнерусский язык, восточнославянские языки, реконструкция, праславянский язык.

This articles suggests etymologies for several words of East Slavic languages. The majority of the rare lexemes of Russian dialects. Ten sketches are provided: to Old Russian *netishche*, to Russian dial. (donsk.) *protryapnut* 'to dry after rain' (about the earth), to Russian dial. (severodvinsk.) *metrichat* «to drizzle, to become damp» (about the weather), to Russian dial. *oklemyozok* «a clumsy man», to Russian dial. (donsk.) *khorduny* «fabric remnants», to Russian dial. (vyatsk.) *lakinya* «a strip of water between a bank and the edge of ice», «an opening in the ice of rivers or lakes, or a place left unfrozen», to Russian dial. (arkhang. mezen., ural.) *posovo* «rotten wood», to Russian dial. (arkhang.) *bak'man* (*snyega*) «a ball», to Russian dial. (karel.) *khorobit* «to cook, to bake», Russian dial. (zabaikal.) *runko* «rainy».

Key words: etymology, dialects, motivational model, Russian, Old Russian, East Slavic languages, reconstruction, Proto-Slavic.

В словаре Срезневского зафиксировано сущ. *нещице* без значения и в следующем контексте: «от горькаго смрада его *нещица* блаженъии

нача плевати часто». Цитата взята из «Жития Андрея Юродивого» с латинским переводом *ferre illum nequiens necessum haberet perfectuo exegere* [1. Т. II. С. 433]. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово пропущено, нет его и в «Словаре русского языка XI–XIV вв.»

В словаре русских народных говоров представлено слово *нѣтки*, мн. «Усики ползучих растений»: «Огурцы скороспелые, усы называют нетки». Юргин. Кемер., 1964», а также «*неткиголовки*, мн. О чем-либо самом лучшем. Самые *нетки-головки* много молока дают (о коровах)» [2. Вып. 21. С. 175. Далее СРНГ]. В мордовских говорах зафиксировано слово *неть*, и, ж. «гора»: «На пасху яйца под *нетью* катали»; «Иди под *недь*, там и родничок» [3].

О слове *нѣткиголовки* «о чем-либо самом лучшем» писала Ж.Ж. Варбот, воспринимая *нетки*, как родственное *нетина* «ботва огородных растений» и подчеркивая при этом «известное восприятие ботвы как “вершков” (противоположных корням)»; по ее мнению, «в этом окружении *нѣткиголовки* может быть истолковано как сложение двух синонимичных основ “вершки” и “самое верхнее (головки)”, откуда и “самое лучшее”» [4].

Ю.П. Чумакова, также анализируя слово *неткиголовки* (предполагая ед. ч. **нетка?*) связывает его с сербохорватскими глаголами – *nijeti* (ср. *zànijete*) «понести, забеременеть», которые О.Н. Трубачев рассматривал как отражение древнего супплетивизма глагольной парадигмы для значения «нести» и на основе сближения с др.-инд. *náyati* «вести», авест. *naueiti* «приносить», др.-перс. *a-naua* «вел, приносил», ср.-перс. *nītan* «вести, гнать», хетт. *nāi* – «направлять, вести» – возводит через праслав. **něti* «нести, приносить» к и.-е. корню **naī-* (или **noj-*) [5].

В этой связи Чумакова предполагает первоначальную форму ряз. *нетка* как **nětka* и считает его образованием от причастия **ně-tъ* при глаголе **něti*, «который уже в праславянском, по-видимому, развил дополнительное узкое значение “приносить потомство”». В таком случае «сущ. *нѣтка* (а может быть, и прилагательное *неткий*) первоначально обозначало “приносящий потомство; дающий, -ая продукт (о животном)”». Далее ею дается схема развития: «приносящий потомство» > «дающий хороший приплод (о животном)» > «высокопродуктивный; племенной (о скоте)» > «лучший (о скоте)» [Там же]. Однако здесь может быть учтено тоже морд. *неть* «гора», которое, возможно, того же происхождения, что и *нѣтка* (т. е. то, что вознесено, воздвигнуто вверх?).

Что же касается значения слова *нетище*, приведенного Срезневским, то здесь, возможно, речь идет об одежде, от горького смрада которой плюют святые. Оно может быть родственным морд. *неть* «гора», ряз. *нетки* «усики» и восходить к праслав. **něti*, значение которого было и «нести, приносить». Вызывает, однако, возражение написание

в слове *нетище е*, а не *ё*, это может быть ошибкой переписчика, связавшего его с *нести*.

В Словаре В. Бурнашева приводится выражение *протряпнула земля* в значении «говорится на Дону, когда земля после дождя пообсохнет» [6]. Выражение отсутствует в СРНГ и других диалектных словарях. На основании этого выражения можно реконструировать глагол **protr'apnōti*, который вполне правомерно связан с сущ. *тряпка*, др.-русск. *тряпка* (неоднократно в XVI в.), чеш. *třapec*, *střapec* «кисть, махор», *střepiti* «размочаливать», словц. *strapec* «бахрома пучок», польск. *strzępka* «полевой хвощ», *strzępić* «мочалить». Предполагают экспрессивную назализацию и сравнивают далее с *mpenámь* [7].

Сюда же *тряпать* «медленно идти» [8] (ср. просторечное: Он потрепал по дороге.) и *натряпкать* «намять, давя превратить в мягкую массу»: «Натряпкаешь ложкой картошку да и в печь поставишь» [9]. Ж.Ж. Варбот, изучая гнездо и.-е. **trep-* > праслав. **trep-*, **tr'ap-* вводит в него и кашуб.-словин. *třap* «грязь на дороге; мокрый снег с дождем; жидкий суп» [10], но это может быть и звукоподражательным образованием, ср. кашуб.-словинское междом. *třitřap!* «звук шагов по воде». Кашуб.-словин. гл. *třapas* о снеге с дождем «идти», может также восходить к звукоподражанию . *třap*, и равным образом входить в круг продолжений и.-е. *trep-* (с переходом *o*) *a* и смягчением *r*).

К праслав. **tr'apati* (без *s-* мобиле) относится также ср.-обск. и *затряпывать* «сгребать (золу) в одну сторону» [11], т. е. сминать в одну сторону золу. В елинских говорах болгарского языка находим как бы частичную параллель русскому выражению *протряпнула земля: ну упрѣ пвѣм, ну упрѣ пнѣ* «высохнуть – о почве, земле» < **poobtrepnōti*, что также входит в круг продолжений и.-е. *trep-* [12].

Глагол *мётричать, ает*, неперех. в значении «моросить, отсыреть (о погоде)» с пометами *сев.-двин.* находим в СРНГ [2. Вып. 18. С. 142]. Он входит в круг многочисленных диалектных названий осадков, сырости и т. д., среди которых много экспрессивных слов, а также с нерегулярными менами гласных, с меной согласных. Прежде всего необходимо проверить версию о заимствованном происхождении. В относительно близких по территории балтийских языках, а именно, в латышском есть слово *mitrs* в значении «сырой»; а также глагол *mitrināt* «смачивать» [13]. Однако эта версия кажется недостаточно убедительной. Попробуем объяснить происхождение слова на исконной почве, а, именно, связав его с русск. *метаться*, которое, в частности, имеет значение «разбрызгиваться»: «Белу рыбицу я чистила: Бела рыбица трепалася, По стенам руда металася (Симб., Шейн)» [2. Вып. 18. С. 135]. Возможно, также сюда же *метать*, «несов., перех. и неперех. Подмывать, разрушать. “Яр мечет” (Тобол., 1899)» [Там же]. Ср. серб. *métati*, *měšém*, *měcati* «рушить; сыпать, лить; пускать,

и т. д.». Интересно также в связи с этим болг. *дрезгометина* «дождь со снегом» [14]. От глагола *metati могло быть образовано *metriti и, далее > *metritjati.

Однако это не единственное предположение: в псковских говорах (осташ., твер.) записано слово *мо́крик*, а. м. «1. “западный ветер” Мокрик. Осташк. Твер., 1859. Калинин, Пск. Мокрик. Холм., Пск. 1916 и т. д. 2. Мокрик “мокрый снег” Пск., Осташк., Твер., 1858», а также *моко́рь* и, ж. «сырая погода» (Шуйск., Влад., Архив РГО [2. Вып. 18. С. 209, 207]).

В данном случае можно предположить изменение слова *мо́крик* под влиянием глагола *метать* в *ме́трик* и образование от *ме́трик* *ме́тричать*. Любопытна также замена *к/т* в глаголе *мо́трени́ть* «мочить»: «Дождиком *мо́трени́т*, надо дверь закрыть» [9], *о > и* в глаголе *мо́ри́сить*, *ит*, несов., неперех. «моросить. Киров., Том., 1964» [2. Вып. 18. С. 264].

В словаре русских народных говоров записано слово *оклемёзок* и тут же *оклемётюк* в значении «неуклюжий человек» (с пометой *бранно*) [2. Вып. 23. С. 125]. Авторы Этимологического словаря украинского языка, приводя прилаг. *неклемёзний* «нескладный, некрасивый, плохой», считают его «неясным» и предположительно связывают с *кле́мези́ти* «склеивать» [15. Вып. 4. С. 67], что в свою очередь получило в словаре помету «неясно» и возможность связи с польск. *klemięzić* «что-либо делать плохо» [Там же. Вып. 2. С. 458]. Русское *оклемёзок* и украинское *неклемёзний*, на наш взгляд ближе всего с белорусским диалектным *нехлямя́жы* «неряшливый, грязный, опущенный», «неаккуратный, нескладный, неловкий, абыкакой», «неповоротливый, неспособный»; *нехлямя́жы* «невзрачный, непривлекательный», толкуемое авторами этимологического словаря белорусского языка: а) как балтизм «имя прилагательное, образованное в белорусском языке на базе балтийского слова, о чем свидетельствуют география и фонетические варианты с чередованием *к/х* *ніклямяжы, ніклімажы*», «ср. лит. *kleĩšinti, klemšioti* “некрасиво есть”»; б) не исключено, что в основе народная форма типа *хлямяга*, ср. *ніклямяга* «неумеха», *ніхлямяга* «нескладный человек», от звукоподражательных *хлямаць* «громко есть», *хлэмаць* «нескладно есть» и под. В обоих случаях *не-* имеет усилительный характер, ср. мена *ха́лена / неха́лена* «плохая погода» [16. Вып. 8. С. 21].

Однако все эти примеры можно возвести к праслав. *xlemъjь, *xlema, среди продолжений которых слова, близкие им по значению и форме: чеш. диал. *chlemý*, прилаг. «неловкий, неспособный»; болг. диал. *хлэма* «легкая болезнь, недомогание»; *хлэмав*, прилаг. «недомогаящий, прихварывающий, физически слабый»; *хл'ёмка* ж. р. «слабая хроническая болезнь, от которой больной испытывает постоянную

слабость и недомогание»; русск. диал. *хлёма* «тихоня», производное *хлямотной*, -ая, -бе «изнуряющий, обессиливающий». Все эти примеры – экспрессивное наращение *х-* к *к*. **lem-/lom-* [17. Вып. 8. С. 25. Далее ЭССЯ].

В перечисленных нами русск. *оклемезок*, *неклемэзкий*, блр. *нехлямежы* можно определить образование от *(*x*)*lemeġa* < **xlemi*t > *(*x*)*lemeġa* с экспрессивной меной *k/x*. Ср. с точки зрения образования укр. *скорязний* «спокойный» от *кори́ти* [15. Вып. 5. С. 283]. Сюда еще можно добавить *несухлёмный* «некрасивый»: «Посмотрите, какую старуху привезла несухлемную (Арханг., 1973)» [2. Вып. 21. С. 169]. Возможно еще *склёмний* «тихий» [Там же. Вып. 9. С. 37].

В олонечких говорах зафиксирован гл. *проклемáзить* в значении «болтаться, слоняться без всякого дела». Возможно сюда же и *проклемáзить* – «быть разболтанным, слабым, ничего не делающим».

Слово *хордуны* «остатки от всяких материй» записано В.Ф. Соловьевым в говорах донских казаков [18]. Оно еще никем не этимологизировалось. Представляется возможным толковать его как образование от праслав. *xъrdati, продолжениями которого в славянских языках являются: сербохорв. диал. *xr'dati* «бить, колотить (сильно, громко), *r'dati* «грызть, есть с хрустом», «ругать, бранить», словен. *hrdati* «грызть», «сильно бить», «есть с хрустом», русск. диал. *хордаць* «толсто прясть» [17. Вып. 8. С. 147]. «Далее, *xъrdati* восходит к *skъrditi, ср. *obskъrdъ (см.) и – с другой ступенью чередования – *skorditi» [Там же]. Сюда же, вероятно, можно отнести и гл. *захардúть* «заболеть, зачахнуть (Ср. Урал, 1964)» [2. Вып. 11. С. 143], тем более, что в ЭССЯ упоминается возможность присоединения к *xъrdati словц. *chrdý* «тощий, худой», «если оно не связано с *xud (см.) как случай индексации *-r-* вроде лит. *skurdùs?*» [17. Вып. 8. С. 147]. Сюда же *захордяшний* [удар?] «захудалый. Ишим., Тобол.» [2. Вып. 11. С. 143]. Без определения значения авторы СРНГ дают относящиеся сюда же *захордяшний*, -ая, -ое: «Стало быть, и при воле, какой ты *захордяшний* ни будь, а с голоду все равно не пропадешь. Уральск. 1903» [2. Вып. 11. С. 160].

В Областном словаре вятских говоров находим слово *лакúнья* в значениях: «полоса воды между берегом и краем льда. // Незамерзшее место на реке, озере» [19. Вып. 5. С. 171]. Слово еще не этимологизировалось, оно кажется безупречным образованием от праслав. *loky, -ъве, продолжения которого имеют значения «лужа, водоем, яма, болото, озеро, пруд, лагуна и пр.» [17. Вып. 16. С. 10]. Впервые запись в областном вятском словаре дает возможность пополнить ряд славянских продолжений праслав. *loky, -ъве русским примером.

В.И. Далем записано слово *посовó* (с пометой *арх.-мез.*) в значении «сгнившая в прах березовая колода» [20. Т. III. С. 338]. Подвысоцкий толкует слово *посовó* как «иструхлевшее, превращающееся в порошок

березовое дерево» [21. С. 134]. В Дополнении к Словарю Среднего Урала *посо́во* – «сгнившее, трухлявое березовое дерево» [22. С. 448]. В говорах Низовой Печоры *посова́* «пустое, без ядра зерно» [23. Т. II. С. 121]. СРНГ дает слово *посово́*, в значении: «трухлявая, превратившаяся в порошок древесина. Мезен., Арханг., 1870. *Посово* – гнило дерево, наскоблят, разобьют, кладут в пимы» [2. Вып. 30. С. 192].

Слово, вероятно, заимствованное. Скорее всего, источником послужил ненецкий язык: ср. *посава* «дряблый», *посава, посава ня пудёко* «порошок гнилого дерева, употребляемый вместо талька», *посава* «присыпка (древесный порошок)», *посавы* «распухший», *поса(сь)* «растухнуть» [24].

Составителями Архангельского областного словаря представлено слово *бакма́н*, -а, м. с вопросом вместо значения «бакма́н сне́гу све́рху» [25. Вып. 1. С. 98]. Несомненно, что это *батма́н*, а. м (с меной *t/k*).

В СРНГ приводится слово *батман*, а, м. «1. Единица измерения веса различной величины; количество чего-либо, равное этой мере, иногда — гиря такого веса. 10 фунтов Горох., Влад., 1820. *Купить батман соли*. Ярослав., Костром., Нижегород., Казан., Волж., Тамб., Саратов., Оренб.) 15 фунтов. Астрах., 1806. 18 фунтов. Крым, Даль. 1 пуд. Твер., 1852. 3 пуда Казан., 1806. 4 пуда. Уфим., 1849) и т. д.

2. Несколько кистей рябиновых ягод, насаженных на прут с суком внизу для поддержки. Шенк., Арх., ... 1880).

3. Большая голова. Иван., 1901–1905. Влад., Урал, 1930.

4. Глиняная посуда, похожая на кувшин. Ростов., Ярослав., 1902» [2. Вып. 2. С. 143–144].

Слово считается заимствованным из тюркского: ср. тат. *batman* «вес в 4 фунта», диал. «посудина, вмещающая сыпучие вещества весом в один батман», башк. «старая мера сыпучих товаров», диал. «узкая длинная кадка», др.тюрк. *batman* «мера веса (от 180 до 300 кг)» [7. Т. I]. «Нередкое понимание тюрк. слова как произв. от тюрк. *bat* – «опускаться, погружаться» м. б. нар. этимол.» [26. Т. 2. С. 272]. Возможно, *бакма́н сне́гу све́рху* – снежное возвышение, шапка снега, снежный шар?

Глагол *хоробить*, несов. «приготавливать пищу, печь»: «Я все на крутую руку *хоробила*, от сырой и получился» [27. Т. 6. С. 733] еще не фигурировал в этимологической литературе. С префиксом **jъz-* *исхоробать* «много раз перевернуть» (охан., перм., 1930) он записан в Словаре русских народных говоров [2. Вып. 12. С. 269]. *Хоробить, исхоробать* может восходить к первоначальному **xorъbь*, по мнению Эндзеллина, родственного лтш. *skarbs* «острый, строгий, суровый, задорный», др.-исл. *skarpr* «острый». «В семантическом отношении ср. лат. *acer* “острый энергичный, решительный, пылкий”» [17. Вып. 8.

С. 72]. Итак, *xorbiti, *jьzxorbatī могут быть родственны исходному к *xorbь, *xorbрь (с вторичным расширением с помощью *-рь* по образцу *dobрь, *bystrь (согласно Эндзелину) [Там же]. Включение гл. *xorbiti в гнездо *xorbь, *xorbрь, возможно, подтверждает фиксация русск. *хороброе* ср. р. «вкусное кушанье» [20. Т. IV]. Более того, О.Н. Трубачев усматривал «Следы стар. значения ср. в русск. диал. *хоробрый* “тщеславный”, *хороброе* “вкусное кушанье”» [Там же]. Праслав. *xorbь принято считать восходящим к и.-е. *(s)*korь-bh-* от *(s)*ker-* «резать, сечь» [Там же]. Приготовление пищи также связано с резанием, верчением.

В Словаре русских говоров Забайкалья Элиасовым записано наречие *ру́нко* «дождливо»: «На дворе стоит *ру́нко* – нитки сухой на мне нету» и существительное *ру́нко* «слякоть» [28. С. 361]. Если это не заимствование, ср., например, марийск. *рун* «мокрый», *рун вымáш* «насморк», *рунёр* «сопьяк; сопливый» [29], то, признавая его исконным, возможно, связав со словен. *runje* «die Bachbungen, anagallus» [30], и далее с ст.-слав. *ryjo*, *ryti* «копать», *ръвр* «рвать, разрывать, выпалывать», *ryль*, *ryло* «заступ, лопата, мотыга», *ровь* «канавка, пещера», *руно* «ручей», относимых Покорным к и.-е. *reu-*, *reuə-*: *ry* выдирать, рыть; взрывать; разрывать; схватывать» [31].

Литература

1. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893–1903.
2. Словарь русских народных говоров. М.-Л.; СПб., 1965-.
3. Словарь русских говоров на территории Мордовской АССР. Саранск, 1978-.
4. Варбот Ж.Ж. Заметки по этимологии русской диалектной лексики (на материале словаря д. Деулино) // Исследование по русской и славянской этимологии. М., 2012.
5. Чумакова Ю.П. Из этимологических примечаний к лексике рязанских говоров // Этимология. 1982. М., 1985. С. 101–102.
6. Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного. СПб., 1843. Т. 1. С. 146.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987.
8. Немченко В.Н., Сеница А.И., Мурникова. Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига, 1963. С. 327.
9. Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вологда, 1983-.

10. *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. 1985. М., 1988. С. 25.
11. Словарь старожильческих говоров Средней части бассейна р. Оби. Томск, 1964–1967.
12. *Петков Петко Ив.* Еленски речник / БД VII. С., 1975. С. 390.
13. *Latviešu – krievu vārdnīca* // Третье издание. Rīga, 1977. С. 390.
14. *Koseska U.* Bułgarskie słownictwo meteorologiczne na tle ogólnosłowiańskim. Wr.-W-Wa, Kr.-Gdańsk, 1972.
15. *Етимологічний словник української мови.* Київ, 1982-.
16. *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы.* Мінск, 1978-.
17. *Этимологический словарь славянских языков.* М., 1974-.
18. *Соловьев В.Ф.* Особенности говора донских казаков //Сб. ОРЯС. СПб., 1900. Т. 68. С. 50.
19. *Областной словарь вятских говоров.* Киров, 1996-.
20. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989–1991.
21. *Подвысоцкий С.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
22. *Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения.* Екатеринбург, 1996.
23. *Словарь русских говоров Низовой Печоры.* СПб., 2003. С. 121.
24. *Пырерка А.П.* и *Терещенко Н.М.* Русско-ненецкий словарь. М., 1948. С. 73.
25. *Архангельский областной словарь.* М., 1980-.
26. *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь М., 2007-. Вып. 1.
27. *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей.* СПб., 2005. Вып.6. С. 733.
28. *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980. С. 361.
29. *Марийско-русский словарь.* М., 1956. С. 569.
30. *Versuch eines Etymologikon der slowenischen Mundart in Immuqesterreich nach Verläßlichen Quellen bearbeitet von U. Jarnik.* Klagenfurt, 1832.
31. *Pokorny J.* Indogermanischen etimologischen Wörterbuch. Bern, 1949.

*Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН*

И тут «Пушкин»

© Е. А. ЛЕВАШОВ,
кандидат филологических наук

В нашей речевой практике иногда возникают ситуации, требующие кого-то через *кого-то*. На роль *кого-то* язык обычно выбирает известного литературного персонажа, обладающего какой-либо характерной особенностью. Академик Л.В. Щерба отмечал: «Когда в собственном имени какой-нибудь признак становится существенным и обязательным, то собственное имя становится нарицательным (Плюшкин)» (Лекции по русскому синтаксису // Вопросы языкознания. 1970. № 6).

Но бывают у нас житейские ситуации, когда в речевом обиходе фигурирует не художественно выдуманное, а реальное лицо и его реальное имя. В нашем языке это лицо и имя – *Пушкин*: «А бетон кто мне на этот жижесборник даст? Пушкин?» (В. Франюк. Конец календарного года // Наш современник. 1984. № 1); «А чертить Пушкин будет?» (СПб. ведомости. 2005. 30 июля); «Кто оплатит мою учебу в институте? Пушкин?» (Моя семья. 2010. № 9); «Пусть работает Пушкин!» (СПб. ведомости. 2012. 17 мая). Может ли у нас в таких речевых ситуациях (когда нужно обозначить какое-то лицо) видеть *кого-то* другого?

В таких ситуациях это место давно закрепилось за Пушкиным, о котором еще его современник Гоголь сказал: «Пушкин как явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа» (несколько слов о Пушкине).

Выдающееся положение творчества Пушкина в русском искусстве и – шире – в русском мышлении привело к тому, что личное имя *Пушкин* в некоторых речевых ситуациях превратилось в имя нарицательное, т.е. в устойчивую языковую единицу.

... И тут, в далекой от литературы сфере Пушкин оказался востребованным и незаменимым.

Санкт-Петербург

Число и цифра

© В. П. СПИРИДОНОВ

Однажды, переключая телевизионные каналы, я невольно просмотрел часть передачи на детском телеканале «Карусель». Речь шла о значении и использовании слов *один*, *два* и *три*. Дошкольникам разъясняли, что каждое из этих слов обозначает два понятия: *число* и *цифра*. Но, переключившись на «взрослый» телеканал, можно очень быстро убедиться в том, что работникам даже центральных СМИ невдомек, что это – разные понятия. Более того, открыв «Новый словарь русского языка» Т.Ф. Ефремовой, я с удивлением обнаружил, что слово *цифра* в разговорном варианте может означать «число». Вот те раз! Как же тогда школьникам на уроках арифметики можно разъяснять, что числа существуют для определения количества, а цифры – для отображения чисел на письме, если на следующем по расписанию уроке русского языка им сообщат, что в разговоре это тождественные понятия? Ситуация в конечном итоге выглядит так, что представители лингвистики, не утрудившись разбором смысловых подробностей этих слов, узаконили, по сути, невежество. В связи с этим вспоминается советский мультфильм про «Вовку в тридевятом царстве», когда он, устав месить тесто в кадлушке, затолкал его целиком в печь со словами: «и так сойдёт!». Но это не может «сойти», потому что в основе построения любого языка стоит соответствие слова и его смысла, а отсутствие этой логики порождает семантический хаос.

Наглядно существующая ситуация демонстрируется в замечательном фильме С. Росточкиго «Доживем до понедельника». В одной сцене картины главный герой В. Тихонова со справедливым негодованием отчитывает коллегу за невежественное «Не ложьте книги в парту! А они все ложат и ложат!». А вскоре, поздравляя другую коллегу с двадцатилетним юбилеем работы в школе, торжественно произносит сам: «двадцать лет – это цифра!». По логике «борьбы с невежеством», в этот момент должен появиться учитель математики и так же бурно объяснить учителю истории азы счисления в десятичной системе. Напомнить уроки первого класса, на которых детям объясняют, что числа в математике изображаются специальными знаками-крючками, специальными «математическими буквами», называемыми цифрами.

Что в десятичной системе таких «крючков» десять 0, 1, ... 9, и именуются они так же, как и соответствующие им одноразрядные числа. Поэтому, употребление выражения «цифра двадцать» с точки зрения учеников первого класса ошибочно дважды. Во-первых, такой цифры нет вообще в десятичной системе, и, во-вторых, количество (в том числе и лет, проработанных в школе) измеряется в числах. Фильм, конечно, не об этом, но факт показательный. Зритель обращает внимание на недопустимость употребления слова «ложить» и пропускает употребление слова *цифра* вне его смысла.

В результате каких логических построений число стало цифрой, понять и принять невозможно. Если число, изображаемое цифрами, можно называть цифрой, тогда любое слово, написанное буквами, по этой логике, можно называть буквой! Причем «разговорность», под которой понимается использование слова *цифра* вместо числа в процессе непринужденного, неофициального общения, опровергается ежедневной практикой. Достаточно послушать речи официальных лиц или почитать статьи в центральных газетах, чтобы убедиться в том, что *число* стало *цифрой* уже официально и письменно.

Журналисты с экранов телевизоров уже запросто «округляют» цифры и выполняют над цифрами математические операции! Остается пребывать в догадках, где же изложены правила этих замечательных действий? Высшее техническое образование не дает мне ответа на этот вопрос. Когда речь идет о числах, можно открыть учебник арифметики. Толковые словари русского языка уравнили в устной речи числа и цифры. Но только теперь надо сделать и следующий логический шаг: «растолковать» в том же словаре, как выглядит разговорная «округленная» цифра.

Из описанного очевидно, что различие с детства смешавшихся слов *число* и *цифра* мало заботит носителей русского языка. Однако встречаются и исключения. Так, на телеканале РБК участник передачи, профессор Высшей школы экономики, сказал, что его раздражает повсеместное употребление слова *цифра* вместо слова *число*. Из данной реплики можно сделать вывод, что этот вопрос обращает на себя внимание, значит, не я один «такой умный», что стало дополнительным аргументом в пользу написания этого письма.

Серпухов
Московской обл.